

«БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ»

Издание А.А. Плюшара

ТОМ IV

**ДВА ГОДА  
ИЗ ЖИЗНИ РУССКОГО МОРЯКА.**

ТОМ I

ОПИСАНИЕ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ,  
СОВЕРШЕННОГО В 1840 - 1842 ГОДАХ

НА РОССИЙСКОМ ТРАНСПОРТЕ «АБО»

**СОЧИНЕНИЕ Г.К. БЛОКА**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1854

**ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОГО ТОМА**

ГЛАВА I. Плавание от Кронштадта до Портсмута.....	2
ГЛАВА II. Плавание от Портсмута до Капштадта .....	13
ГЛАВА III. Плавание от Капштадта до Сингапура .....	50
ГЛАВА IV. Плавание от Сингапура до Камчатки.....	88

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЮ НЕ-МОРЯКУ**

По просьбе издателя «Библиотеки Путешествий» я приложил ко второму тому объяснение некоторых морских терминов, встречающихся в моём описании, и с тем вместе пользуюсь случаем сказать по этому поводу несколько предварительных и, может быть, не совсем лишних слов.

Не только «желание сохранить характер морского изложения», часто необходимость заставляла меня жертвовать популярностью рассказа. Стало быть, правильное повествование о морском путешествии неминуемо влечёт за собою терминологию моряков. К тому же, как смею думать, нельзя требовать от моряка-рассказчика, чтобы он выражался для многочисленного круга своих собратьев фразами искажёнными, смешными, и которые для не-моряка, т. е. для человека, непосвящённого в тайны морской стилистики, всё-таки останутся непонятными<sup>1</sup>. Наши

---

<sup>1</sup> Я вывожу это из предположения, что какой-нибудь *парпет штурборда* (как «переводят» наши беллетристы-неморяки) несколько не понятнее, чем правильное морское выражение («площадка

неморяки-писатели безжалостно *ездят*<sup>1</sup> и *заворачивают*<sup>2</sup> по морям; *отваливают*<sup>3</sup> да *причаливают*<sup>4</sup>; *отпихиваются баграми*<sup>5</sup>; *разъезжают в лодках под палатками*<sup>6</sup>; *ходят на кораблях по лестницам*<sup>7</sup>; *приезжают в пристань*<sup>8</sup> и всякую ладью или лайбу без запинки величают *кораблём*<sup>9</sup>.

Все это так, да не так, потому что подмечено не у моряков... Они говорят несколько благозвучнее, по крайней мере в этом отношении. Подобные выражения, как приведённые выше, не употребляются моряками; они неприятны для его уха так же, как показались бы теперь для него странными обветшалые слова «дондеже, поелику, понеже». Итак, если местами я буду для читателя-неморяка собеседником «тёмным», прошу на меня не сетовать. Dixi!

## ГЛАВА I ПЛАВАНИЕ ОТ КРОНШТАДТА ДО ПОРТСМУТА

*Последние дни в Кронштадте. Приготовление к экспедиция. Выход в море; плавание Финским-заливом и Балтийским морем. Прибытие на Копенгагенский рейд. Датский флот. Копенгаген. Лавировка к Гельсинору. Замок Кронеборг. Могила Гамлета. Значение Гельсинора в торговом отношении. Плавание Каттегатом, Скагерраком и Немецким морем. Английский лоцман. Лавировка по рейду. Картина портсмутского рейда. Прибытие в Портсмут. Значение Портсмута в военном отношении; его адмиралтейство и мастерские. Англичанки. Яхт-клуб. Гонка двух яхт к Эдистонскому маяку. Ковеская верфь. Шторм на модербанкском рейде. Кораблекрушения в Канале. Затонувший корабль «Royal George». Лодочник Джон Коттлер. Отплытие.*

---

правого или парадного трапа»). Разве понятно читателю «мы проехали линию острова»? Я думаю — нет, потому что и моряк стал бы в тупик, если б не предупредительность переводчика, с которою он поместил при этом (в скобках) французское *travers de l'île*, что по-нашему означает «траверс острова» и в вышеприведённой фразе должно быть выражено так: «мы прошли (уж никак не *проехали*, господа беллетристы!) траверс острова», т. е. миновали остров *на перпендикуляре курса* или *того направления, по которому располагалось плавание судна*.

<sup>1</sup> Это выражение не употребительно у моряков, потому что они *ходят* по морям;

<sup>2</sup> *поворачивают* или *изменяют направление*;

<sup>3</sup> *отваливают* или

<sup>4</sup> *пристают*;

<sup>5</sup> *отталкиваются крючьями*;

<sup>6</sup> *разъезжают в шлюпках под тентами*;

<sup>7</sup> *ходят* (вообще) *на судах по трапам*;

<sup>8</sup> *пристают к пристани* и

<sup>9</sup> называют кораблём *только военное судно*, на котором считается от 74-х до 120-ти орудий.

В начале сентября 1840 года, на малом кронштадтском рейде стоял только что вытянувшийся из гавани русский военный транспорт, на котором мне предстояло совершить плавание вокруг света.

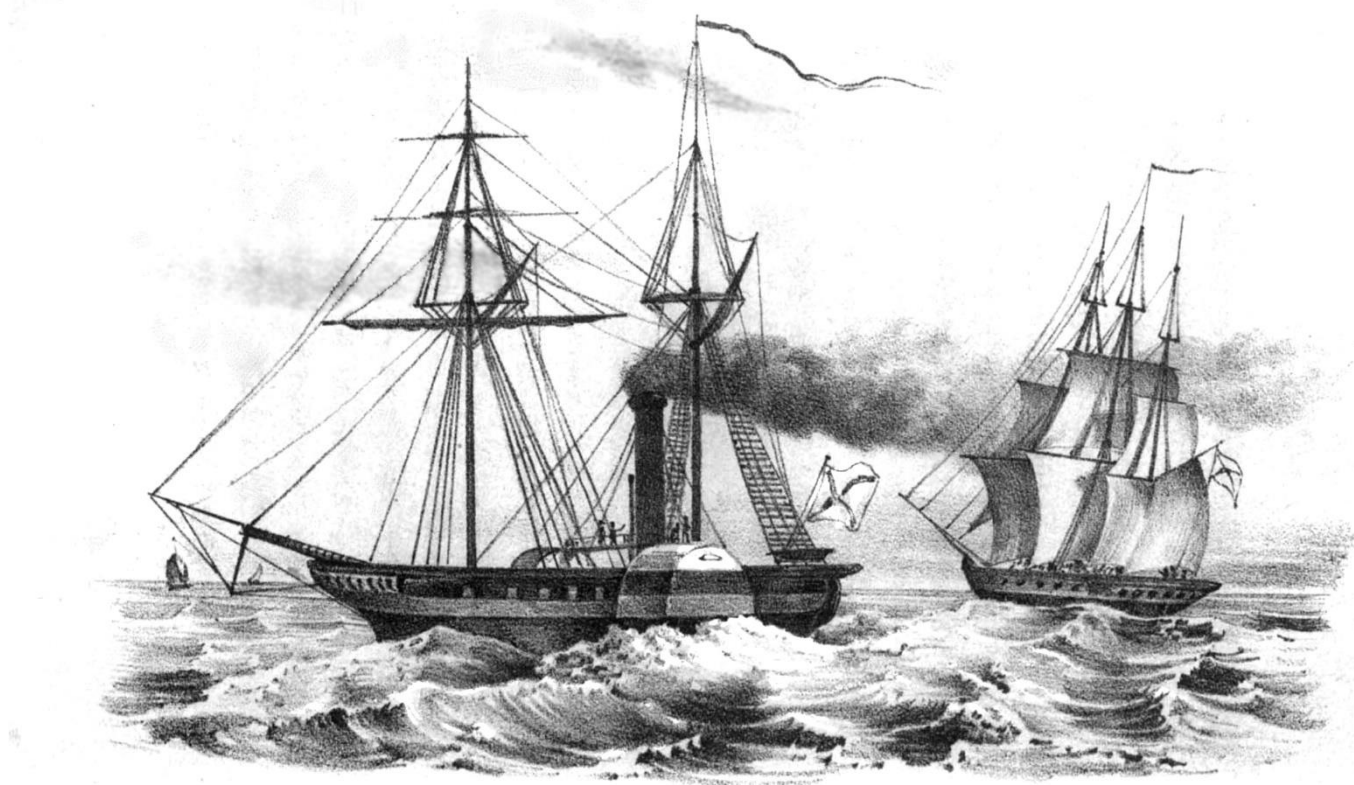
Как громко звучат эти слова! Сколько самых разнообразных приключений обещали они мне, молодому человеку, только что расставшемуся со школьной скамьёй. Воображение рисовало предо мной фантастическую картину, в которой перемешаны были и опасности пути в новые, неведомые страны, новая природа, новые люди, но чем ближе был день разлуки, тем более к восторженности моей стало примешиваться грусти, которая невольно закрадывалась в сердце при мысли о покидаемом отечестве и о расставании с близким моему сердцу. Много скорбных идей, наводивших на сердце безотчётное уныние, мелькало в моём уме; но их победило какое-то горделивое стремление к совершению путешествия, особенно когда я видел, что многие пожертвовали бы Бог знает чем за право принять в нём участие.

Транспорт, на котором я отправлялся, был построен (из горной финляндской сосны) на абоской верфи, — учреждённой в 1747 г. корабельным мастером Фитьё, и спущен со стапеля весной 1840 г. Размеры его были следующие: длина между перпендикулярами 128 ф.; ширина, без обшивки, 33 ф. 9 д.; глубина трюма 14 ф.; водоизмещение 800 тонн; углубление ахтерштевня 17 ф., форштевня 17 ф. 6 д. Экипаж судна, за исключением командира, состоял из 82 человек, в числе которых было 73 человека нижних чинов. Цель экспедиции состояла собственно в отвозе материалов и разных вещей для Охотского и Петропавловского портов.

Транспорт приведён был с абоской верфи в Кронштадт не совершенно готовым: на нём предстояло ещё произвести очень много тиммерманских и столярных работ, обшить подводную часть медью, устроить капитанскую и офицерскую каюты, вооружить судно и т. п. Большое число рабочих людей, при благоразумной распорядительности, быстро подвинуло работы, так что в начале августа мы могли уже приступить к нагрузке вещей, назначенных для отвоза. Хотя вооружение нового судна, назначенного к тому же в дальнейшее плавание, всегда идёт довольно медленно, но, не смотря на то, к концу августа наш транспорт был уже в таком состоянии, что каждую минуту мог поставить паруса, и все мы ожидали с нетерпением свистка боцмана, который должен был

пригласить нас «пожаловать наверх сниматься с якоря»; свисток этот раздался наконец 5-го сентября, около 11 часов утра.

Итак, час нашей разлуки с родиною на долгие два года, а может быть и навсегда, настал! Ветер был западный, следовательно противный, а потому, военный пароход «Геркулес» должен был выбуксировать транспорт за Толбухин-маяк, *чем, натурально, многим ускорили и облегчили уход наш с рейда.* Здесь отдали мы буксиры, поставили паруса, привели в бейдевинд на левый галс, дружески распростились с провожавшими нас на пароходе, обоюдно поменялись громогласным «ура», и через несколько времени едва могли различать очертания «Геркулеса» в тумане, обложившем восточную часть горизонта. К вечеру мы были в виду Сескарского маяка.



Уход транспорта с Кронштадтского рейда

Прощайте, прощайте, милые берега!.. Прощайте и вы, близкие сердцу!.. Суждено ли мне, опять увидеть вас когда нибудь?.. Возвращусь ли я к вам, или умру далёко от вас!..

И точно, снисходительные читатели, при отправлении в такое продолжительное путешествие, подобные патетические размышления придут невольно на ум. Впрочем, нам было легко избавиться от них; стоило только дать волю воображению и представить себе дивные красоты могущественной, прихотливой и таинственной природы, населив воображаемые страны племенами разных народов, от готтентотов и

кафров до камчадалов, и украсив их разнообразными моллюсками, прелестными бонитами, тупоголовами и страшными прожорами, цветом каштановых деревьев, величественными бананами, ароматическими ананасами, мангустанами и манго, — словом, всем тем, что мы ожидали увидеть во время путешествия!

Плавание Финским заливом и Балтийским морем было не совсем благоприятно. У Дагерорта, 10-го сентября, нас захватил крепкий юго-западный ветер; марселя несли в три рифа. Ветра были вообще переменные, большею частью противные. 12-го числа прошли остров Готланд, а на другой день Борнгольм. К вечеру 14-го числа мы могли быть в Копенгагене; но темнота ночи, не позволившая нам идти далее в Зунд, принудила бросить якорь в бухте Кэге. С рассветом следующего дня мы снялись с якоря, а к полдню стояли уже на копенгагенском рейде на якоре.

Военная и купеческая гавани Копенгагена и вообще все мастерские датского флота (состоявшего в то время из 6 линейных кораблей, 10 фрегатов и нескольких мелких судов), устроены в юго-восточной части города, на острове Амагаре. Мастерские адмиралтейства содержатся в отличном порядке, и тщательное производство работ делает честь датским морским офицерам, которые, нужно заметить, считаются вообще учёнейшими и образованнейшими моряками: против этого не будет спорить ни хвастливый француз, ни самолюбивый англичанин.

К замечательным предметам в городе следует отнести: Музей Скандинавских древностей, Университет, Морской корпус, училища Политехническое и Мореплавания, биржу и верфи. В торговом отношении город не так деятелен, как бы этого можно было ожидать, хотя в 1839 году число кораблей, прибывших к здешнему порту, доходило до 4½ тысячи. Окрестности города очень приятны и отчасти живописны; в особенности загородный сад, Тиргартен, заслуживает внимания путешественника.

По приглашению капитана, священник нашей Миссии в Копенгагене отслужил у нас на транспорте молебен, а на другой день, 26-го числа, мы снялись с якоря и пошли к Каттегату; но северный ветер не позволил нам пробраться через узкий проход при Гельсиноре, и мы были вынуждены стоять на здешнем рейде почти 5 суток в ожидании благоприятного ветра.

Собственно в городе замечателен в историческом отношении замок Кронебург, в котором, как вероятно читателям известно, жила в изгнании королева Каролина Матильда. При съездах на берег, мы не забыли посетить кронебургскую башню. Замок Кронебург выстроен в древнем стиле; он обнесён крепостным валом, и мрачный вид его невольно наводит на грустные воспоминания о несчастной пленнице и о графе Струэнзе.

В окрестностях Гельсинора находится могила Гамлета. Невысокий цилиндрический гранитный памятник, на таком же пьедестале, стоит одиноко при входе в аллею густых и ветвистых берёз.

Небольшой укреплённый городок Гельсинор приносит Дании, можно сказать, главнейший доход её — сбор пошлины с судов, проходящих Зунд. Эта пошлина называется зундскою, и в сложности весьма значительна. Все купеческие суда, проходя пролив при Гельсиноре, обязаны салютовать кронебургской крепости уборкою верхних парусов. Кроме того суда, следующие из черноморских и других портов, подлежащих карантину, обязаны его здесь выдерживать, и потом снабжаются от правительства форменными свидетельствами, или карантинными паспортами, с которыми и могут уже беспрепятственно входить во все прибалтийские порты.

К 1-му октября представилась наконец возможность сняться с якоря; в начале пути нам сопутствовали Зундом около 80 купеческих судов, которые, впрочем, мало-помалу от нас отставали, так что плавание Скагерраком мы совершили одни и, большей частью, при противных ветрах. Немецкое море приветствовало нас 4-го октября жестоким штормом от юго-запада, продолжавшимся около 18 часов; на другой день ветер стал постепенно стихать, но вскоре за тем, перейдя вдруг к северо-востоку, задул с прежнею жестокой силой при неправильном волнении, образовавшемся от столкновения нового волнения с зыбью, произведенной дувшим перед тем зюйд-вестом. Несмотря на то, мы шли до 9, иногда даже по 10 узлов в час, и достигли английского канала под вечер 9-го октября, а через два дня бросили якорь в Портсмуте, на модербанкском рейде. На спитгде стояли тогда два 110-пушечных корабля, «Британия» и «Гоу», назначенные адмиралтейством к отплытию в Средиземное море.

Перед входом на рейд мы потребовали сигналом лоцмана. Он прибыл к нам на прекрасном морском ботике, с ловкостью и проворством сбросил с его палубы уютную двойку, которые называются у нас во флоте,

весьма справедливо, *душегубками*, — и пристал к борту; но узнав, что транспорт наш сидит в грузу 18-ть футов, молча сошёл с трапа и отвалил. Старший лейтенант потребовал от него объяснения. «Sir, — отвечал он на вопрос лейтенанта, — я вожу суда, сидящие в грузу не более 17 ф.; *восемнадцати-футовый* лоцман немедленно явится». И действительно, к нам приехал тотчас же другой лоцман, и к довершению — тип английского моряка Джон-Буль в полной форме. Мы едва только успели сделать один поворот, как британец уже обратился к капитану с просьбою, разрешить ему *glass of brandy and cold water*. Капитан, улыбнувшись, приказал исполнить его просьбу. Спустя ½ часа, мы повертели на другой галс; положительный<sup>1</sup> pilot захлопотал опять около капитана с тою же просьбою; приказано принести по бутылке воды и напитка, но этого количества едва только оказалось достаточно, потому что при каждом повороте лоцман истреблял почти по стакану смеси; а таких поворотов, к удовольствию лоцмана, мы сделали восемнадцать; впрочем, от угощения лоцман только рдел, как персик в парнике, не забывая своего машинального «go about», когда было необходимо поворачивать. Наша лавировка по рейду была в полном смысле блистательна: сделать на рейде, заставленном судами, восемнадцать поворотов, чего-нибудь, да стоит! За то мы были вполне вознаграждены прелестным, оживлённым видом, который представлял рейд. Легкие, красивые, щегольские яхты вились около нас, как ласточки, мастерски подрезая под корму, или практически верно и ловко поворачивая у нас перед носом. Говоря откровенно, мы любовались более ими, чем привлекательными, хотя и рыженькими *miss*, унизывавшими наветренные борта игравших около нас судов. Вот этого, например, на Руси не увидишь<sup>2</sup>.

Портсмутский рейд защищён от зюйд-веста о. Вайтом, который, кроме того, придаёт ему очень миленький вид. Город Райт, обращённый к рейду, расположен по возвышенности гористого острова амфитеатром, и беленькие его строения красиво выглядывают из-за зеленеющей природы; картина рейда, оживлённая множеством снующих по разным направлениям пароходов, не лишена своего рода красоты, которой много способствует наружность противоположного Вайту берега, где

---

<sup>1</sup> Здесь «положительный» — в старом значении этого слова: умелый, опытный, активный. — *прим. OCR.*

<sup>2</sup> Так было в России в то время. В 1846 г. с Высочайшего Государя Императора разрешения основан в С. Петербурге Яхт-Клуб, знакомящий русскую публику с морем и развивающий в ней истинное понятие о трудностях и удовольствиях прогулки по морю.

находится собственно Портсмут. Здесь выступают на вид в особенности укрепления фортов, морской и сухопутный (Haslar) госпитали, составляя таким образом резкую противоположность красивому Вайту.

Первая прогулка по портсмутским улицам поразит в одном отношении каждого. Вы увидите, например, даже в главной улице города, High-street, наряду с щегольскими магазинами дамских нарядов и других изделий, мясные лавки. Тут, смотрите, вывешены атласные и шёлковые мантильи, манишки, чепчики и кружева, а подле у дверей, белоснежный и жирный «pig», до которого британцы, кажется, очень лакомы. Впрочем, нужно отдать им справедливость: вряд ли где можно найти такую свинину, как в Англии, а в отношении опрятности здешние мясные лавки едва ли не перещеголяют голландские.

В Портсмуте полагают до 70.000 жителей. В военном отношении город представляет одну из первых гаваней Англии, Большое число запасных морских магазинов с материалами и военными снарядами; прекрасные, можно сказать образцовые, доки для военных и купеческих судов; канатные, блоковые и другие заводы, арсенал; две обсерватории; морской и сухопутный госпитали, училища кораблестроительное и мореплавания — всё это в обширном виде и прекрасном состоянии. Сухарная пекарня представляет также много интересного для любопытных. В ней производится работа, т. е. приготовление корабельных сухарей, машиною в несколько десятков лошадиных сил. Она месит и валяет тесто, режет, даёт сухарю желаемую форму и сажает его в печь. Точно такая же машина приспособлена и в блоковой мастерской. Она приготовит всё без всяких хлопот, так что человеку останется только соединить щёки блока, вложить шкив и пробить нагель. Нельзя не вспомнить при этом одной французской карикатуры: шотландский полк выстроен в шеренгу; перед ним идёт на рельсах огромная паровая машина, в несколько сот сил, и бреет солдат.

Во время нашей стоянки на модербанкском рейде, нас посещали также и дамы, из которых иные нисколько не женировались всходить к нам на палубу по штормовому трапу, так как парадный не был в то время ещё поставлен. Кажется пустяки, а нельзя было налюбоваться грациозностью, с которою они взбирались по этой не совсем удобной дороге. Осматривая транспорт, эти милые дамы решались иногда делать замечания, которые можно бы было услышать разве что от знатока-моряка. Я нисколько не преувеличиваю, и вы, конечно, поверите, что нам было лестно находить в этих прелестных существах сочувствие



к нашим занятиям, тем более, что в нём ясно проглядывало знание дела и умение судить о красотах судна, приобретаемые частым присутствием на гонках судов Английского Яхт-Клуба. Гонки бывают, обыкновенно, в конце августа и составляют прекрасное зрелище. Мы чрезвычайно жалели, что не могли поспеть к этому времени; оставалось утешиться тем, что может быть на обратном пути, по совершении нашего кругосветного плавания — мы будем к этому времени в Портсмуте. Впрочем, нам удалось однажды видеть уход с рейда двух яхт, «Ветренницы» и «Черкешенки», отправлявшихся на гонку к Эдистонскому маяку и обратно. Я слышал, впоследствии, что одна яхта выиграла у другой только пять минут во времени, невзирая на дальность расстояния, назначенного для гонки (почти в 150 миль). Разумеется, пальма первенства принадлежит в этом случае не качествам яхты, а мастерскому умению управлять ею.

Первая верфь в Англии для постройки яхт есть, бесспорно, Ковеская (Coves), при северной оконечности о. Вайта. Богатые люди и охотники до морских прогулок найдут здесь полное удовлетворение для самых прихотливых желаний. Все прекрасные качества лёгкого судна, всё, что в состоянии породить фантазия пылкого моряка, здесь можно найти осуществлённым; нужно иметь только деньги, чтоб обладать идеальной, окрылённой красавицей, дивною яхтой, и тешить себя с совершенным комфортом на волнах Средиземного моря и тропических водах Атлантического Океана!.. Сколько прекрасных, так сказать, эстетических удовольствий и наслаждений доступно богатым людям!.. А между тем, как посмотришь, многие ли из них пользуются ими? и почему?.. не более, как по одной жалкой и смешной идее, что жизнь на море неразлучна с ежеминутными опасностями. Если же иногда кто и решается ехать морем, то не иначе, как на пароходах, душных от вечного смрада растопленного и разгорячённого сала и масла. Пароход — это труженик, чудовище на море; вы не увидите на ходу, около его бортов, никаких обитателей неизмеримых морей: всё бежит от него, как от пугала!.. Можно ли сравнить спокойное плавание на лёгкой и бойкой яхте с плаванием на пароходе? А если, допустим, свеженький ветерок, хотя бы, например, пол-ветра, то где, спрашивается, оставим мы за собою этого неутомимо шумящего труженика?!..

1-го ноября был у нас на рейде жестокий шторм от юго-запада; мы отстоялись, однако, на одном якоре с 130 саженьями цепного каната, который был вытянут решительно в струну. Английские военные корабли

«Британия» и «Гоу» отстаивались на двух якорях со спущенными стенгами и нижними реями. Ветер был так жестоко свиреп, что нам заносило глаза песком, хотя мы стояли от о. Вайта почти в двух верстах. Нам говорили, что в Портсмуте морские брызги носились тогда по Night-street до половины её длины. В английском канале разбито в то время очень много купеческих судов, и хотя несколько десятков из них достигли модербанковского рейда, но, разумеется, в самом жалком состоянии; у иных не было стенок, на других пострадали нижние реи. На наших глазах сорвало на рейде одно купеческое судно с обеих якорей и прижало к рифу; затем подбежавшим валом его сначала приподняло и потом разбило о каменный риф и частью о камни, которые были выброшены с того же судна для его облегчения. Экипаж судна был спасён.

Это зрелище увлекло нас невольно к анекдотам о кораблекрушениях и рассказам о бедствиях, лично кем-либо из нас испытанных на море. Не думая вовсе оспаривать, что несчастных случайностей в жизни человека, посвятившего себя исключительно морю — бездна, я совершенно, однако, убеждён, что при практическом знании своего дела, благоразумной осторожности и полном внимании к своей обязанности, эти случаи *почти* не должны встречаться, а в особенности на военных судах. Конечно, если, например, при шторме лопнут на якорной стоянке канатные цепи и судно будет вследствие того сорвано с четырёх якорей и выброшено на берег — то, натурально, это следует приписать несчастному стечению обстоятельств, но их на долю человечества приходится очень много и во всех обстоятельствах нашей суетной жизни. Может ли кто, выходя из дому, сказать определительно, что он воротится благополучно домой? Конечно, нет!.. Сходя с лестницы, трудно ли переломить себе ногу, или сидя в покойной линейке или санях наткнуться на дышло вихрем несущейся кареты или кабриолета и пробить себе голову навывлет?!.. Это аксиомы, на которые, конечно, никто не потребует никаких доказательств. Однако, так ли оно, не так ли — возможность в подобных случаях неоспорима, по крайней мере, очевидна. Но чем оправдать, например, гибель, около 19 августа 1782 года, 900 человек из экипажа линейного корабля, стоявшего на портсмутском рейде, на котором ещё и поныне достают затонувшие остатки?.. Оплошность, нерадение — вот непростительные причины этой гибели, о которой я предлагаю здесь несколько подробностей, заимствованных мною из описания примечательных кораблекрушений Дункена, переведённого с английского капитан-командором Головниным.

«Когда воин — говорит автор этого описания — умирает в сражении, то честь, заставляющая его искать славы и презирать опасность, которой он подвергается, уменьшает скорбь его родственников и друзей; но ничего не может быть горестнее, как видеть множество храбрых людей, погибающих вдруг, в минуту совершенного бездействия и, может быть, посреди удовольствий и веселья, на якоре, в безопасной гавани, у берегов их отечества! Таков был жребий экипажа корабля «Георг»!

Английский стопушечный корабль, «Royal George», только что возвратился из крейсерства по случаю течи, оказавшейся у него в подводной части, для осмотра которой корабль хотели ввести в док. Убедившись, однако, что повреждение было не более, как на два фута ниже ватерлинии, инженеры общим мнением решили сделать исправление на рейде. Для этого было необходимо накренить корабль, перекатив, пушки с одной стороны на другую; но, против ожидания распоряжавшегося офицера, корабль повалился от этого так сильно на бок, что вода могла пробраться незаметно в шпигаты нижнего дека, которые, по неосмотрительности вахтенного офицера и командира, не были заткнуты. Таким образом, корабль наполнялся постепенно водою, и в то время, когда заметили опасность, спасение корабля было почти невозможно. Ударили тревогу. Люди, обедавшие в то время, выскочили наверх, чтоб поставить корабль прямо, — но он быстро валился на бок, а ядра и другие тяжести, перекатывавшиеся на накрённую сторону, ускорили гибель судна. Через несколько времени корабль пошёл ко дну, увлекая за собою около 900 человек несчастных, в числе которых находился контр-адмирал Кемпенфельд. При виде бедственного положения корабля, все военные суда послали шлюпки, чтоб подать помощь погибавшим; но ни одна из них не могла подойти к кораблю без неминуемой гибели, которою угрожал образовавшийся около него страшный водоворот; провиантский шлюп «Ларк», стоявший в то время подле «Royal George», сделался его жертвой. Можно представить себе раздирающий вопль погибавших. Картина неприятная и оставляющая по себе надолго самые грустные воспоминания!

С тех пор были употреблены различные средства для поднятия корабля, но ни одно из них, к сожалению, не удалось. Поэтому, ещё и по ныне, корабль раздробляется электрическими взрывами на части, из которых, в память несчастного события, приготавливают разные безделки. Британцы, как известно, большие патриоты; а из стапушечного

корабля, разумеется, можно наделать много булавонок, задвижек, шкапулок, чернильниц и перочинных ножигов!..

С разрешения главного командира Портсмута, мы осмотрели Адмиралтейство и все мастерские этого знаменитого порта. Для моряка тут много интересного, много любопытного и поучительного. Британские офицеры были к нам вообще очень внимательны, услужливы и радушны. Посещая наш скромный транспорт, они не забывали просить к себе, и бывавшие у них проводили время чрезвычайно весело и приятно.

Между тем наши люди при съездах на берег не употребляли никаких крепких напитков; в Англии это несколько ощутительно карману; а потому они, против воли, предпочитали портер, который был дешёв и производил желаемое действие. Их верным и неизменным чичероне был лодочник Джон Коттлер; он привозил нам ежедневно свежую провизию и был вообще поверенным в наших мелочных поручениях. Нужно было видеть кипу аттестатов, которыми он снабжался в течение многих лет со всех русских военных судов, бывавших в Портсмуте; иные из них были интересны по шутливому содержанию, другие серьёзно расхваливали Джона Коттлера за его честность и рачительное исполнение возложенных на него поручений. Наша кают-компания не отказала ему в подобном же свидетельстве.

Между тем на транспорте приводили всё в совершенную готовность к отплытию. Окончив приёмку дополнительных запасов провизии и т. п., мы простояли ещё на рейде, за противными ветрами, до 8-го ноября, а утром того дня снялись с якоря, при среднем брамсельном ветерке от норд-оста. Погода стояла прекрасная, хотя несколько холодная, и в последнем «прости, Портсмут!», которое переходило из одних уст в другие, звучало что-то гордое, что-то надменное: мы шли в первый раз в Океан, чтоб пройти экватор, поздороваться с владыкою чудных тропических вод, Нептуном, побывать и в Бразилии, и в Капштадте, и в Камчатке!.. Прощание со скучными, однообразными и незатейливыми берегами цивилизованной Европы напоминало нам скорое свидание с роскошною природою тропических стран, и это-то благородное, гордое и радостное чувство как нельзя более выражалось на лицах моих спутников, с которыми мне предстояло провести долгие два года.

## ГЛАВА II

### ПЛАВАНИЕ ОТ ПОРТСМУТА ДО КАПШТАДТА

*Шторм в Канале. Остров Мадера. Канарский Архипелаг. Якорная стоянка на тенерифском рейде. Санта-Крус. Прогулка на Тенерифский пик. Плавание в тропиках. Летучие рыбы. Акула. Моллюски. Празднество при переходе через экватор. Морская капуста. Капштадт. Столовая гора. Прогулка на Чёртову гору (Devils peak). Шхуна, пойманная английскими крейсерами. Разбойник поневоле.*

При входе в Канал, ветер, переходя постепенно к западному, заметно усиливался, и ряды густых туч мрачно тянулись по горизонту; барометр падал, закат солнца не предвещал ничего доброго. Надобно было ожидать крепкого ветра. Между тем силуэт холмистого Вайта понемногу исчезал и наконец скрылся совершенно в темноте. Предположение наше сбылось: на другой день сделался шторм от запада-юго-запада, и при огромном волнении транспорт просто черпал бортами; мы держались тогда под одним зарифленным грот-марселем. Но к вечеру, однако, ветер стих, и мы, продвигаясь довольно медленно, достигли к 13 числу мыса Лизард. Здесь ссадили мы бывшего с нами лоцмана (на одно купеческое судно, шедшее в Плимут). После штиля, продолжавшегося до 9 часов вечера, начались переменные ветры из юго-восточной четверти, при которых мы плыли около двух суток, имея от двух до трёх узлов ходу. После этого наше плавание пошло значительно скорее: мы проходили в сутки иногда по двести миль, и таким образом увидели к 23 ноября, часов около 11 утра, берега острова Мадейра, который представился нам в клубах пурпурового тумана. Открывшиеся нам прежде всего точки острова были пики Руи́ва и Торингас; затем обрисовались и вулканические мысы острова.

Преследуя мавров за Гибралтарский пролив, Иоанн I, король Лузитании (Португалии), овладел в 1415 году Цейтой, лежащею на берегу Африки, почти против Кадикса. Генрих, третий сын Иоанна, сопровождавший отца в этот поход, до такой степени полюбил путешествия и открытия новых стран, что посвятил более сорока лет жизни на устройство разных морских экспедиций; одна из них, в 1419 году, открыла остров Мадейра или Мадера. Слово Madeira значит по-португальски «строевой лес», и название это дано было острову потому, что начальники экспе-

диции Гонзале и Тристан Ваза нашли на нём множество деревьев, которые они, впрочем, приказали сжечь, в надежде сделать землю более плодородной.

Остров Мадейра, с городами Фунчаль и Фаял, лежит в северной широте  $32^{\circ}46'$  и западной от Гринвича долготе  $16^{\circ}56'$ ; на нём считают народонаселения до ста тысяч. Об открытии этого острова португальская хроника говорит, что молодой англичанин Мачим, в царствование Эдуарда III увёз пользовавшуюся расположением короля мисс Анну Арфе, с которою поплыл смело и бесстрашно к берегам Франции; к несчастью, застал их дорогой шторм, который выбросил любовников на безлюдный в то время остров Мадейру, где они окончили своё существование от недостатков разного рода. Надобно заметить, однако же, что рассказ этот только и существует в хронике, а потому весьма сомнителен.

На другой день, около двух часов после обеда, мы увидели знаменитый tenerифский пик, который то исчезал, то снова величественно показывался в волнистых клубах полупрозрачного тумана. Он находился от нас, в это время, в 70 итальянских милях<sup>1</sup>. Некоторые мореплаватели утверждают, что он открывается очень часто в 120 милях; высота Тенерифского пика достигает 11.400 футов.

Ноября 25, около полудня, мы подошли к Тенерифу. Погода была ясная, воздух ароматический, и тихий ветерок едва только наполнял паруса. Гигантский пик острова представился нам во всём величии: ни одно облачко не покрывало его стройной и правильной конической формы, — явление, чрезвычайно редкое; немногие мореплаватели видели его в таком безоблачном состоянии.

С приближением к Санта-Крузу, городку, расположенному на северо-восточной стороне острова, на рейде которого капитан наш располагал простоять несколько дней, мы потребовали лоцмана. К нам прибыл тощий, в высшей степени невзрачный испанец, который на вопрос капитана: «можно ли отдать якорь?», с трудом и уморительными кривляньями отвечал, что на этом месте нет ещё дна, а будет оно, пройдя несколько далее. Фигура этого лоцмана уморила бы хоть кого со смеху: он походил скорее на фантастическое привидение, чем на человека!..

---

<sup>1</sup> Одна итальянская миля равняется  $1\frac{3}{4}$  версты. [что составляет 1866.9 метров. На самом деле итальянская или географическая миля равна 1851,851852 м. (1 минута среднего меридиана Земли), так что  $1\frac{3}{4}$  версты — это округлённое значение автор указывает для удобства расчёта расстояния в вёрстах. Современная морская миля равна 1852 м. точно. — прим. OCR.]

Канарский архипелаг, к которому принадлежит остров Тенериф, лежит между северными широтами 27°45' и 28°52' и западными долготами 13°29' и 16°49' от Гринвича. Он состоит из семи островов: Лансерота, Пальма, Тенериф, Ферро, Гомера, Канария и Фортавентура, и незначительных, хотя и отдельных четырёх скал: Алегранза, Рокуэлла, Клара и Грациоза.

Между тем отдали у нас якорь, в расстоянии 3½ мили от берега, и множество лодок с самыми соблазнительными фруктами теснилось у борта транспорта. Как было не вспомнить при этом о России, где, вероятно, декабрьские морозы изрядно давали себя чувствовать, переходя от 10 незаметно к 15, а может подчас и к 25 градусам с минусом, тогда как у нас, в Тенерифе, было около 25° с плюсом: «дистанция огромного размера!» — В числе привезённых к нам плодов были бананы, — фрукт, вовсе неизвестный нашим северным соотечественникам. Дерево, производящее его, называют также райским; он чрезвычайно приятного вкуса, нежен и обладает упоительным ароматом.

Простенькие и лёгкой архитектуры строения Санта-Круса тянутся при подошве крутого возвышения; но, благодаря однообразию их, город не производит особенного впечатления на путешественника. Колоссальная базальтовая стена, которою окружены город и рейд, как оградой, скорее в состоянии приковать глаз наблюдателя к своим диким прелестям, от которых взоры невольно поднимаются выше по склону величественной горы, наслаждаются прелестью прихотливой природы, так могущественно и щедро наделившей этот благословенный край и наконец, упоённые роскошью разостланной перед ними картины, как-бы в изнеможении останавливаются на остроконечной вершине пика.

Внутренность города Санта-Круса довольно приятна и чиста, улицы прямые, широкие и обведены тротуарами. Недалеко от пристани сооружён фонтан; на пьедестале его изображены последние 4 властителя гуанчей, племени, которому принадлежал первоначально Тенериф. Завоевания шли здесь с таким ожесточением, что всё, напоминавшее прежних обитателей острова погибло, даже самый язык страны, не говоря уже о преданиях и памятниках. Кто были гуанчи, эти первые поселенцы Тенерифа — вот вопрос, решение которого навсегда утрачено. По некоторым признакам, гуанчей сближают с древними народами; они знали построение великих стен, которыми окружали свои владения, и также

бальзамирование тел. Ещё и поныне, как утверждают, находят в погребальных пещерах Гомеры и Канарии хорошо сохранившиеся мумии гуанчей; по этим мумиям узнали, что мужчины были крепкого, атлетического сложения и высокого роста, а женщины одарены стройным станом и правильным лицом.

Из языка гуанчей пережили погибель этого достопамятного народа несколько десятков слов, по которым полагают, что язык их принадлежал к арабскому. Современные филологи утверждают положительно, что гуанчи составляли часть обширного африканского племени Берберов и говорили их языком<sup>1</sup>.

Нынешние обитатели Тенерифа, испанцы, не представляют ничего особенного в образе своей жизни. Мужчины также горды и надменны, а женщины... женщины те же испанки!..

Двое наших офицеров предприняли путешествие на пик; нездоровье помешало мне сопутствовать им; однако, я нисколько не пожалел об этом, узнав, что снега, встретившиеся около половины пути, помешали им продолжать восхождение и достигнуть желаемой цели. Они поднялись только несколько выше Оротавы, некогда столичного города гуанчей, и именно до царства облаков, где, вместо каштановых лесов, растут деревья более прочные и густолиственные, как, например: лавровое, оливковое и азорский бук. Ботанический сад Оротавы довольно замечателен хорошим собранием редких растений. Знаменитое драконово дерево, или дерево драконовой крови, имеет при основании в окружности до 48 английских футов; высота его простирается ещё в настоящее время до 70 Футов, хотя сильным порывом ветра, в 1819 году, отломило более половины дерева. Тенерифские монахи приготавливают из него лекарство от зубной боли.

Отсюда наши путешественники воротились: снега, как я уже говорил, не позволили им продолжать путь. Путешественники, достигавшие самой вершины пика, рассказывают, что полусглаженное жерло тенерифского вулкана имеет от 60 до 80 футов глубины. Полагают также, что нынешний вулкан есть средоточие огромных огнедышащих жерл, некогда извергавших необъятные массы лавы, составившей скелет острова. Чрезвычайно жаль, что мы посещали Тенериф в такое неблагоприят-

---

<sup>1</sup> В Санта-Круссе и Оротаве есть несколько лиц, предлагающих путешественникам услуги свои в качестве проводников на знаменитый пик. Некоторые из них выдают себя за потомков древних гуанчей, но это, разумеется, вздор, которому не следует верить.





Тенерифские костюмы

ятное время для удобного путешествия на пик; с высоты более одиннадцати тысяч футов над поверхностью моря необозримо величественный горизонт должен представлять зрелище великолепное, особенно при восходе или закате солнца.

В богатых канарских сосновых лесах, занимающих ту часть колоссальной возвышенности Тенерифа, где температура воздуха соответствует условиям, нужным для этого произведения растительного царства, порхают во множестве миленькие и столь знакомые нам, европейцам, птички — канарейки. Спускаясь по отлогому скату тенерифского пика, растительность принимает роскошные формы, и тысячи виноградников, столетние деревья всякого рода, бананы — всё это прельщает глаз путешественника, созерцающего с восторгом, столь дивную и могущественную природу благословенного климата.

По мере того, как на транспорте происходили необходимые исправления по рангоуту и такелажу, у нас запасались провизией, бананами, водою, апельсинами и превосходным тенерифом, вином, известным у нас на Руси, вероятно, по одному названию, если судить по незначительному количеству вывозимого отсюда вина и недостаточности здешних средств для доставления Европе этого действительно прекрасного вина в том размере, какой нужен для её потребления.

Утром 29-го ноября, при самом тихом ветерке от северо-запада, мы снялись с санта-крусского рейда с якоря, поставили все паруса и, с помощью буксировавших нас шлюпок, едва только двигались от  $\frac{1}{2}$  до 1 узла вперёд; к 9 часам вечера мы были в 10 милях от берегов Тенерифа, который вскоре исчез в обложившем его тумане. На другой день мы видели над облаками макушку пика, которая резко обрисовывалась на синеве ясного неба. Зрелище было изумительное: по крайней мере под углом  $30^\circ$  над горизонтом, красовалась вершина тенерифского пика, раззолоченная лучами палящего солнца, между тем как остальная часть острова скрыта облаками и разостлавшимся по горизонту туманом.

2 декабря, в 8 часу вечера, мы перешли тропик Рака в  $19^\circ$  западной долготы от Гринича.

К вечеру ветер стал несколько разыгрываться и мало-помалу подвигать нас к пассату, который мы получили 7 декабря в  $17^\circ$  северное широты.

Пассат — это действительно любопытное явление; один и тот же, постоянный, вечный ветер, дующий от сотворения мира!.. Наука, впрочем,

положительно объясняет это явление следующим образом: воздух жаркого пояса согревается солнцем несравненно сильнее, чем окружающий его воздух умеренных поясов; от этого он расширяется и ищет простора; но встречая более холодный и следовательно более плотный воздух умеренных поясов, он стремится вверх до той высоты, где окружающая его атмосфера того же пояса с ним уравнивается, и он стелется по направлению к полюсам над густым воздухом умеренных поясов, который вследствие увеличенного давления, идёт от севера и юга в разреженную область жаркого пояса, нагревается и в свою очередь стремится вверх, между тем как его место занимает свежий воздух. Но при этом воздух, идущий от полюсов к жаркому поясу, не тотчас получает то движение вверх, о котором мы сейчас говорили, а ударяется предварительно о предметы в направлении, противоположном вращательному движению земли; и из совокупности этих стремлений, от севера и юга к экватору, и последнего, противоположного движению Земли, происходят пассатные ветры, которые в северном полушарии имеют направление между румбами нор-ост и ост-норд-ост, а в южном между зюйд-ост и ост-зюйд-ост. У берегов направление пассатных ветров изменяется.

Побывать впервые в тропических морях чрезвычайно приятно и интересно любознательному человеку. Вам предстоит здесь случай любоваться *постоянно* ясным голубым небосклоном, который днём озаряется могущественным светилом мироздания — солнцем, а по ночам усеян мириадами сверкающих звёзд; водою, прозрачною как превосходнейший кристалл, множеством разнообразных птиц, разнообразными рыбами, от страшных прожор до окрылённых летучих рыбок; бесчисленным множеством различных моллюсков и мало ли чем ещё? Всё это вызывает ум к деятельности; взоры невольно останавливаются на всём с удивлением... мысль постоянно напряжена!.. Не побывав в тропиках, нельзя даже иметь понятия о тех закатах и восходах солнца, которые случаются здесь ежедневно. Тогда величественные облака, то грозно и страшно нависшие чёрными массами, то томно и грациозно расстилающиеся над вами в роскошных очаровательных формах, представляют в такие минуты попеременно тысячи различных видоизменений и нежных цветов! Весь небосклон, кажется, улыбается вам, и под влиянием этих чудных и неизгладимых из памяти минут, вы будто перерождаетесь, находитеесь в состоянии восторженности, наслаждаетесь чем-то необычайным!.. Собственно говоря, подобные описания ощущений в путешествиях, мемуарах и дневниках вообще смешны, но мудрено от

них удержаться: такие впечатления слишком глубоко вкореняются в памяти.

Близкое плавание к Зелёному мысу чрезвычайно неприятно. В особенности в апреле и сентябре оно решительно неудобно и несносно, даже отчасти опасно: в это время бывают здесь продолжительные штили по целым месяцам и набегают жестокие вихри. В Атлантическом океане удобнее пересекать экватор около 22° западной долготы от Гринвича, и именно, когда солнце обегает южные знаки Зодиака. Пересекать экватор ближе к американскому берегу неудобно, потому что пределы пассатного ветра занимают здесь несравненно меньшую широту. В следствие этих соображений наш капитан располагал курсами так, чтоб перейти экватор в долготе около 22° западной от Гринвича.

8-го декабря мы видели множество летучих рыб; одна из них попала на транспорт, где мы имели случай рассмотреть её несколько поближе. Летучие рыбы довольно красивы; они покрыты серебристой чешуёй и наделены длинными грудными перьями, при помощи которых могут перелетать значительные расстояния, однако, не иначе, как опускаясь непременно в воду на протяжении каждых 50 или 70 саженьей; они могут держаться в воздухе только до тех пор, пока крылья их влажны, поэтому полёт летучей рыбы очень удачно сравнивается с рикошетом пули. Летучие рыбы прибегают к своей способности держаться в воздухе только тогда, когда их преследуют бониты и тупоголовы, чрезвычайно лакомые до их нежного мяса. Но, увы! спасаясь от них, бедные летуньи становятся жертвами крылатых преследователей: глупыши и фрегаты с жадностью и удивительным проворством ловят их на лету; таким образом выходит, что несчастные из огня попадают в полымя. Кому неизвестно спасение девяти человек, с фрегата «Медузы», претерпевшего крушение на Аргуанской мели, близ берегов Сенегала, обязанных жизнью стае летучих рыб<sup>1</sup>. Надобно заметить, что эти красивые рыбки вообще чрезвычайно несчастливы в своих полётах: убегая от своих однородных неприятелей, они попадают на съедение птицам и зачастую в спиртовые склянки плователей; нет судна, проходившего тропиками, которое не было бы свидетелем падения летучих рыб на палубу, Если им случится во время пролёта над нею, задеть крылом о какуюнибудь

---

<sup>1</sup> См. далее в отделе Кораблекрушений.

снасть, то этого уже достаточно летучим рыбам, чтоб упасть и немедленно заснуть: они чрезвычайно нежны и имеют большое сходство по форме с хорошей голландской селёдкой.

11-го декабря мы потеряли северо-восточный пассат; это было на широте 6°50' северной. Тут наступили частые, проливные, но непродолжительные дожди; жара становилась невыносимой: у нас было однажды на шканцах 46° тепла! Тихие ветры, из всех четвертей компаса, не были в состоянии прохлаждать воздух, который становился иногда решительно удушливым. Ходу было от  $\frac{1}{8}$  до  $\frac{3}{4}$  узла. Так провели мы двое суток. Трудно, тяжело переносить такой жар без привычки! Не раз вспоминали мы, уроженцы севера, петербургские морозы!..

Дня через три развлёк нас приход акулы к борту. Порядочный крючок, или, вернее крюк с наживкою фунтов до 2-х солонины, был опущен за борт, к которому подошла акула с видимою жадностью. Повернувшись, в половину, на спину, она мигом проглотила приманку: натянули цепь и нанизали таким образом на крючок свою первую добычу из тропических вод. Можно себе вообразить силу этого животного в воде: привязанный к цепи линь, около  $\frac{3}{4}$  дюйма, едва только выдерживал, когда наши люди с торжеством тащили акулу на палубу, при криках «ура!». Для предотвращения всякого несчастья, было приказано всунуть ей в пасть ганшпуг; потом, натешившись и рассмотрев её до мельчайших подробностей, мы хотели отрубить ей хвост, чтоб усыпить окончательно. Но к общему удивлению удары самого сильного матроса, вооружённого топором, не произвели ничего: топор отскакивал как от эластического тела; едва при четвёртом ударе надрубили кожу. Затем, выпотрошив акулу, мы повесили её на баковых поручнях для совершенного усыпления и вскоре заметили, что в ней не было ни малейших признаков жизни; но спустя более  $\frac{1}{4}$  часа, в ней начались конвульсии: с отрубленным хвостом, совершенно распластанная, она ворочала на баке значительные бухты снастей и не скоро угомонилась. Трудно пересчитать анекдоты, которые рассказываются моряками про акул. Вот два из них. Капитан Готьё, командовавший в 1828 году нантским судном «le Fils de France», поймав акулу, приказал отрубить ей хвост, распластать брюхо и вынуть внутренности и сердце; после того она казалась совершенно безжизненною: несколько ударов мушкетем<sup>1</sup> по голове ещё более подтверждали это предположение. Желая показать своим офицерам

---

<sup>1</sup> Мушкель — огромный деревянный молот, употребляемый на судах для околачивания такелажа.

устройство зуб акулы, Готьё положил руку между её челюстями, как вдруг, по какому-то гальваническому действию, разверстая пасть животного сжалась и замкнула отсечённую кисть руки капитана Готьё.

Бывший наш флота-капитан Головнин рассказывает между прочим, что в пребывание его в Капштадте, в 1809 году, пойманная ими акула, в желудке которой нашли до 15 мелких и больших рыб, была распластана и не имела никаких признаков жизни в течение нескольких часов. С берегу ожидали некоторых офицеров; желая пошутить над ними, капитан Головнин приказал набить внутренность акулы швабрами и тому подобным, а в пасть вложить железную свайку, чтоб удобнее видеть страшные зубы. Вдруг, акула стала биться и сжала пасть, несмотря на свайку, которая вонзилась остриём до половины в нёбо страшного животного, В таком судорожном состоянии провела она около 8 минут, По жадности акулу очень справедливо называют *прожорой*. Самый большой род из них достигает длины 40 футов; нам не случилось, однако же, видеть таких огромных акул, и пойманная нами имела длину 7 футов. При акулах всегда находятся два рода спутников: *прилипалы* и *лоцманы*. Первый род составляют маленькие рыбки, тёмно-синего цвета; они держатся при акуле на жабрах. Лоцманы, несколько более наших обыкновенных окуней, очень красивы и, по-видимому, отыскивают пищу своему страшному повелителю, который, нельзя не удивляться, при всей своей прожорливости, их не трогает. Эти рыбы снуют около акулы по всем направлениям и бросаются взад и вперёд, как бы отыскивая что-нибудь в окрестностях. Одну прилипалу мы вытащили вместе с акулой, но лоцманов не могли поймать: они следили, впрочем, несколько суток за нашим транспортом, как виновником гибели их могучего властелина.

На другой день акула была приготовлена к столу капитана, офицеров и команды. Мясо её сухо и волокнисто, но при хорошей гастрономической приправе, — которая слыла у нас под общим названием *скардолизирования*, — не имеет никакого противного и неприятного запаха: побольше каенны, несколько жгучего devils paste и прованского масла, и слоистое мясо акулы недурно, даже, пожалуй, вкусно на большом переходе.

Юго-восточный пассат мы получили 19 декабря в 2°46' северной широты; 21 числа пересекли экватор в долготе 21°52' западной от Гранича, и мысль о торжестве, которым сопровождается обыкновенно у моряков день вступления во владения царя экватора, как нельзя более оживляла и одушевляла нашу команду. Этот экваториальный обряд был отложен

до следующего дня, потому что мы перешли через экватор в субботу. В воскресенье, после обеда, люди захлопотали о принадлежностях, стали наряжаться, и к 2-м часам уже было всё готово. Тогда с разрешения капитана, процессия началась. Мы заняли места на наветренной стороне юта, а люди стояли, во фрунте, на подветренных шканцах; ближе к середине была помещена большая ванна, а у гротового люка стояли ручные и форсированный брандспойты; всё это предвещало великолепное зрелище. Шутки и забавные разговоры шумно и весело слышались на палубе, как вдруг воцарилась таинственная тишина: трубы и литавры загудели в носовой части судна и страшный, глухой и дрожащий бас завопил: «кто осмелился задеть килем по носу мою супругу?»

По приказанию капитана, наш старший лейтенант отвечал: «Российский Императорский транспорт Або!» Это, по-видимому, успокоило несколько Нептуна, и он, усевшись с дражайшей половиной в колесницу, которую заменяла украшенная ванна на пушечном станке, приказал своей свите начать шествие. Шесть человек матросов, полунагие, раскрашенные чернотью, с красными ногами и руками и полосатыми лицами, изображавшие водяных чудовищ, тронули колесницу, за которой последовала и остальная свита Нептуна. Звуки бубен, треугольников и удальски начатой песни «Полоса ль моя полосынька» сопровождали это шествие, и владыка тропических вод, прибыв на своей незамысловатой колеснице на наветренные шканцы, мановением бровей приказал остановиться. Выходя из своего седалища, он не опустил случая выказать светскость и подсобил своей обожаемой супруге, Амфитрите, выйти на палубу. Сожительница Нептуна была бы недурна собою, если б выражение и форма её личика не напоминали отчасти носорога, однако владыка экватора с нею очень любезничал. Обратившись в заключение к европейцам, дерзнувшем явиться в его владениях, он наговорил короб требований и страшных угроз; но я упомяну о них в последствии, а теперь скажу несколько слов собственно о свите Нептуна.

Её составляли, во-первых, адъютант, который, несмотря на 30° тепла, преусердно прятался и кутался в лисью шубу; в руках были у него книги, счёты, перья. Подле адъютанта стоял статный брадобрей, с аршинной деревянной бритвой в руках; на голове у него была коническая шапка, украшенная гусиными перьями, а стан прикрывался мантией и юбкой из синего флагдука с белыми звёздочками; вид брадобрея был величествен и грозен, а аршинная бритва казалась скорее принадлежностью

головореза, чем цирюльника. Помощник его был почти в таком же костюме; в руках он держал ведро с чернетью и большую кисть — принадлежности бритья; голые части его тела были разрисованы уморительно. Затем свита оканчивалась русалками с распущенными косами — но увы! — пеньковыми! Ensemble был хорош, даже очарователен; ярче всех выступала на сцену Амфитрита... или, вернее, самый уморительный из матросов нашей команды. Подобной физиономии мне не случалось встречать ни на одной точке земного шара! Но я обращаюсь к торжеству.

Нептун, наш подшкипер, прибыв со своею свитой на наветренные шканцы, преважно потребовал к себе капитана, который серьёзно отвечал на его вопросы, приподнимая слегка фуражку. Вот их разговор:

— Здравствуй, капитан! — приветствовал Нептун — Откуда идёшь?

— Из Кронштадта, ваше блистательство. — отвечал капитан.

Нептун: А, знаю, знаю! Это из той грязной лужи, которую вы называете Балтийским морем?

Капитан: Так, ваше блистательство.

Нептун: Желаешь ли ты, капитан, плавать попутными ветрами?

Капитан: Очень желаю, ваше блистательство.

Нептун: Так слушай же. День вступления в мою столицу ты должен отпраздновать как следует, т. е. ромом.

Капитан: Охотно, ваше блистательство.

Нептун: Тогда я обещаю тебе попутные ветры. Если же ты не исполнишь моего устава, то никогда в жизнь не раздёрнешь буленей...

Капитан: Этой немилости вашего блистательства мне не хотелось бы на себя навлечь.

Нептун: Будешь ходить по узлу вперёд и по тринадцати назад, и ветер будет меняться по двадцати раз в склянку. Выбирай.

Капитан: Конечно, первое условие, ваше блистательство.

Нептун: Так помни же мой уговор. Однако, я замечаю у тебя очень многих, которые и носу не показывали из своей лужи?... Вот, это старый знакомый — говорил его блистательство, величественно кланяясь нашему старшему штурманскому офицеру, который совершил уже путешествие вокруг света. Дай-ка мне их сюда, продолжал он. Их надо вымыть и побрить — сказал он в заключение и потребовал от капитана строевой список. Капитан вручил ему список с тем же серьёзным и по-



читательным видом, с каким отвечал на вопросы и угрозы владыки тропических морей, и забавная сцена обливания началась со всеми причудами.

По приказанию Нептуна, адъютант его начал выкликать по списку экипаж судна. Капитан и все офицеры, подходя вследствие вызова поочередно к грозному владыке, изъявили желание освободиться от этого обычая. Но Нептун был неумолим: только сказанное шёпотом «ведро рому за выкуп» имело, по-видимому, на него магическое влияние, и доброта его сердца щедро расточалась в помилованиях, если до его слуха доходили такие соблазнительные и упоительные слова: «ведро рому!» Наконец, дело дошло до команды. Обычай имел здесь свою полную силу и власть. Помощник брадобрея нещадно «мылил» чернетью не только бороды, но и лица новичков; после него грозный брадобрей начинал брить своею аршинною бритвою. Во время этого Нептун читал нотации, в которых проглядывало иногда, если можно так выразиться, отрицательно-изящное остроумие. Бритьё происходило на ванне; она была наполнена водою, а на конец её накладывалась поперечная дощечка, которая по окончании бритья выдёргивалась и сидевший на ней падал навзничь в ванну, а освободившись из неё, встречал струи воды Океана, накачиваемой из форсированного и ручных брандспойтов и не иначе, как в лицо, чтоб окончательно домыть следы чудовищного бритья.

Когда перекупали таким образом всю команду, из которой некоторые тщетно хотели оказать неповиновение, Нептун удалился с тою же церемониею в обратный путь под бак... виноват! в Океан, и экваториальное празднество было кончено. После того раздали людям ужин, а за ним, в память *первого* перехода границы дедушки Экватора, капитан разрешил им по две чарки пуншу. Люди были счастливы, веселы и совершенно довольны.

Этот обычай, при первом переходе через экватор, ведётся у моряков по преданию: нет нации, в которой он не имел бы своей силы. Не столько, я думаю, невежество и закоснелость в предрассудках древних плователей подали повод к этому обычаю, сохранившемуся до наших времён, сколько желание доставить какое-нибудь развлечение людям, долго не видавшим берегов; однообразие действует на человека убийственно: оно наводит и тоску и уныние, раздирающие его душу. Так отчего же и не повеселиться при случае забавным образом, особенно в Океане, где зачастую не видишь берегов по месяцам?..

Юго-восточный пассат дул довольно ровно; ходу было до 7½ узлов, и плавание наше шло успешно. Разнообразные моллюски ловились прилежно, при помощи особо устроенных для того сеток. Моллюск составлен из какой-то оживлённой слизи; в ней усматриваются, по вечерам, светящиеся точки, которых бывает у иных по несколько. Известно, что виды и цвета этих животных бесчисленны. Один род моллюсков довольно забавен. Весь моллюск состоит из слизи, над которою возвышается треугольный пузырь, наподобие латинского паруса. При небольшом ветерке, он, накренившись, имеет порядочный ход, а пойманный причиняет неприятную боль тому, кто до него дотронется в нижней его части: он так сильно обжигает руку, что ладонь значительно пухнет. Помнится, я первый пострадал от этой опрометчивости и не упустил случая «подвести» кого-нибудь из товарищей, предложив им полюбоваться забавным моллюском; но лишь только до него дотрагивались, он ядовито жалил и смешил других, ожидавших болезненного восклицания «ой!»

В отношении к моллюскам можно ещё присовокупить, что восточные берега Южной Африки, включая сюда и Капскую колонию, особенно богаты этими странными животными. До сих пор известны 460 пород, населяющих тамошние морские и пресные воды. Из этого числа колонии принадлежат 247 пород<sup>1</sup>.

31-го декабря, при сильном порыве, надломило у нас фор-стенёгу. Тотчас же приступили к замене её другой, и на следующий день, к новому 1841 году, не было у нас и следов этого повреждения. День нового года мы провели довольно весело: на этот раз общество нашей кают-компании было как-то в особенно счастливом расположении духа, и частенько переходили мы к разговорам о Петербурге, жители которого чай вот куда-как сновали в тот день по улицам шумной столицы!..

В тот же день, около 7½ часов вечера, пересекли мы тропик Козерога, в долготе 24°51' западной от Гринвича. До Мыса Доброй Надежды, цели нашего плавания, оставалось ещё до 2.300 миль, далеко... очень далеко!

Замечательны в тропических морях шквалы. Иной бежит с таким шумом, кажется таким грозным, что бом-брамсели и брамсели наскоро крепятся, люди становятся на марса-фалы и шкоты — и чем же кончается? Он набегает штилем! Бывает опять наоборот: порывы налетают без всяких атмосферических признаков, и притом весьма сильные.

---

<sup>1</sup> Die Sudasritanisdjen Molusfen von Pr. Dr. Fr Kraus. стр. 137.



### Мыс Доброй Надежды

Около 20-х чисел января пронесло мимо нас большое количество морской капусты, или, как называют её моряки, *морского винограда*. Мох этот имеет тёмно-зеленоватый цвет, переходящий в жёлтый. Полагают, что он наносится сюда царствующим здесь юго-восточным пассатом, который отрывает его от африканского берега. Морской виноград состоит из кистей, наподобие лоз самого мелкого винограда. Мы устроили несколько крючков, которыми наловили его множество и высушили для сбережения.

Между тем ровные брамсельные южные ветерки, и нередко от западо-юго-запада, подвигали нас более и более к Капштадту, так что около 11 часов утра 23-го января мы увидели берега Мыса Доброй Надежды. Совершив ещё первый переход с лишком в 50 дней, мы радостно и весело высыпали наверх при известии: «берег виден!» Нам представилась колоссальная Столовая гора и примыкающие к ней возвышенности, которые, резко обрисовываясь на синеве ясного неба, постепенно становились явственнее. К вечеру мы были от ближайшего берега в 30 милях и пролежали всю ночь под рифлеными марселями.

На другой день, около двух часов пополудни мы стали входить, по лóту, на капштадский рейд: глубины уменьшались постепенно от 26 до 12 сажений. Капштадт имеет два рейда: Столовую бухту (Table bay) и

Фальшивую бухту (False bay). Первый рейд, при котором лежит город, бывает опасен при господствующих здесь юго-восточных ветрах, и именно в марте, апреле и июне; в это время года надлежит избирать местом якорной стоянки Фолз-бей.

При входе в Столовую бухту, нам представился собственно город; он расположен амфитеатром при подошве отлогого возвышения Столовой горы, ровный хребет которой тянется длиною горизонтальною линиею. Боковыми границами служат ему Львиный хребет и Чёртова гора. На рейде стояло множество судов разных наций, но преобладающим флагом был великобританский.



Капштадт на мысе Доброй Надежды

В половине третьего часа мы отдали якорь, на расстоянии полуторы мили от крепости; потом закрепили все паруса, после 56-дневного перехода от Канарских островов, выправили рангоут, откинули выстрела, спустили шлюпки и, к вечеру, как бы утомлённые от трудов и продолжительного перехода, молча любовались величественным видом Капштадта.

По приходе на рейд, нас окружило множество лодок с плодами и предложением разных услуг; более всех поразила нас одна из них, с которой кто-то приветствовал на ломаном русском языке и объявлял, что он кронштадтский, прося позволения взойти на палубу.

В Капштадте, в Африке, услышать русское слово и к тому же из уст кронштадтского жителя!.. Признаться, нехотя пришло на ум: как его нелёгкая сюда занесла?..

Он был допущен. Мы пригласили его в кают-компанию, обласкали с русским гостеприимством и разговорились.

Тут рассказал наш земляк, что он сын бывшего консула в Кронштадте, Гасе...на; был в Нью-Йорке, Рио и попал в Капштадт; здесь женился, обзавёлся торговлею и, разумеется, детьми... так до Кронштадта ли и своих родных!..

Между тем услужливые рыбаки навезли нам свежей и превосходной рыбы; прислали с берегу свежего мяса, зелени, огурцов... хлопот-то, хлопот было поварам! Всего давай к ужину!.. 56 дней сидели на солонине, разнообразя её горохом и, иногда, герметически закупоренными супами и жаркими, а тут и мясо, и зелень, и виноград, и чего только нет! Вкусен был нам этот ужин; я где-то, помнится, слышал или читал, что большой аппетит сравнивали с безграничностью идей немецкого поэта: в этом случае мы на деле оправдывали это витиеватое сравнение.

Я забыл сказать, что при входе на рейд мы были свидетелями отражения ветра в скалы и утёсы здешних гористых мест: два судна, барк и бриг, сходились контрогалсами, и каждое из них шло на фордевинд; но когда они поравнялись в небольшом расстоянии друг от друга, у одного судна обстенило все паруса, и люди, стоявшие наготове, принялись убирать лиселя и брасопить реи. Так велико было отражение, которое изменяло истинное направление ветра на 180°!..

Я упоминал уже о времени года, в которое Столовая бухта опасна для якорных стоянок от сильных и жестоко порывистых господствующих здесь юго-восточных ветров. В это время, Столовая гора покрывается густыми облаками, которые накрывают её совершенно как скатертью, но никогда не доходят до рейда, над которым красуется величественно ясное небо. Эту странную игру облаков объясняют таким образом: Столовая гора составляет, некоторым образом, рубеж двух совершенно различных атмосферических областей. Возвышенная часть, лежащая к югу, пользуется умеренной, даже отчасти низкой температурой, между тем как впадина, в которой лежит город и к которой примыкает рейд, имеет

знойную температуру, по отражению солнечных лучей на здешних гранитных пиках. Поэтому туманы или облака, наносимые на Столовую гору юго-восточным ветром, приходя в непосредственное соприкосновение с раскалённой капской атмосферой, немедленно испаряются, и только воздух, сильно потрясаемый, производит шквалы (порывы). Нередко случается, что при совершенно ясной погоде, без малейших облаков, набегают жестокие шквалы, которыми суда могут быть иногда даже сдрейфованы: всё это происходит от сгущённого воздуха, в одно мгновение разреженного в знойной атмосфере Капштадта.



Негр



Капская негритянка

Домики Капштадта чрезвычайно милы, опрятны и кажутся решительно игрушками; город содержится в большой чистоте: присутствие голландцев ясно заметно. В городе много протестантских церквей, присутственных мест, театр, библиотека и ботанический сад; строение для помещения британских солдат, или казарма, отличается роскошным устройством. Капштадт был основан Фан Рибеком в 1652 году. В 1792 году он перешёл во владение англичан; антипатия голландцев к британцам едва ли прекратится когда-нибудь. В самом Капе насчитывают

до 15.000 жителей; Капская колония содержит 40.000 белых и 50.000 невольников и готтентотов.

Первобытные обитатели этой страны были кафры и готтентоты.

Кафрами называют много племён одного происхождения; язык их один и тот же, хотя и различается в наречии. Название кафров произошло от арабского слова *кафир*, означающего вообще неверующего, басурмана. Кафры были найдены Португальцами, в конце XV столетия, и после того несколько сот лет оставались совершенно безызвестными для этнографии. Наконец, в начале нынешнего столетия, Барров и Лихтенштейн отыскали их, можно сказать, вновь. Оба эти путешественника имели случай познакомиться с племенами, обитающими в юго-восточной части Капской колонии. Кафры представляют особенный тип африканских племён. Это народ рослый, сильный, отличающийся соразмерностью членов. Цвет кожи довольно различный: у племён, обитающих на поле, *амакóса* и *аматёмба*, по преимуществу светло-коричневый; выше к северу темнее; далее цвет кожи переходит в серовато-чёрный и, наконец у делагоабай совершенно чёрный. Волоса у всех чёрные, курчавые; черты лица самые особенные: высокий лоб европейца, выдающиеся скулы готтентота, одутловатые, толстые губы негра — вот портрет кафра. Борода растёт слабо. Вследствие трудных работ, которыми обременены женщины различных племён кафров, превосходство телосложения, по большей части, на стороне мужчин; впрочем иногда бывает наоборот, как, например, у аматембов. Наравне с телесною силою, вообще все кафры соединяют мужество, ловкость и проворство. Они чрезвычайно остроумны, хитры, веселы нравом, терпеливы. Язык кафров очень благозвучен, богат и гибок; у южных племён встречаются однако ж звуки, очевидно заимствованные из языка готтентотов. Большая часть кафров не имеет никакой религии, даже слова, которым выражалось бы Высшее Существо. Поэтому у них нет ни жертвоприношений, ни верования в какие бы то ни было божества; между ними встречается множество волшебных заклинателей, производителей ненастья и т. п. художников, которым платят большие деньги, чтоб снискать их расположение. Старание нескольких миссионеров обратить их в Христианство, предпринятые тому лет за сорок, остались совершенно безуспешными, особенно по причине полигамии кафров.

Кафры Капской колонии разветвляются на четыре племени: 1) *Амакóсы*, обитающие в южной её части непосредственно на границе, в 1834 году составляли племя в 170.000 чел., в числе которых было от 40

до 50 тысяч воинов; 2) *Аматёмбы* или *Тамбукисы* живут несколько севернее; они занимают огромные возвышенные равнины, совершенно безлесные, но обильные превосходной травой. Эта возвышенная часть Капской колонии, изменяясь в высоте от 2.500 до 4.000 футов над уровнем горизонта, пользуется климатом самым умеренным. Аматембы несколько уступают другим племенам в телесной организации; но зато женщины их составляют перл красоты кафритянок. Они кроткого, миролюбивого нрава, и, как законодатели некоторой образованности, тона и моды, слывут в Капской колонии *кафрскими французами*. 3) *Амапóнды* или *Мамбукисы* занимают плодородную и хорошо выделанную прибрежную террасу, возвышенную от 800 до 1.000 футов над морем. Невзирая на многие варварские обычаи, до сих пор сохранившиеся между ними, они чрезвычайно гостеприимны, опрятны и трудолюбивы, почему и стоят гораздо выше остальных им одноплемённых собратьев. 4) *Зула́хи* или *Амазула́хи*, или просто *Зу́лы*, племя весьма необширное, получившее политическое значение лишь в нынешнем столетии, отличается мужеством, терпением, хитростью, ловкостью и неимоверною атлетическою силою. *Тча́ка* и *Дингаан*, два обесславленные по неслыханной жестокости брата и бывшие предводители этого племени, возвели его, при содействии исчисленных качеств народа, на степень страшнейшего по всей южной Африке. В 1839 году, Зу́лы насчитывали до 40,000 воинов. Каждое из этих различных племён кафров распадается ещё на несколько мелких орд, предводимых старшинами, или *инкосами*. Все орды, или *кланы* одного племени признают кроме того ещё общего, наследственного повелителя, в качестве предводителя. Всякий инкос южных кафров управляет в своём клане неограниченно: даёт законы, голос правосудия и решает на жизнь или смерть. Кафры вообще народ полукочующий, потому что меняют место своего жительства только по необходимости; они кормятся просом и молоком; мясо едят редко, потому что жалеют бить свою скотину. Кафры питают антипатию к воде и её обитателям, и не едят никакой рыбы, почему вовсе не занимаются рыбной ловлей. У большего числа кафров, все трудные полевые работы предоставлены попечениям женщин; мужчины исключительно охраняют стада и ходят на охоту. Техническое искусство кафров стоит на низшей степени образованности, и потому жилища их несколько не отличаются от готтентотских.

Готтентотами голландцы называли собственно коренных жителей южной оконечности Африки, которые сами называли себя *Ана́куа* или



*Куа́куа* и вообще все представляют племя совершенно отдельное от других африканских народов, сколько по языку, так и по физической организации. Грязный, желтовато-оливковый цвет лица, небольшой сдавленный череп и высунувшиеся скулы, придающие лицу угловатую форму, небольшие глаза, приплюснутый нос и толстые губы, также как и маленький рост готтентота делают его весьма некрасивым представителем племени. Черты лица большей части готтентотов, в особенности стариков, даже отвратительны, толстогубым выдавшимся ртом напоминая не человеческое лицо, а какого-то орангутанга. Невзирая на их чрезвычайную нечистоплотность и пристрастие к неумеренному употреблению крепких напитков, капштадтские колонисты охотно принимают готтентотов в должности пастухов, кучеров и т. п., потому что уверены в доброте их нрава, услужливости и безропотном повиновении. Число готтентотов в Капской колонии не превышает 5.000 человек. Но странное явление в племени Готтентотов представляют женщины: они все, без изъятия, расположены к уродливости. Из смеси европейца с готтентотской произошло новое племя, *бастарды* или *грикуасы*, которое готтентота чистой крови далеко превосходит в развитии как физическом, так равно и нравственном. К настоящему времени, бастардов насчитывают здесь до 20.000 человек.

Свободное время мы проводили на берегу, ездили по окрестностям, а некоторые из наших офицеров были также и в знаменитой Констанции; она разделяется на большую и малую, и обе они приобрели европейскую известность своим чудным произведением — констанцским вином.

Констанция расположена в расстоянии 2-х часовой езды от Капштадта. Констанцское вино, первое после токайского, получается из лоз (рислинговых), привезённых сюда голландцами с Рейна. Констанцское вино двух сортов, белое и красное; из них последнее слаще на вкус, чем белое. Это вино ценится весьма дорого даже на месте, не говоря уже о Европе, куда часто вывозят второй сорт этого вина, из Столовой и Фальшивой бухт, в достоинстве много уступающий настоящему констанцскому вину. Капский портвейн, или понтак, как его здесь называют, несравненно лучше английского портвейна самого высокого сорта: это нектар, а не вино! Мадера капская также хороша; говорят, что она неудобна для пересылки, но опыт доказал, нам по крайней мере, противное: она сохраняла у нас на транспорте свои качества более года.

Вообще все произведения этого рода превосходны в Капштадте; достоинствами своими они обязаны, без сомнения, отличному свойству здешнего винограда: он вкусен, сладок до приторности и удивительно сочен. Лозы капского винограда весили иногда до 4 фунтов; раз как-то, из любопытства я сосчитал число ягодок одной кисти: их было до 93. Виноград констанцский ещё более вкусен и сочен.

Съехав однажды на берег для наблюдений, — которыми мы были в то время заняты, поверяя хронометры, — Т\*\*\* и я вздумали подняться на Чёртову гору (Devils peak). Вершина её казалась нам так близко, что мы, недолго думая, без завтрака, истребив только натошак по одной кисти винограду, весело пошли за город, для приведения в исполнение задуманного. Час был 10-й в начале; утро, по обыкновению, прекрасное, и мы, легкомысленные мечтатели, хотя и знали, что Чёртова гора имеет до 3315 футов вертикальной высоты, нисколько не рассчитывали на отлогость возвышения, и припеваючи, шли далее и далее, воображая, что к обеду, часам к 12, будем непременно назад. По прошествии одного часа трудной и утомительной ходьбы по песку и крупному песчанику, Т\*\*\* вздумалось обернуться и взглянуть на правильные строения города.

— Немного же мы подвинулись к пику. — говорил он мне, вытирая с лица пот. — А идём более часу!..

Мы сняли сюртуки — жара была более 30° по Реомюру — и, вопреки усталости и пробудившемуся в нас сомнению в успехе предприятия, всё-таки шли далее в гору. Дойдя до леса, особенно замечательного деревьями, которые при малейшем дуновении ветра меняли зелёный цвет листьев в серебристый, что, в некотором отдалении от них, казалось чрезвычайно красивым и фантастическим, мы стали встречать капские тюльпаны и разные красивые цветки; мы их усердно срывали, не замечая, что ноша становилась всё более и более неудобной, ноги начинали передвигаться гораздо медленнее, а пик... злодейский пик был всё также близок!.. Красивые травки пробивались из расселин, маленькие птички беззаботно порхали по кустам, с лёгкостью перебираясь с одной ветки на другую, и тут-то мы решились, в первый раз, отдохнуть. Сигары были с нами, покурили, поболтали, посмеялись нашему предположению о возможности скоро взойти на гору, и через  $\frac{1}{4}$  часа, с твёрдым намерением, каких бы усилий от нас ни потребовало достижение пика, непременно взобраться на его вершину победителями и проложить таким образом первый путь на Чёртову гору, беззаботно пошли далее. В Капштадте нам рассказывали, что дороги на Devils peak нет; даже не

знали, бывал ли кто на этой горе; всё это как нельзя более подстрекало наше самолюбие, и, несмотря на пробудившийся аппетит, мы были так же непоколебимы в своих основаниях, как пик, манивший нас на свою скалистую вершину.

По мере нашего шествия усталость увеличивалась и главное, жажда становилась невыносимой. Но, горе! — ни ручейка, ни лужи, где можно бы хоть несколько освежиться!.. Всюду раскалённые камни, местами горный тюльпан, трава... но всё это сухо, совершенно без влаги! Вдруг мне послышалось журчание ручья. Я с радостью бросился в ту сторону, откуда слышался приятный шум, но едва подбежал к утёсу, за которым мечтал увидеть ручеёк, у меня сорвало ветром шляпу и унесло далеко... далеко *под гору!* Идти без шляпы дело опасное: лучи знойного солнца могли бы иметь вредное влияние на голову. Спуститься за нею, правда, не трудно; но достигнуть потом прежней высоты, по песчаной крутизне, тяжело. Из двух зол пришлось выбирать меньшее. «Эол, эол!» думал я, догоняя шляпу: «подшутил же ты уж слишком жестоко надо мной!.. Аллах тебе судья!»

Шествие наше на гору было сопряжено с одним важным неудобством: сделаешь шаг вперёд, а на три скатишься назад. Это происходило от двух причин. Во-первых, от того, что отлогое местами возвышение горы было иногда чрезвычайно круто и во-вторых, что на этих местах, как нарочно, было много крупного песчанику. Но мы не отчаивались: шли далее и далее и добрались наконец до маленького грота, который был выделан в скале природою, совершенно как человеческими руками. Здесь мы отдохнули несколько более первого раза и всё-таки, изнеможённые, продолжали путь. По этой полосе возвышенности пика встречали мы попеременно, роскошную геранию и прелестное алоэ; но до них ли было, нам, голодным, истощённым жаждою, измученным ходьбою и невыносимым жаром?.. Мы шли, частенько ползли, чтоб не скатиться; старались, решительно работали у некоторых скал, чтоб взобраться на них, и, к общему нашему удовольствию, вскарабкались кое-как на одну из возвышенностей, примыкавших к пику; отсюда оставалось не слишком далеко до самой вершины; ещё одно усиленное напряжение — и мы будем на Devils пике!..

С этой вершины представился нам город, как на блюдечке; суда казались корабельными баркасами; буруны у побережья были неподвижны; эхо повторяло величественно каждое слово и... и верный и

незабвенный спутник мой Т\*\*\* пришёл в лирический восторг. Да простит он мне великодушно, если я скажу, что его одушевлённый экспромт:

Ничто покой не нарушает;  
С цветами шепчется трава...  
И только эхо повторяет —  
Произнесённые слова!

мне чрезвычайно тогда понравился.

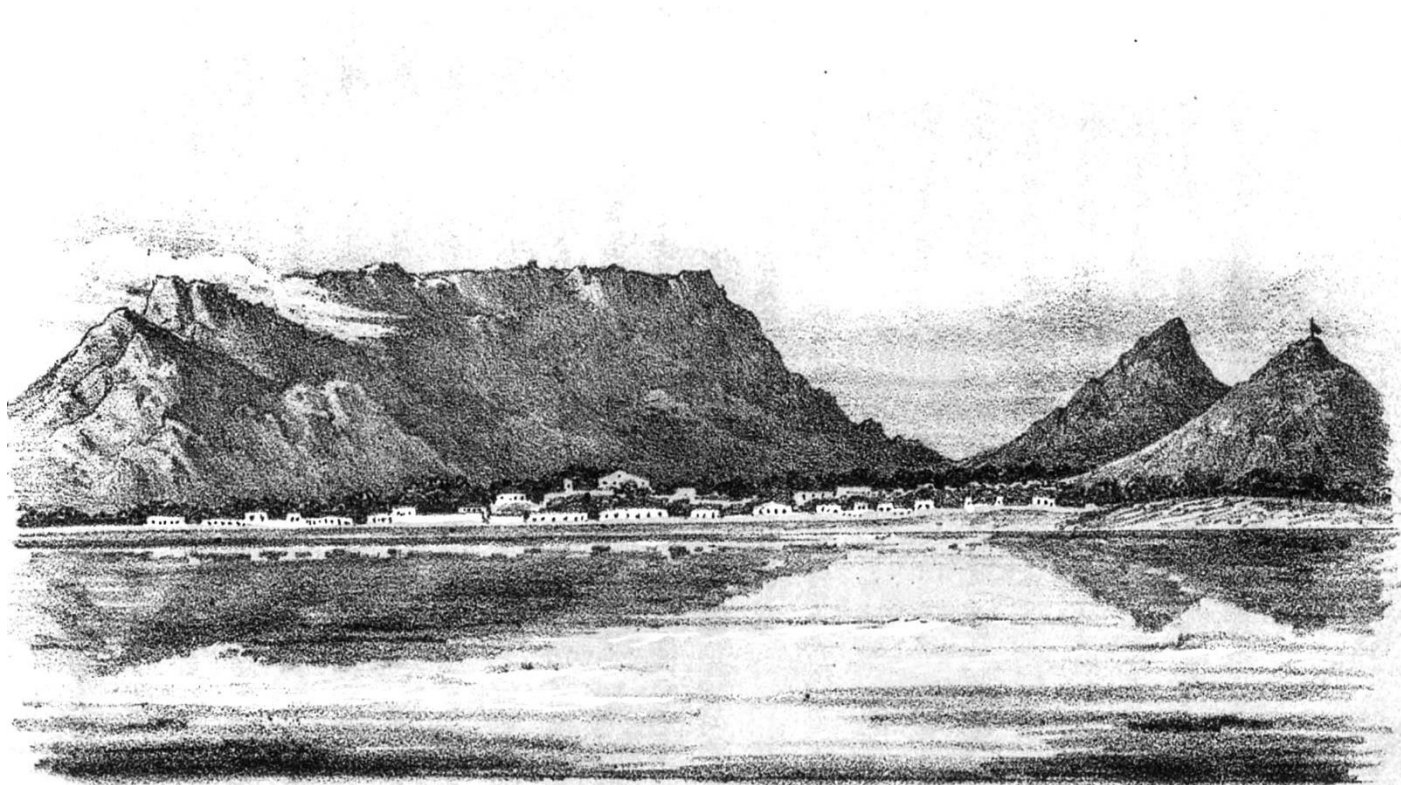
Отдохнув здесь несколько минут и сомнительно взглянув на последнюю крутизну Чёртовой горы, мы твёрдо решились подняться на пик без отдыха и тронулись с места. Не унывая, мы работали и ногами, и руками; соревнование усугубляло наши старания и наконец, по прошествии более  $\frac{3}{4}$  часа стали мы победителями на высочайшей точке Devils-пика. Торжественное ура, повторённое глухим эхо, ознаменовало нашу победу и мы в совершенном бессилии бросились на траву. Срывая горные лилии, которые покрывали иные места пика во множестве, и находя в них по несколько капель отрадной влаги, мы высасывали её, и, растянувшись, безмолвно отдыхали на пике, на который в то время нанесло густое облако. Тюльпаны, алоэ и множество незнакомых мне растений покрывали остальную часть пика, сторона которого, обращённая к рейду, оканчивалась вертикальным обрывом саженей до 80. Когда мы собрались в обратный путь, по часам было без 10 минут 5; то, что при входе на пик вам препятствовало, теперь послужило в пользу: шаг сделаешь, а 10 скатишься по камням!... Мы не шли, а летели, потому что не чувствовали под собою ног, которые были в самом жалком и плачевном состоянии!..

Наконец, к 8 часам вечера, притащились мы кое-как к городу; можно себе представить в каком положении явились мы в Hotel Victoria, где, удовлетворив аппетиту и утолив жажду, остались ночевать. На другой день явились на транспорт и откровенно сознались в наших «рыцарских» похождениях; много было хохоту, много дружеских насмешек над нами, — но, как бы то ни было, мы *первые* были на неприступном пике!..

Дней через пять сопутствовал я некоторым нашим офицерам на Столовую гору, которая выше Чёртовой без малого 200-ми футами. Узнав на опыте неудобство голодного странствования по африканским хребтам, мы нагрузили порядочный ягдташ провизией, вином, водой, и с рассветом отправились в путь. Ягдташ несли попеременно. Дорога шла по ущелью и была несравненно удобнее проложенной мною и Т\*\*\* на

Чёртову гору. На этот раз я отважился даже взять с собою ружьё, которое оставил, однако, под камнем на половине дороги. К полдню мы расхаживали по ровной поверхности этого гигантского стола и досыта налюбовались чудной панорамой, которая величественно расстилалась перед нами. Погода была прекрасная; завтрак как нельзя более по вкусу; вода, вино, сигары... да при таком комфорте, кажется, я не отказался бы от прогулки на Давалагири<sup>1</sup>, — право!..

К 8 часам вечера мы были уже на транспорте и рассказывали, наперебив, подробности нашей приятной и весёлой прогулки на Table Mountain.



Капштадт

Между тем наступила и масленица; но разумеется, мы могли только вспоминать о ней. Этот разнообразный, весёлый и шумный карнавал нашей Православной Руси приводил нас ко многим воспоминаниям: о спектаклях, балетах и балах, о Моцарте и Беллини, об Асенковой<sup>2</sup> и Самойловых!.. Веселье, раздолье у нас на Руси в эти дни!.. Хорошая санная дорога, щегольские экипажи, поездки и за город, и туда, и сюда; шубы и муфты гуляющих — всё это можно бы теперь встретить в Петербурге; а

---

<sup>1</sup> В то время эта гималайская вершина (8176 м.) считалась высочайшей вершиной мира, пока не была точно измерена высота Эвереста (8849 м.). — прим. OCR.

<sup>2</sup> Известие о смерти Асенковой мы получили в Камчатке.

мы в Африке. Вместо правильных и окрашенных стен разнообразной архитектуры домов, у нас перед глазами дикие, гигантские скалы Капштадта, кругом ароматическая зелень; столетние деревья в цвету и растут дико; везде виноград — лакомишься и думаешь о мороженом!..

На здешнем рейде стояла прекрасная шхуна, захваченная английскими крейсерами по подозрению в торговле невольниками; действительно, на ней нашли несколько сот невольников, предназначавшихся на продажу в Вест-Индию. Вот, кстати, интересное происшествие, рассказанное мне очевидцем, шкипером одного коммерческого брига. Это было под вечер знойного, палящего дня; мне хотелось рассеяться; на транспорте было как-то скучно; общество наших офицеров разъехалось по окрестностям: иные в дивную Констанцию, другие на Львиный хребет. Я съехал на берег. Приятная наружность Капштадта, по улицам которого я бродил, находилась в то время под влиянием удушливо жаркой атмосферы: по Реомюру было за тридцать градусов. Я зашёл в кафе-ресторан, скромный, не изысканный по убранству, но чистый, опрятный, щеголявший изящною простотою. Мне дали лимонаду, мороженого и превосходную гавану. Я кейфовал, бессознательно следя за клубами полупрозрачного голубого дыма, едва заметные струи которого, в следствие строгих атмосферических законов, извиваясь в неуловимых и грациозных узорах, занимали моё воображение, воображение усталое, измученное, или, вернее, на этот раз как-то ленивое: я ни о чём не думал, а смотрел только и был совершенно доволен этим моральным и физическим спокойствием, которому многие и многие могли бы позавидовать, потому что в нём проглядывала беспечность, хотя, правда и минутная, но зато самая полная беспечность!..

Это ли обстоятельство, костюм ли, наружность ли моя изобличали во мне русского — не знаю; но ко мне подошёл captain, с обычною нецеремонностью моряка, и, подсев подле меня на стул, сделал вопрос: не с русского ли я военного судна. Я отвечал утвердительно; мы разговорились. Его интересовало знать, с какою целью мы посещали Капштадт из дальних, по его выражению, вод Финского залива, омывающих берега окрестностей Петербурга, этой изящной столицы обширного Русского царства.

Я удовлетворил его любопытству. Ему поправилась заботливость нашего Правительства, не щадящего расходов для благосостояния своих подданных, разбросанных на огромном пространстве обитаемой нами планеты.

«Я сам бывал в Петербурге; чудная ваша столица, Петербург. — говорил он с выражением, в котором высказывалось удовольствие, одушевлявшее его при этих воспоминаниях. — Но много утекло воды с тех пор: я был тогда молод, а теперь, как видите, сед». Он говорил это как-то с грустью; впрочем, он был ещё бодр, здоров и свеж для человека его лет; ему было, судя по наружности, лет 50 с небольшим.

Этот незнакомец принадлежал к числу тех людей, которые могут понравиться с первого взгляда. Откровенность и нехвастливость, отзывавшиеся в его чистосердечной беседе, лета, доказывавшие опытность, всё привлекало моё внимание к его разговору, резкому, но исполненному такта, и внушало мне какое-то необъяснимое уважение к нему. Морю, молодому летами и опытом, общество подобного человека мало того что приятно и занимательно, оно даже отчасти и поучительно. К какому бы роду занятий и сословия вы не принадлежали, всё же это не то, что служба людей, посвятивших себя исключительно морю; вы встретите тут радости, удовольствия, ужас, опасности, горе и лишения!.. Тяжёл, правда, опыт везде, но в деле морском в особенности: он приобретаетя десятками лет.

— Ну что, скажите, — заговорил опять незнакомец — у вас нового в Кронштадте? Эта уютная точка небольшого острова была очень удачно избрана вашим великим преобразователем России, Петром I: прекрасный рейд и спокойные гавани. Хотелось бы мне, признаться, побывать в тех краях ещё раз; но вряд ли исполнится моё желание; я, можно сказать, совершенно погряз в торговле с Восточной Индией и Южной Америкой. А скоро ваш капитан думает оставить Капштадт?

— Быть может, на днях, — отвечал я ему.

— И куда думаете зайти на пути?.. Вероятно в Манилу?

— Вы не ошиблись; но прежде, нужно вам сказать, нам следует зайти в Сингапур, обогнув северную оконечность Суматры: это было желание нашего высшего морского начальства, на исполнение которого наш капитан имеет форменное предписание.

— Вот как. Да, мне самому случалось плавать Малаккским проливом: оно, знаете ли, неприятно и даже опасно...

— В отношении к чему?.. Не разбоям ли? — улыбаясь, перебил я было его.

— Нет, — отвечал он довольно серьёзно, — не то; а по жестоким шквалам, которые называются в тех краях *суматрами* и, признаюсь,

разрушительную силу которых я не желал бы вам испытать. А что та-мошные разбои!.. пустяки!.. Прошло время каримонских пиратов! Ны-нешние малайцы, нужно вам сказать, несколько поутихли; сделались, так сказать, ручными; но, конечно, пальца в рот им не клади: откусят, мошенники!..

— Не сомневаюсь! А странно, как поразмыслишь, что эти люди так медленно и, по-видимому, так неохотно поддаются влиянию здоровой философии разумных существ, т. е. человечества: ведь посмотрите, даже звери, конечно однородные, не отнимают друг у друга жизни, этого дра-гоценнейшего дара земного бытия. Бросьте им тот же предмет — пищу; они подерутся, погрызутся — но тем ведь и кончат. А человек доходит иногда до того, что готов из-за золота убить своего собрата, лишит его, следовательно, того сокровища, которым он, как хотите, во всяком слу-чае дорожит выше всего.

— Это верно; но согласитесь, однако, что иногда можно сделаться разбойником против воли, и душить своего собрата, именно из-за зо-лота, как вы выразились — сказал он мне тоном, который мог бы при-вести более робкое и неопытное существо, чем ваш покорнейший по-вествователь, к какому-то безмолвному оцепенению.

— Не знаю — отвечал я ему нерешительно — даже сомневаюсь в воз-можности подобной неволи, которая могла бы меня принудить к та-кому гнусному и бесчеловечному варварству.

— Не знаете, а сомневаетесь, молодой человек! — возразил он совер-шенно хладнокровно. — А это именно потому, что вы молоды. Бой! — обратился он к одному из прислуги кафе-ресторана, — two glasses of brandy.

Я было принялся его благодарить, отговариваться, что не пью этой смеси, которую действительно ненавижу, но куда: мой captain, от кото-рого веяло отчасти алкоголем, и слышать ничего не хотел; он заметил, что ему до сих пор не случилось видеть моряка, который отказывался бы от такого освежающего нектара, стакана brandy and cold water.

Принесли стаканы; тогда наша беседа пошла бодрее.

— Да, да, сударь, — продолжал он, предлагая мне чокнуться — это именно от молодости. Поверите ли вы, например, что капитан бостон-ского брига, имеющий удовольствие с вами говорить, был однажды раз-бойником, но, конечно, не по влечению, а по неволе?..



Вопрос, согласитесь читатели, был оригинален и интересен; я не успел на него ответить, как воображение и физиономия мои, как обыкновенно в подобных случаях, сделали уже тысячу вопросов: «как? что? где? когда? каким образом? может ли быть, вы шутите?» и много тому подобного.

— Вот видите-ли, — прибавил он с довольной миной, заметив моё удивление и вопросительный взгляд — допейте этот стакан, и я объясню вам подробности обстоятельства или приключения моих молодых лет: как купец, думаю, могу от вас требовать этой дани? Согласны вы? — прибавил мой весельчак, от души смеясь.

Я, исполняя его желание, не спускал с него глаз и рассмотрел при этом на правой щеке его следы длинного и широкого рубца, глубоко и давно врезанной раны. Я обратился весь в слух. Собеседник мой продолжал прихлёбывать и описывать свой интересный эпизод молодости таким образом. Я был мальчишкой лет 18-ти, в Вест-Индии. Бременский барк, на котором я прибыл туда из моего отечества, был мною оставлен по маленьким капризам: мой капитан был человек строптивного характера, горд как британский квакер, но известен в своём деле как отличный и отважный моряк. Он знал моего отца, любил покойного и хотел вывести меня, как говорится, в люди; поэтому в обращении со мною он был постоянно строг, взыскателен и не давал мне, признаться, случая нежиться; я был и на марсе, крепил брамсели и прислуживал у него в каюте: чистил платье, сапоги и прибирал за его бульдогом. Эта проклятая собака досаждала мне, бывало, более всего: сколько раз я собирался своротить ей шею, но животное точно предчувствовало мой замысел и всегда огрызалось на меня как разъярённый тигр, когда я даже просто подходил к нему, чтоб погладить. Однажды, я только что успел прибрать палубу, не успел ещё даже бросить самодовольный взгляд на её чистенькую поверхность, глядь, будто назло, бульдог изгадил палубу грязными лапами, чтоб заставить меня прибирать снова; согласитесь, это хоть кого бы взорвало!.. Я взял лопарь, и так ловко «огрел» им своего досаждателя, что признаюсь, не хотел бы в то время быть в его шкуре. Остервенившееся животное бросилось мне на грудь, как африканская гиена; но я был силён: взял его за шиворот и так неудачно оторвал и отбросил от себя к рострам, что несчастный бульдог переломил себе заднюю ногу о бугель запасного брам-рея. Капитан взбесился и... как друг моего отца, дал мне пощёчину. Я был молод и, натурально, не мог

стерпеть такого личного оскорбления, в следствие которого и отказался служить на судне. Капитан хотел употребить силу; но всё было напрасно: я сошёл на берег. Прошла неделя; деньги были на исходе; нужно было думать о месте. Я бродил из шинка в шинок, пил, правду сказать, иногда неумеренно, как говорится, с горя, и дошёл вскоре до того, что сидел наконец в шинке на последние деньги. А это, я вам скажу, ужасное положение, видеть свой кошелёк пустеющим и не иметь к тому же ни крова, ни хлеба, ни даже какого-нибудь места в виду. Мне было грустно; чувство сожаления и раскаяния стало уже было заглядывать ко мне в грудь: к чему, думал я, эта неуместная амбиция?.. велика важность, что тебе дали пощёчину; от товарища, к тому же сильнее тебя, стерпчивал, подчас и по двадцати, а тут и за честь ухватился: нет, дескать, уж этой личности я не стерплю!.. Глупо, право, глупо; согласитесь, что глупо!

— Ну-с, таким-то вот образом я рассуждал за стаканом грогга. В этом шинке, нужно заметить, незадолго до моих логических умозаключений, вызванных моим действительно незавидным положением, явился какой-то незнакомец, тип американца или уанкее, как их обыкновенно называют; он сидел в углублении нашего шумного общества и исподлобья рассматривал каждого поодиночке. Убитый дух мой, а может быть и нейтральность, которой я держался посреди этого буйного веселья, обратили, должно быть, на меня особенное внимание этого американца: он подсел ко мне, спросил о двух трёх посетителях, игравших большую роль в этом шинке, предложил стакан гроггу и разговорился. Он был приветлив, внимателен в беседе и чрезвычайно как любопытен: расспрашивал меня о малейших пустяках, которые его между тем, по видимому, очень интересовали. Я не замедлил, разумеется, рассказать ему своё горестное положение, и едва только успел объяснить, что ищу случая попасть на судно, как незнакомец мой, видя во мне сильного и здорового парня, протянул руку и сделал предложение идти с ним на шхуне, на которой сам он был боцманом. Я, конечно, обрадовался этому предложению, даже не сумел скрыть своего восхищения, когда он мне обещал 40 пиастров месячного содержания. Пошла попойка. Мои боцман хлопотал около меня, как заботливая нянька, смотря в глаза своему любимому дитяти. Мы развеселились и продолжали тянуть грогг; в последнем я старался даже выказать своё молодечество, и потому скоро развязал свой болтливый язычок. Я спросил у него десять пиастров в счёт жалованья; он дал мне двадцать. Весело, думал я, служить на таком

судне и с таким добряком-боцманом, у которого можно иметь постоянный кредит; денег было у него много, всё дублоны и заманчивые гиней. Я был счастливейшим из смертных, получив золото... Остального, нужно сознаться, я хорошенько не припомню: всё ходило вокруг меня как тени фантасмагории; я обезумел от радости, но более, разумеется, от вина. Этими жалкими минутами морального и физического онемения я продал свою свободу и волю, продал бы себя на лопарь виселицы, если б Провидению не угодно было меня спасти самым счастливым образом. Вы, может быть, не поверите, молодой человек, что я и теперь ещё не могу вспомнить без ужаса об этой каторге, на которую я себя продал за несколько стаканов грогга?.. Слушайте. Я просыпаюсь под утро; озираюсь... и не могу взять хорошенько в толк: где я? Наконец, вижу койки и спящих людей; я догадался, что нахожусь в палубе какого-то судна; но какого, как я сюда попал — не помню! Сосед мой, заметив моё удивление, предложил мне несколько вопросов, в которых изъясил также и похвалу за мою способность напиваться до совершенного бесчувствия. Слышу всплески у водореза; чувствую качку. На палубе беготня: люди брасуют реи и осаживают шкоты. Кой чёрт, думал я, и хотел было подскочить к люку.

— Не горячись, уанкее — проговорил прежний голос; — ты под вахтой и не имеешь права выйти на палубу: не то, смотри, подавишься свинцовыми жёлудями!

Я оробел. Собравшись, однако, с духом, я пристал наконец к своему соседу, чтоб он мне объяснил, по крайней мере, где я и кому обязан за ночлег и одолжение, что меня «прибрали» вчерашнего числа к месту,

— Э, брат! — продолжал тот же сосед, — ты, как я посмотрю, ещё зелен: видно, из вербованных?..

«Как из вербованных? — Да так же. Тебя вчера накатили, а теперь ты здесь на невольничьем судне, идёшь в Африку за неграми. Если мы избегнем всякой неприятной встречи с проклятым крейсером, — будем иметь золото, а на него и все удовольствия нашей суетной жизни, которой, воля твоя, надобно уметь пользоваться.

— Что вытаращил бельма? — продолжал этот изверг. — Достань-ка мою трубку, да подай свёрток табаку... вон, около бимса, поближе к полуборту...

— Ты демон, или человек? — проговорил я умоляющим тоном.

— И то и другое; для бедняка малый добрый, а для богатого демон...

— Но заклинаю тебя всем для тебя священным... спаси, избавь меня от этого гнусного соучастия в деле, в котором я не могу быть тебе полезным... я не переживу этого пятна!..

— Малодушие! — пробормотало это животное и засмеялось. — Впрочем, пожалуй: если хочешь, чтоб я тебя припрятал и спас, но разумеется, не от смерти, а от дальнейшей жизни, — изволь: сего дня спущу на балластине ко дну!.. Чудак, посмотри: мы в море, далеко уже от берегов; куда же я тебя высажу?..

Я совершенно опешил. Могильное дыхание, которым веяло от его убеждений, казалось, долетало до моих уст. Сердце моё сжалось, в нём теснились страшные думы! Я горько зарыдал...

Вы знаете, что чувство сострадания к ближнему иногда не совсем чуждо даже пиратам. Видя во мне человека молодого, нечаянно или, вернее сказать, силою взятого на грабёж, он пожалел обо мне, припомнив, что чувствительность, выказавшаяся у меня в эти минуты горькими, чистосердечными слезами, не могла согласоваться в моём характере с преступными намерениями, к исполнению которых окружавшее меня общество летело на всех парусах. Он принял во мне участие; обещал содействовать моему побегу, как только представится первая возможность к тому, — и пожал мне руку, заметив: ты брат, как вижу, не из числа храбрых и не можешь быть нашим товарищем. Я тебя спасу.

Я, волею и неволею, сблизился с этим человеком; в течение всего времени, как я находился на *практическом* судне, он был моим постоянным и сильным покровителем. Дни шли за днями. Я скучал, — но, под конец, как человек, разумеется, свыкся с грустной идеей, которая меня постоянно преследовала. Таким образом я осмотрелся на судне. Оно было вооружено 12 орудиями и имело большой запас абордажного оружия. Экипаж судна был многочислен: он состоял из восьмидесяти человек, не считая капитана и его шести помощников. Капитан был родом негр и молчалив как истукан: я ни разу не слышал, чтобы он что-нибудь говорил, кроме приказаний по управлению судном. Его худощавое, медного цвета лицо было оживлено электрическим блеском больших глаз: в них было, должно быть, много магнетизму, потому что одним взглядом он мог приковать каждого на месте. Одевался он всегда в широкие панталоны и матерчатую куртку, а на голове носил соломенную шляпу. Два заряженных пистолета и малайский крис<sup>1</sup> довершали костюм его.

---

<sup>1</sup> Кинжал.

Жизнь на таком судне и с таким начальником была совершенный ад: всякий заботился только о себе, недоверчиво поглядывая на другого. И в этом вертепе самых закоренелых разбойников и злодеев, мне пришлось провести более трёх месяцев! Можете представить себе моё положение!

Нужно было взглянуть на смесь гнусных бродяг, составлявших экипаж судна. Тут были французы, итальянцы, англичане, сардинцы, американцы, негры и индейцы<sup>1</sup>. Вахтенный, его помощник и боцман были обыкновенно вооружены, носили заряженные пистолеты и кинжалы. Люди, т. е. матросы, не смели между собою говорить: всё делалось молча. Старший помощник капитана, в котором мне не трудно было узнать виновника моего несчастья, выдававшего себя в проклятом шинке, где мне было суждено с ним встретиться, за боцмана, был родом американец, высокий, худощавый, мускулистый и сильный мужчина. Остальные власти судна уступали ему не во многом: народ был вообще крупный, что называется отборный.

Относительно нашего перехода из Вест-Индии в Африку, я не могу вам рассказать подробностей; помню только, что мы пришли без особых приключений к африканским берегам, около Бенгуелы, зашли в небольшую бухту, бросили в ней якорь и приступили к покупке негров за разное тряпье, бусы, вино и тому подобную дрянь. Торг шёл успешно: подводы негров не прерывались в течении 6-ти дней, так-что к концу этого срока у нас было в трюмах до 200 человек скованных невольников. Наш капитан узнал через разные пронырства о другом невольничьем судне, стоявшем в то время в другой бухте, у нас по соседству, — на котором происходила также закупка негров, и которое уже имело их в наличности, как утверждали, до 400 человек. Наш разбойник, сообразив своё превосходство сил, решился их отнять силою оружия, чтоб пополнить таким образом свой груз «без дальних хлопот».

Мы снялись с якоря. Под вечер вошли с злобными намерениями в ту бухту, в которой стояло предназначенное уже к расхищению судно. Убравшись на палубе и закрепив паруса, наш начальник приказал спустить шлюпку, на которой он отправил своего главного помощника к капитану стоявшего с нами невольничьего судна с хладнокровным

---

<sup>1</sup> В русском языке слова «индиец» и «индеец» были синонимами буквально до начала XX века и означали как американских индейцев, так и жителей Индии. И только в XX веке разделение на индейцев — жителей Америк и индийцев — жителей Индии стал общепринятой в русском языке нормой. Здесь под «индейцами» будут пониматься в основном только жители Индии. — *прим. OCR.*

наказом, объяснить ему, что так как груз его шхуны не полон, и он не намерен ожидать новых подвод негров, что могло бы протянуться слишком долго, то неуютно ли будет, без дальних околичностей, прислать ему 250 человек из закупленных невольников за анкерок рому, или же приготовиться защищать права собственности силою оружия. Разумеется, на это дерзкое требование последовал ответ, который отзывался тем же нахальством. Начался бой, кровопролитный, жестокий бой, кончившийся тем, что вместо 250 негров к нам перевезли на шхуну 300 человек. Этим изверг наш был совершенно доволен: 500 человек негров — это груз в 150 тысяч пиастров!...

На другой день после битвы, в которой, благодаря Бога, мне не пришлось принять ни малейшего участия, мы налили пресной водою, запаслись провизиею и снялись с якоря. Не прошло и 7-8 дней нашему плаванию от африканских берегов, как на горизонте показалось небольшое двухмачтовое судно под английским флагом: это был крейсер. Мы продолжали идти своим путём, между тем как крейсер стал гнать к ветру. По мере нашего приближения друг к другу, мы рассмотрели, что это была небольшая военная шхуна; разбойник был совершенно спокоен, увидев, что будет иметь дело с равносильным неприятелем. Часа через два у нас заштилело, между тем как крейсер мог пользоваться полосою маловетрия и постепенно к нам приближаться. К вечеру, за час или за два до солнечного заката, мы сблизились друг с другом на расстояние пушечного выстрела. Крейсер стал требовать, чтоб мы показали флаг; разбойник противился. Раздался выстрел... ядро пролетело под кормою; другой... оборвал у нас несколько снастей, и англичанин, убедившись в явном сопротивлении, стал готовиться к бою. «Damn your eyes!» — пробормотал наш бессловесный изверг и приказал отвечать тем же. В две минуты 12 орудий были готовы к услугам крейсера. Началась битва, хладнокровная, обдуманная, тактически верно рассчитанная. Крейсер маневрировал проворно и храбро, разбойник дрался отчаянно. Залп за залпом раздавались в спокойной и густой атмосфере, и нависшие тучи, молчаливо созерцая борьбу двух противников, казалось, грозили разразиться над нами. Оглушительный рёв орудий с силой потрясал воздух, стоны и вопли полу-убитых и раненых раздирали мою душу, но ещё более терзала меня мысль, что я, в пылу легкомысленного заблуждения, обрёл себя на столь гнусное соучастие в бесчеловечном поступке. Поверьте, в те тягостные и мучительные минуты, мне было бы легче умереть, чем машинально повиноваться приказанию разносить по орудиям

кóкоры с картуза́ми, силою которых мои товарищи, эта неистовая толпа злодеев, громили невинного полу-избитого крейсера!.. Через четверть часа, мы рассмотрели в дыму, в довольно близком от нас расстоянии своего противника; разбойник-капитан приказал взять крючья и сцепиться на абордаж. Высокий американец стал ободрять людей; но это было совершенно напрасно: все люди наши понимали, что им надобно защищать свою жизнь, и инстинктивное чувство самосохранения, понятное всякому, гораздо лучше воодушевляло экипаж разбойничьего судна.

Наконец, мы свалились. Резня пошла страшная; нельзя передать всё, что было в ней ужасного. Первый, вошедший на палубу крейсера, был американец; длинный разбойничий нож его повергал с каждым ударом несчастных англичан; неистовая толпа его товарищей пришла в бешенство, и в десять минут участь *военной* шхуны была решена!.. Пощады не было никому: всех перерезали!..

Представьте себе картину этого разбойничьего поступка: на палубе потоки крови, разбросанные и изуродованные трупы, плачь несчастных людей, на коленях умоляющих о пощаде, и в заключение, остервенение разъярённых разбойников, с которым они брали этих людей за ворот, вонзали в сердца смертоносное лезвие своих недостойных кинжалов и бросали затем трупы их в конвульсивном состоянии за борт, где несколько акул с жадностью встречали свою полуживую добычу. Это была страшная, раздирающая душу картина!.. Простит ли мне Правосудие нашего Творца то кровавое пятно, которое я положил на себя в ту минуту, когда один из команды крейсера распорол мне тесаком правую щёку и хотел нанести последний удар кинжалом, а я, отмщая за свою жизнь, поразил его!.. Оправдывать этот поступок не берусь, но думаю, что и вы поступили бы на моём месте точно так же. Как ни горька, ни солона нам подчас наша жизнь, а мы, люди, ею много дорожим, и готовы решительно на всё, если увидим себя, как говорится, на ниточке.

Окончив убийства, наш разбойник взял шхуну на буксир и пошёл далее по назначению. Прибыв к бразильским берегам, разбойник прежде всего продал судно, этот «удачный приз», как он выражался.

«Подожди, бедняк, — говорил мне мой товарищ-доброжелатель — мы скоро тебя спровадим, не зевай только».

И действительно, при свозе негров-невольников на берег, пользуясь довольно тёмной тропической ночью, мой покровитель вызвал меня наверх, провёл со мною с полчаса на палубе, всунул мне в руку две гиней,

дал несколько предостерегательных наставлений и тихонько спустил меня на шкёрте за борт; потом, опустив ко мне довольно большое ведро, проговорил шёпотом: «all right; go on ahead!» и скрылся за сетками.

Тогда шёл прилив; он быстро понёс меня за корму проклятой шхуны; отплыв довольно далеко от неё, я просунул левую руку в шкерт ведра и стал пригребать к берегу, на который вышел спустя полчаса на небольшом выдавшемся мысе, расставшись таким образом навсегда с бездельниками, среди которых, как уже вам говорил, я провёл более трёх месяцев.

Этими словами мой повествователь окончил свой интересный рассказ; не знаю, и потому не утверждаю, до какой степени он справедлив, но слышал его от человека, по-видимому, весьма положительного.

— Ну, видите, молодой человек, — продолжал мой словоохотливый captain — не прав ли я? Разве нельзя сделаться разбойником против воли?

— Признаюсь, — отвечал я ему — это был ужасный случай. А неизвестна вам, скажите, участь этих негодяев?

— Отчасти. Спустя лет пять, я был в Рио-де-Жанейро и, лавируя по рейду, проходил под кормою английского *блокшива*, с которого, к величайшему моему удивлению, меня кто-то приветствовал, громко и явно называя по имени. Я стал всматриваться и узнал в нём своего избавителя с невольничьего судна. Тихий ветерок едва подвигал нас мимо блокшива, и мы могли поменяться несколькими словами.

— Душевно рад, любезнейший, — говорил мне этот несчастный человек в полголоса — что ты не пропал при моём посильном пособии в побеге. Не думал я тебя встретить за день до моей смерти: завтра я буду на виселице; не поминай, брат, лихом!..

— Сердце моё облилось кровью, когда до меня долетели эти слова, сказанные без малейшего сожаления о вечной разлуке с земным бытием и так хладнокровно, что я, признаюсь вам, прослезился за этого преступного грешника, окаменелая душа которого высказала такое презрение к жизни. Вы были совершенно правы, — продолжал он, обращаясь ко мне, — заметив, что непонятно, как в человеке могут развиться столь преступные намерения против своего собрата.

Таким образом мы пробеседовали ещё с полчаса; время подходило к 11-ти, а с полуночи мне следовало на вахту, почему я невольно должен был прервать своего словоохотного собеседника и, простившись, удалиться на вечернюю шлюпку.



На рейде был мёртвый штиль. Ясный свод неба украшался мириадами сверкающих звёзд, шлюпка неслась быстро к транспорту. Угрюмые и мрачные мысли, которыми сердце моё было преисполнено, мало-помалу исчезли, и у меня осталось одно воспоминание о почтенном captain'e, рассеявшем меня за сигарою таким занимательным рассказом.

Земляк и капский знакомец наш, Гасе...в, выдумал было диковинную вещь, и всё это не более как для того, чтоб нам угодить!.. Не знаю, как поступили бы другие на нашем месте, но мы, по крайней мере, отказались от его навязчивого предложения поручить ему закупку необходимой для нас провизии. И куда-то он только не собирался ехать!.. Из Алжирии хотел навезти баранов, в Марокко заpastись курами, а из Сенегамбии думал пригнать поросят!.. Жаль, что я мало знаком с френологией, а то непременно бы отыскал у него на голове какие-нибудь подозрительные шишки...

Поспешность, с которой мы обязаны были продолжать плавание к цели нашего назначения, была причиною, что капитан торопился с выходом в море. По исправлении и тщательном осмотре всего рангоута, запасшись пресной водой и провизией, мы снялись с якоря 18 февраля около 5 часов вечера, при тихом брамсельном ветерке от юго-запада, и пошли к выходу из Столовой бухты. К вечеру ветер разыгрался: ходу было до 8 узлов; но к полуночи стихло, и мы подвигались вперёд не более 5 узлов, так что к полдню следующего дня были всего в 56 милях от Капштадта, с которым расстались очень дружески.

Но я забыл сказать, что накануне нашего отхода из Капштадта мы получили в подарок (не помню, от кого именно), восемьдесят береговых черепах. Они, ползая по палубе, напоминали нам иногда африканские хребты, потому что моряк вырастает, так сказать, на паркете, с которым может быть сравнена палуба всякого военного судна; а тут, выйдешь, бывало, ночью на вахту, не осмотришься хорошенько, и глядь — спотыкнулся! Обо что?.. О черепаху! Право, точно как в Африке. Однако же, мы вскоре нашли средство избавиться от этих докучливых животных. Как только запас свежей провизии поистощился, мы через несколько дней принялись за черепах, хотя и знали, что береговых черепах не едят. Разумеется, это делалось не по необходимости, а просто для того, пожалуй, чтоб сказать «я ел береговых черепах», и убедиться, в какой степени мясо их по достоинству ниже мяса черепах морских. Вот однажды и пригласили повара Алексея. Сваришь, — спрашивают его, — суп из черепахи? — Тартюф-с? — Отвечал он. — Как же-с: в клубе не раз видывал

как варивали. — И сварил суп a la tortue. И как бы вы думали? Вышел прекраснейший, весьма похожий на крепкий бульон из курицы. Вот про мясо, так не скажу ничего особенного; волокна его, плававшие в супе, отбивали даже отчасти аппетит...

Были у нас и морские черепахи, но, конечно, не в том количестве, как береговые. Породы морских черепах весьма многочисленны; самый крупный род их называется Testudo Mydas, Caretta и Cananne. Черепахи первой породы кладут от 10 до 12 дюжин яиц, а остальных двух родов от 18 до 20. Чтобы дать понятие о величине такой черепахи, довольно сказать, что поднять её могут разве человек шесть, никак не менее.

Яйца морских черепах очень вкусны и питательны; их отыскивают даже и белые колонисты жарких стран. Морские черепахи кладут свои яйца в песок в течение самых тёплых месяцев года. Для этого они выходят под вечер на берег, вырывают в песке довольно большую яму, дюймов до двенадцати в диаметре, кладут яйца и засыпают яму песком, который потом тщательно утаптывают. Спустя два-три часа после солнечного заката, черепахи уползают в свою стихию, в которой живут охотнее, чем на суше. Береговая черепаха ловится для своей оболочки, годной на выделку гребней и т. п., а морская, имея оболочку неудобную для фабрикации, идёт преимущественно в пищу.

### ГЛАВА III ПЛАВАНИЕ ОТ КАПШТАДТА ДО СИНГАПУРА

*Альбатросы и фрегаты. Плавание от островов Св. Павла и Амстердама. Ураган и его последствия, Никобарский архипелаг. Дикари. Встреча с европейцем. Географическое положение Никобарской группы. Поселения на этих островах и климатологические заметки о них. Остров Катчалл. Выход в море. Плавание до о. Принца Валлийского. История Пуло-Пенанга. Несколько дней в Джордж-Тауне. Трудности плавания Малакским проливом. Морские разбои малайцев. Казнь индейских преступников. Прибытие на Сингапурский рейд. Китайские джонки. Индейский способ лечения от ужаления змей. Анекдот о сингапурских водяных чертях. Выход в море.*

Выйдя из Капштадта, мы так располагали наши курсы, чтобы забраться на параллель 40°, и по ней, следуя по направлению к востоку,

продолжали плыть благополучно при свежих и крепких попутных ветрах. Марта 4 погода была как-то особенно бурлива; однако, на другой день она несколько поутихла, так что утро 6 числа мы провели в штиле, во время которого нам удалось поймать альбатроса. Эту величавую птицу океана я поймал, как-бы вы думали, на что? — на удочку!.. Читатель, может быть, не поверит мне на слово; постараюсь представить доказательства. Альбатрос от природы наделён крючкообразным клювом; следовательно, захватив крючок с надетой на него приманкой (из говяжьего жира или бараньего сала), птица на крючке повиснет, если в то же время натянуть линь и, не давая слабины, начать выбирать его ходом<sup>1</sup>. Способ этот, как видите, очень прост и вместе с тем довольно забавен.

Альбатрос чрезвычайно прожорлив, и, кажется, столько же глуп: пойманный мною несколько раз срывался с крючка, пытаясь во что бы то ни стало сорвать лакомый жир. В стараниях его непременно сорвать приманку, проглядывала настойчивость; может быть, величавая птица океанов, сознавая своё достоинство, с негодованием смотрела на приманку, в которой видела насмешку над собою и которую потому «во что бы то ни стало» хотела уничтожить.

Красивая птица альбатрос принадлежит холодному поясу южного полушария; в северном, по крайней мере мне, не случалось видеть таких больших. Альбатросы водятся на Мысе Доброй Надежды, также в Патагонии и на Фолклендских островах. Яйца их очень вкусны, и у гастрономов южного полушария считаются лакомством.

Спина и крылья альбатросов испещрены узенькими коричневыми полосами; хвост тёмно-серый: крылья — двух и трёх коленчатые, в размахе от 9 до 12 футов. Пойманный мною был из числа больших: величиною он равнялся доброму лебедю; длина крыльев была 9 футов 2 дюйма. Альбатросы такой величины очень тяжелы и прямо с воды не могут подняться в воздух, но должны сперва разбежаться по ней при помощи крыльев. При величавом, можно сказать, орлином полёте, альбатрос ни разу не дрогнет крылом, держась за судном, иногда по несколько часов сряду; альбатросы летают невысоко, наравне с корабельным рангоутом (мачтами). В пищу употребляют они летучую рыбу и моллюсков, но не отказываются также от всего, выброшенного за борт,

---

<sup>1</sup> Линём называется всякая тонкая, несмолёная верёвка; если она натянута не туго, не в струну, то моряки говорят что линь имеет слабину; выбирать линь ходом — значит тянуть верёвку, плавно, безостановочно, так чтобы она не могла получить слабины.

и потому нередко следят за судном по целым неделям. Другой род хищных птиц океана называется фрегатами (*Pelecanus aquilus*, Linn.)<sup>1</sup>.

Они несравненно меньше альбатросов, стройнее и превосходят последних лёгкостью и плавностью полёта.

В ночь с 14 на 15 марта мы прошли меридиан островов Св. Павла и Амстердама; оба они лежат в одинаковой долготе 72°52' восточной от Гринвича; южная широта первого 37°52', второго 38°42'<sup>2</sup>. По темноте, а может быть и по неверности счисления, мы не видели их. С рассветом мы стали направлять путь к северо-востоку, а в долготе 90° пошли прямо на север. Марта 24 подул юго-восточный пассат, в широте, по нашим наблюдениям 30°46' южной.

Плавание шло благополучно до дня Светлого Христова Воскресенья; оно пришлось на 30 марта. Такой великаторжественный праздник мы встретили как истинные христиане, хотя в это время находились посреди Индийского океана.

Мы отслужили заутреню, похристосовались, пригласили в кают компанию всех носивших на транспорте галуны, т. е. унтер-офицеров, разговелись, чем Бог послал, и были вполне довольны. Впрочем, чего оставалось желать больше: великолепный кулич, миниатюрная пасха (из козьего молока), несколько яичек, честерский сыр, ветчина, масло, капская мадера и голландский джин, — вот, что составляло скромную трапезу. Немного побеседовали, потолковали о Петербурге, да и разошлись по каютам; другие пошли на палубу, чтоб сменить вахтенных; пятый час был уже во второй половине.

В день Светлого Христова Воскресенья обедали у капитана, конечно, кроме вахтенных. За столом много смеялись над некоторыми участниками скромного пиршества, падавшими со стульев, не потому, однако же, что обед был уже в половине, а просто по милости свежего и попутного для нас юго-восточного ветра, который взволновал море так усердно, что каждый подгонявший с кормы седой вал, располагая по

---

<sup>1</sup> Господа Ке (Quay) и Гемар (Gaimard) в зоологической части путешествия капитана Фрейсине (Freycinet), стр. 134, замечают, что «фрегаты» не должны причисляться к морским птицам, потому что они очень редко удаляются на значительные расстояния от берегов. Замечание неосновательное: мы встречали фрегатов за 1.500 миль от берегов, и не редко, а весьма часто.

<sup>2</sup> Если экипаж «Або» пользовался приведёнными здесь координатами островов, то ничего удивительного, что они их не увидели! Реальные координаты их: 38°44' ю.ш. 77°31' в.д. (о. Сен-Поль) и 37°50' ю.ш. 77°34' в.д. (о. Амстердам). Т.е. по долготе ошибка составляет порядка 500 км! По широте координаты почти совпадают, но перепутаны друг с другом. — прим. OCR.

прихоти огромным транспортом, как игрушкой, казалось, навязчиво просился к столу пообедать.

*Штормовки* реяли над покрывавшейся бороздами стихиею, предсказывая непогоду и крепкий ветер. Удивительно, что предвестницею порывов разъярённой стихии, ветра, природа избрала такую миниатюрную птичку, какова штормовка (*Procellaria relagica*). По величине её можно сравнить с ласточкой: но головка штормовки более походит на голову попугая.

Эти крошки наслаждаются бурливым состоянием морей и словно вьюны снуют около вершин колоссальных валов. В штиль не увидишь штормовок; неужели они следят по всему свету за бушующим ветром, скрывая в своём маленьком организме антипатию ко всему тихому и спокойному?..

Настал вечер; ветер заметно усилился; воздух был невыносимо душлив. При таком состоянии атмосферы, напитанной знойными испарениями малой широты, не было возможности свободно дышать; мы видели, что ночь предстояла бурная, но никто не догадывался до какой степени она будет ужасна...

За час до полуночи ветер скрепчал; барометр опустился на 29,62<sup>1</sup>. Хотя в то время мы шли уже под умеренными парусами, но быстро возраставшая сила ветра всё-таки заставила уменьшить площадь средних парусов, или «взять рифы», как говорят моряки.

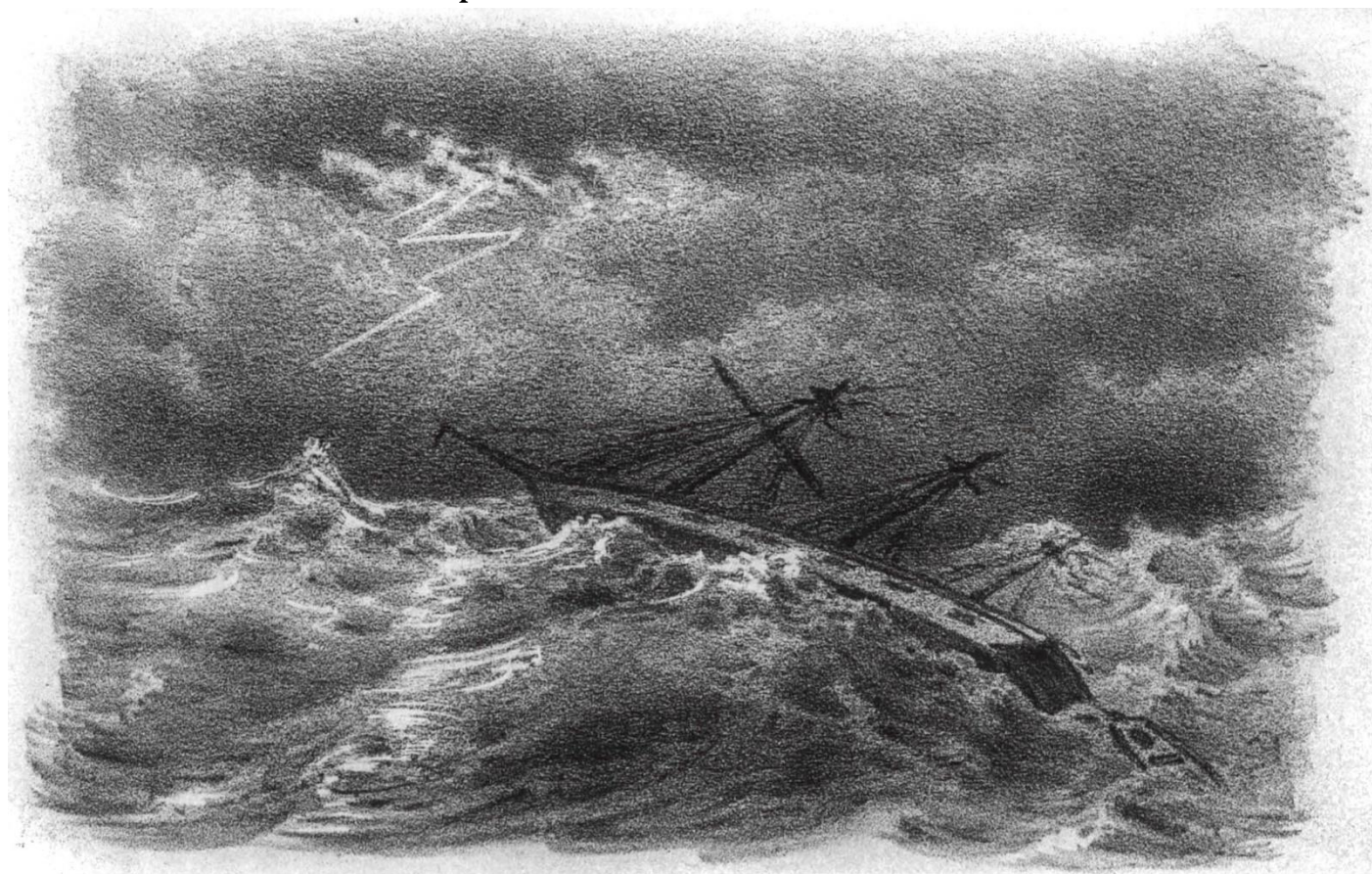
Для подобных авральных работ, замечу читателю, незнакомому с делом, весь экипаж судна вызывается наверх; поэтому, вместе с боцманским свистком, вестовые зашевелились и гуськом потянулись в офицерские каюты с приглашением на общую работу. Днём на такие вызовы являются на военных судах в ту же секунду; ночью много-много через минуту, или полторы; это подтвердит каждый, знающий дело.

Едва лишь люди успели выбежать, как сильным порывом ветра изорвало кливер (треугольный парус), служащий к уклонению носа судна от ветра; транспорт бросился к ветру и обезветрил все паруса до такой степени, что необходимость заставила поворотить оверштаг на другой галс (против ветра на другую сторону). После такого манёвра приступили к работе. Однако же, снасти, несмолёные верёвки, которыми предварительно паруса несколько подбираются к дереву, лопались, и вслед

---

<sup>1</sup> Здесь и далее показания барометра даны в дюймах ртутного столба. 29.62 д.рт.ст = 752 мм.рт.ст. – прим. OCR.

за тем изорвало все три паруса, поднимаемые в средней части мачт (марсея). Хотели крепить паруса; но ветер, мгновенно перебежав от юго-востока через юг к западу, усилился до такой невероятной степени, что без явной гибели людей нельзя было ничего сделать. Это был один из тех моментов, в которые человек сознаёт своё ничтожество.



Ураган

Море и небо слились в общий, непроницаемый мрак; когда же он освещался фиолетовым светом молний (рѣв урагана и треск изорванных парусов заглушали грохот громовых ударов), команда и офицеры являлись в виде страшных привидений, а клокочущая стихия казалась просто адом, Могучая стихия немилосердно бросала обезображенный транспорт; он черпал бортами, несколько раз кормою (гака-бортом), так что на палубе иногда было столько воды, что она, не успевая пробегать в шпигаты, при каждом крене переливалась через борт. Миллионы светящихся моллюсков блистали повсюду; горизонтальный ливень дождя, смешанный с брызгами морской воды, казалось, хотел залить транспорт. Стеньги (вторая часть мачт), сломившиеся, как сухой тростник, повисли на такелаже (оснастка) и силою ветра держались на топах (верхних концах) мачт в воздухе. Из этого можно заключить, какова

была сила ветра! Такое положение длилось 2½ часа; наибольшее понижение, которого достигал барометр, было 29,38; потом, мало-помалу, он стал повышаться. В шестом часу занялась заря; ветер заметно стихал... С рассветом мы увидели, что сделал из нашего транспорта ураган. Если читатель в состоянии представить себе судно в величайшем беспорядке, то и тогда он будет далёк от истины. Всё, что за несколько часов было так красиво и стройно, всё это теперь являлось обезображенным в высшей степени. Лоскутья парусов, недавно так величаво боровшихся с разъярённою стихиею, висели теперь какими-то жалкими бахромками. Из такелажа неистовый ураган сделал что-то вроде разорванной паутины — так перепуталось всё в этой сумятице!

Транспорт, нещадно изувеченный неумолимой стихией, которая как будто отдыхала от своих буйных проказ и утомлённая молча любовалась своим побеждённым противником, представлял зрелище грустное, вызывавшее сострадание.

«Бедный, бедный транспорт!» — говорили многие с тяжёлым сердечным вздохом, принимаясь приводить всё изломанное в порядок. Распутав такелаж и прибрав изломанный рангоут к месту, мы начали вооружение снова. Благодаря усердию и ловкости наших матросов, в течение четырёх дней транспорт привели в прежнее состояние, с тою, однако же, разницей, что за неимением запасной фор-стенги, потерянной при шквале в Атлантическом океане, мы шли под «фальшивым вооружением».

Весело смотреть на такие работы! Каждый старался скорее исполнить возложенные на него обязанности, чтоб изгладить следы опустошительного урагана. Деятельность была кипучая, весёлая; только подкипер пожимал плечами, бормоча себе что-то под нос; дружный матросский припев: «Эй, шкипер, сала!» и прочее, раздававшийся с марсов, досаждал ему, казалось, не в шутку: вероятно, большие расходы тросов, парусины и сала не согласовались с его экономическими видами. Он более всех негодовал на проказы сердитого урагана; называл его и так, и эдак, и, наконец, «чертовщиной», которая нашутила в его голову.

Место, на котором мы выдержали ураган, оказалось по наблюдениям в южной широте 12°36' и восточной долготы 92°31' от Гринвича. Судя по незначительности времени, которое провели мы в клекотавшей стихии, можно полагать, что мы находились не в центре урагана, а едва только коснулись его орбиты: иначе нам не отделаться бы так дёшево!

Удивительно было падение грот-стенги: её сперва скрутило (так, что салинговые рожки повернулись вдоль судна), а потом уже переломило футах в 3 или 4 от эзельгофта. От фока остались одни шкаторины<sup>1</sup> и нечто вроде бахромок, печально висевших по длине рея; всё остальное вырвало ветром.

Путь, которому мы следовали по назначению, представлял плавание небывалое для русского флага: нам надлежало пройти Малаккским проливом, обогнув остров Суматра с северной стороны, и зайти в Сингапур, этот центр торговой деятельности островов Восточной Индии. Исполнение такого назначения требовало уверенности в рангоуте, потому что особенность плавания Малаккским проливом составляют жестокие шквалы, называемые *суматрами* (the sumatras), которые набегают с такой неожиданностью и быстротой, что не дают времени убираться с парусами. Поэтому капитан решился зайти сперва в архипелаг Никобарских островов, чтоб вырубить там несколько деревьев для стенок, которые легко потерять в проливе даже при всевозможной осторожности.

Все мореплаватели, бывавшие на Никобарских островах, говорят, что группа эта изобилует хорошим мачтовым лесом; путь наш лежал весьма близко к островам, и потому при тихой, прекрасной погоде, мы направились к Никобарам.

17 апреля мы перешли через экватор; празднества, которое позабыло нас при таком переходе в Атлантическом океане, на этот раз не было.

Здесь встречались в изобилии моллюски, о которых я уже говорил, описывая плавание по Атлантическому океану. Это *Phisalis*, называемая англичанами: Portuguese man of war, французами: Galere, а португальцами: Agoa viva и Caravela. Ближе к экватору показывался ещё другой род моллюсков, называемый *Medusa pelagica*.

22-го апреля открылись берега острова *Суматры*, а на другой день *Рондó*. Чрез два дня показался один из Никобарских островов, именно *Большой Никобар*. В 2 часа пополудни мы увидели *Малый Никобар*, а к вечеру вошли в пролив *Св. Георга* (George channel), отделяющий *Большой Никобар* от *Малого*. Хотя он и защищён от господствующих здесь муссонов, однако же не представляет хорошей и безопасной якорной стоянки; глубина в нём значительная, грунт ненадёжен, течения сильные.

---

<sup>1</sup> Другое название для *шкаторин* (усиленных кромок) паруса. – прим. OCR.



Песчаные берега Большого Никобара довольно утёсисты; Малый Никобар отличается очаровательной растительностью, особенно кокосовыми пальмами, живописно группирующимися около побережья.

Остров Большой Никобар дикари почитают своею отчизною и называют его *Лаой* т. е. «твёрдая земля, материк».

Говорят, что в чаще первобытных лесов Большого Никобара живёт дикое, неприступное племя; жители побережья избегают встреч с этим народом и изобретают на его счёт самые нелепые рассказы. По их словам жители лесов называются *лешими*; они ходят совершенно нагие, спят на деревьях, ловки и проворны, как кошки и обезьяны, питаются ящерицами и крокодилами, которых ловят силою волшебства, и вооружены деревянными кольями. Иногда они прокрадываются по ночам в селения прибрежных жителей, воруют у них свиней, кур и других домашних животных. Обыкновенно «лешие» бегают от обитателей деревень; иногда, однако же, приближаются к ним для мены ратанга на нож.

К 5 часу мы вышли из пролива и пошли к северо-северо-востоку; вскоре берега скрылись от нас в тумане.

На другой день (25 апреля), около 10-ти часов утра, открылись берега острова *Нанкóури*. Успешно лавируя, мы приблизились к нему до солнечного заката и бросили якорь в полуверсте от берега. У нас не было карты этого архипелага; идти в губу на авось, значило бы рисковать; противный ветер служил также помехою, и по всем этим причинам вход в нанковрийскую бухту отложен был до следующего утра.

Вскоре стемнело; блуждавшие около берега огоньки неоспоримо свидетельствовали, что остров обитаем, но шлюпки дикарей не приближались к нам.

Приняв все предосторожности на случай неожиданного нападения островитян, мы простояли в таком положении до рассвета.

В 6 часу утра, наш старший штурманский офицер отправился на вооружённом катере в губу, для предварительного обследования входа в неё. На транспорте всё находилось в готовности, чтоб по первому приказанию сняться с якоря.

Когда катер возвратился, почтенный Х.И.\*\*\* рассказал, что во время промера к нему приближались две шлюпки с островитянами; ни у кого

из них не было оружия, кроме двух-трёх острог<sup>1</sup>. У одного дикаря, вероятно старшины острова, красовалась в руках зелёная ветка, эмблема мира и дружелюбия.

Осмотрев с любопытством наш катер, продолжал рассказчик, дикари спрашивали меня на ломаном английском языке, имя нашего судна и порт, из которого прибыли.

В полдень мы подняли якорь и лавировкой стали выбираться на нанковрийский рейд, куда прибыли около 4-х часов пополудни; здесь место наше было недалеко от кораллового рифа, тянувшегося от прибрежных жилищ островитян.

При появлении транспорта в бухте, дикари во множестве выбежали на берег; усевшись рядком на корточках, они, кажется, о чём-то советовались. Посреди их стоял величавый островитянин; в левой руке он держал лук, в правой стрелы; у остальных островитян были те же оружия.

Трудно сказать, что было предметом их совещаний; вернее всего можно предположить, что дикари воссылали мольбы к их истукану, прося его о послании им счастья в знакомстве с вновь прибывшими иностранцами, потому что во всё время нашего пребывания в Никобарском архипелаге они поведением своим как нельзя лучше подкрепляли справедливость такого заключения.

Когда мы управились с уборкой парусов, от берега отвалила шлюпка с тремя островитянами и медленно приблизилась к транспорту. Не взирая, однако, на приглашения вежливых европейцев взойти на судно, островитяне не соглашались, бормоча что-то непонятное по-английски. Наконец, после самых соблазнительных приманок, дикари решились пристать к борту; двое из них взошли на палубу; третий остался в челноке. Озираясь с беспокойством и недоверчивостью, они не отходили от трапа и простояли в таком положении около четверти часа.

Наконец один из них, мужчина молодых лет, крепкого атлетического сложения и высокого роста, решил подать старшему лейтенанту бумагу; в ней по-английски было сказано, что предьявитель сего, никобарец *Тетуй*, назначен бароном Розеном, бывшим на этих островах президентом, старшиною деревни *Малага́*.

Кроме свидетельства, Тетуй держал в руках трость красного дерева, украшенную серебряным набалдашником; на нём красовался шифр

---

<sup>1</sup> Фальконет и ружья гребцов закрыты были на катере брезентом (покрывало для сбережения рангоута и прочего от дождя), чтоб не возбудить недоверчивости в островитянах.

датского короля. Тетуй говорил по-английски так, что бывшие с ним могли его понять.

Видя действия своих старшин, остальные островитяне, до сих пор со вниманием следившие с берега за нами, бросились в лодки, и в миг палуба нашего транспорта совершенно покрылась нагими никобарцами. В лодках островитян не было ни стрелы, ни копья; этим доверием к нам они вполне выказали, что желают жить дружно и миролюбиво.

Усевшись на корточках по бортам, дикари с любопытством и изумлением поглядывали на всё, их окружавшее, и сколько по избранной ими позе, столько и по наружности, походили на обезьян. Мы хохотали, как дети, и было над чем! Такая сцена, во всей её наготе, действительно увлекательна и забавна для европейца, впервые посетившего жителей девственных лесов.

После долгих стараний и приглашений, наконец удалось капитану уговорить первых островитян спуститься к нему в каюту; он пригласил их к обеду. Употребление ложек, вилок, ножей, дикари знали, как европейцы; однако же, вместо того, чтоб брать прямо вилкою, они насаживали на неё кусок мяса сперва рукой и уже потом препровождали пищу по-европейски в рот.

До крепких напитков, никобарцы, как оказалось, страстные охотники: они то и дело чокались, называя вино пивом (beer), а ром или водку — гроггом (grogg).

Чтоб позабавиться и приобрести некоторую доверенность островитян, мы пригласили несколько в кают-компанию; дикари уже не противились и спустились охотно. Мы надарили им разных безделок, подчивали сигарами, трубками и «пивом». Удивительно, что дикие племена, почти без изъятия, так пристрастны к курению и любят упиваться, что называется «наповал». Правда, никобарцы не напивались у нас до бесчувственности по двум причинам: во-первых, им не дали бы столько вина; во-вторых, они сами не решались увлекаться, не столько, конечно, из вежливости, сколько из опасения. Но кто же развил в них эту пагубную страсть? Конечно, просвещённые европейцы! Такое начало цивилизации они поселили в среде несчастных, низших братьев наших!..

На третий день нашего прибытия на нанковрийский рейд, старшины деревни Малага поднесли капитану, от имени всего селения, связанного поросёнка, несколько кокосов и ямс (род картофеля); капитан отблагодарил их разными подарками.

Островитяне Никобарского архипелага хорошо сложены. Глаза почти у всех чёрные, физиономии неприятны, а выдавшиеся большие зубы делают некоторые лица даже отвратительными. Непомеренное употребление *бетеля*<sup>1</sup>, корня очень полезного от цинги, искажает их зубы и дёсны в высшей степени, и тем довершает некрасивость их физиономий. Корень бетеля так остёр, что придаёт зубам коричневый цвет и изменяет даже направление дёсен, разумеется, при неумеренном употреблении. Страсть к жеванию его вкореняется в никобарцах с детства и под конец становится необходимостью.

Костюм никобарцев состоит единственно из «пояса благопристойности». Оловянные и серебряные кольца украшают ноги, руки и шею; бусы составляют предмет роскоши; по большей части, они состоят из мелких раковин, нанизанных на нитку.

В мочках пробиты огромные дыры, которые затыкаются высушеною травою, деревянными цилиндрами, курительным табаком или, попросту, окурком брошенной сигары.

Оловянные и серебряные кольца носят немногие. Некоторые островитяне румянятся, не забывая ни лба, ни ушей. Подарить такому щёголю горсть сурика, — значит, обрадовать его как нельзя более.

Шлюпки островитян делаются из одного дерева; они несколько похожи на наши челноки, не имея, однако же, способности последних ложиться на воду вверх дном.

В больших переездах никобарцы употребляют паруса, сшитые из банановых листьев; вместо мачт употребляются бамбуковые жерди.

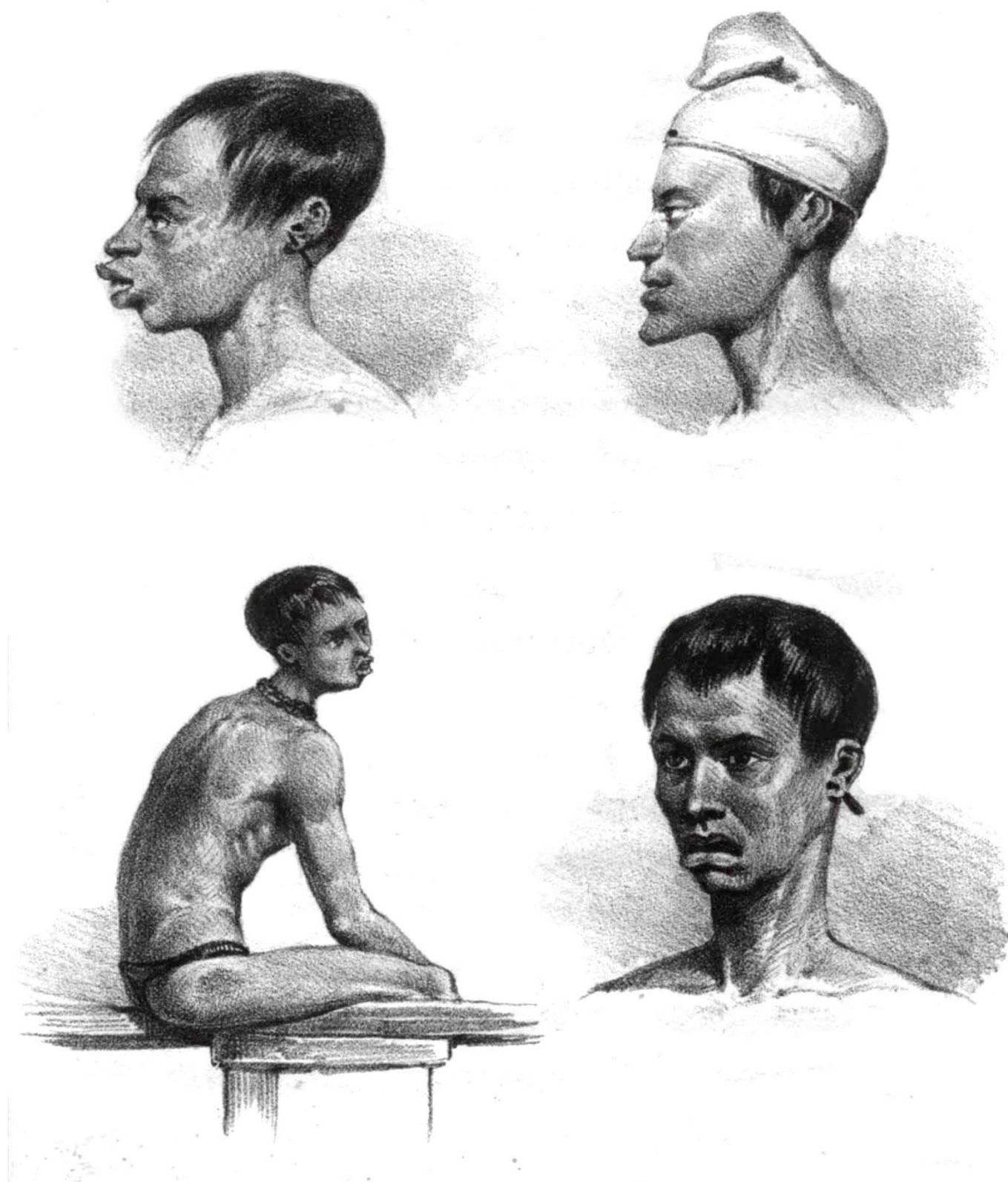
Занятая нами бухта Нанкоури получила название от острова, которому принадлежит. От ветров с запада, северо-запада и северо-востока она защищена островом того же имени, а с юга и юго-востока — островом *Каморта*. Во время западного муссона сюда заходят жестокие шквалы от юго-запада; но остров *Катчалл*, защищающий бухту по этому направлению, мешает образованию большего волнения; потому якорная стоянка в нанковрийской бухте спокойна и совершенно безопасна.

Это важное неудобство устраняется у них бамбуковыми выстрелами, прикрепленными к шесту, параллельному длине челнока; заострённый шест несколько не уменьшает ходкости судна, а между тем таким

---

<sup>1</sup> Дикари жуют бетель вместе с арековыми орехами. Арековое деревцо состоит из длинного, прямого стержня, тоненькие ветки которого наделены широкими зелёными листьями.

устройством никобарский челнок приобретает остойчивость и не может быть опрокинут или перевёрнут.



Никобарцы

Господствующие ветры: северо-восточный и юго-западный муссоны. Первый дует с октября по апрель, второй в другую половину года. При

юго-западном муссоне погода стоит пасмурная и дождливая; при норд-осте она оживляется: вместо мрачных облаков является ясное небо, и температура воздуха в тени доходит до 35° по Реомюру. По ночам никогда не бывает менее 18°. Крепкие ветры дуют весьма часто, однако же без ужасных последствий опустошительных вест-индийских ураганов. Хотя жаркое или сухое время года сопровождается частыми дождями, но оно резко отличается от собственно дождливого, продолжающегося здесь не шесть, как в других тропических странах, а девять месяцев. Эти два перехода из крайности в крайность производят злокачественность климата.

Постараюсь объяснить:

Представьте себе тропический лес, чаща которого местами непроходима; стелющиеся растения, молодые кустарники, мангровые деревья, травы, достигающие, благодаря производительности тропической природы, колоссальной высоты, всё это здесь перепутано в одну сеть. Предоставьте теперь, что такая чаща в течение девяти месяцев насыщается постоянными дождями; от действия их образуются во многих местах огромные стоки, наполняющие леса вечною сыростью и гнилым, самым зловредным воздухом, который, не имея надлежащего движения в дремучих лесах, наполняет атмосферу болотными испарениями, губельными для здоровья. В таком положении никобарские леса пребывают в течение юго-западного муссона; но при следующем, северо-восточном, они просыхают снаружи, между тем как внутри их, от непомерного зноя палящего солнца, образуются злокачественные испарения, ядовитость которых увеличивается смрадом истлевающих на корню деревьев. Эта смесь губельна не только для европейцев, но и для туземцев, которые все вообще слабого сложения и постоянно страдают кашлем. Причина, почему сухое время года (декабрь, январь, февраль) самое неблагоприятное для здоровья, заключается в том, что и оно сопровождается дождями. Везде, где климат вреден, самым невыгодным для здоровья почитается то время, когда земля умеренно насыщена дождями; следовательно, при начале и конце дождливого времени. В середине же его, когда почва земли совершенно напитана влажностью, злокачественность испарений менее опасна. Нет, можно сказать, местности, более губельной для здоровья, чем Никобары.

Пусть туземцы, народ вообще хилый, не подозревают причин тому, но странно, что датские миссионеры, поселившиеся на Нанкоури, имели

неосторожность основать колонию посреди мангрового болота, т. е. местности, опаснее которой нельзя отыскать на всём острове.

Первоначальные попытки колонизации на этих островах предприняты Датско-Азиатским обществом в 1758 году. Через десять лет, Гернгутеры возобновили попытку; австрийцы также учредили небольшое поселение на острове Каморте в 1787 году; но местные лихорадки, происходящие от сырой почвы (Jungle fever), уничтожили их поселения. Впоследствии датские миссионеры из Транкебара снова пытались водворить правильные<sup>1</sup> колонизации на островах Каморта и Нанкоури, но также безуспешно, как и предшественники их; единственными следами их пребывания на этих островах остались два колодца.

Если бы Дания, считающая Никобарский архипелаг своей собственностью, не пожалела издержек на расчистку и осушку здешних лесов, климат, несомненно, от этого улучшился бы, и колонизация Никобарской группы могла бы осуществиться в короткое время и дойти до возможного процветания; так, по крайней мере, можно думать, судя по успешным попыткам датских миссионеров разводить здесь мускат, гвоздику и перец. Дикари, разумеется, не продолжали обрабатывания этих плантаций, а деятельность тропической растительности так сильна, что скоро закрыла совершенно следы обработки, произведённой миссионерами.

В первое воскресенье, которое мы провели в Никобарской бухте, дикари явились к нам чуть свет. У иных были ананасы, у других свиньи, ямс и сахарный тростник. Сахарный тростник, ананасы и ямс дикари уступали охотно за стакан «пива»; за свинью требовали однако ж денег.

«Знаешь ли ты толк в них, черномазый?» — спрашивал весельчак-боцман, рассматривая жирную свинью никобарца. «А вот посмотрим». — прибавил он, посмеиваясь, и вытащил из бисерного кошелька старенький четвертак.

Островитянин сперва *понюхал* монету; потом ударил её о палубу, прислушиваясь к звону. В заключение, подозрительно осмотрев четвертак, он возвратил его боцману, покачивая головою и говоря по английски: «по-по»! Матросы расхохотались.

«Вишь, чучело! Нехристь, прости Господи! Знаешь же ты, *немец*, что грош, что мякина. Видно, старенек для тебя? Не доберёшься толку, а?

---

<sup>1</sup> Здесь «правильные» — в одном из старых значений этого слова, т.е. «регулярные, постоянные». — прим. OCR.

Мало лоснится? Подожди, верфлюхт, проведу!» Так толковал боцман и спустился затем в палубу. Через полчаса он опять вышел наверх; в руках его блеснул грош, немилосердно натёртый ртутью.

Островитянин, у которого он торговал свинью, заметив блестящую монету, так обрадовался, что хотел было вырвать её у боцмана.

«Врёшь, асей! — продолжал шутник — так-то не ладно; давай-ка сперва поросёнка, а потом и муней<sup>1</sup> бери. Ведь я, брат, не олух. — Продолжал боцман, любуясь отлично отполированным грошом.

Островитянин не вытерпел, вытащил из челнока поросёнка, и с радостью променял его за нартученный грош. На другой день, дикарь приехал к боцману и с грустной физиономией отдал ему почерневший грош.

«То-то же, черномазый, вперёд наука, будь умнее. Давал деньги, так видишь ты чванился, не брал; ну да уж, что с тобой! поросёнок-то больно хорош. На вот, возьми трёхрублёвый, да и беги поскорее домой. Этот, смотри, настоящий, вери гуд муней, не почернеет». Объясняя всё это дикарю, боцман был в высшей степени оригинален и уморителен.

В тот же день, после обеда один из наших лейтенантов отправился с старшинами селения Малага на остров Каморта для прииска стеньговых деревьев. Для безопасности, Тетуй остался на транспорте в залоге. Лес найден прекрасный; на другой же день мы занялись вырубкою необходимых деревьев. Пышные никобарские леса изобилуют различными родами пальм, мангровым и железным деревом и прекрасным прямо-слоёным мачтовым лесом, пу́ном (roon), очень похожим на бук. Удельная тяжесть кубического фута его равняется 66 фунтам<sup>2</sup>.

Проводя время в служебных занятиях, мы не забывали между прочим навещать селения островитян. Первое из них, которое я посетил, расположено на острове Нанкоури. Бамбуковые хижины дикарей построены на длинных стойках, и формою похожи на пчельники; единственное отверстие в них служит входом, окном и трубою. Крыша состоит из листьев, искусно и плотно сплетённых; она спасает дикарей от знойных лучей палящего солнца, не пропускает и дождя, столь продолжительного на Никобарах. Стойки, на которых построены хижины, показывают, как высоки бывают приливы здешних морей. Ко входам хижин приставлены бамбуковые лестницы; в некотором отдалении, кое-

---

<sup>1</sup> Money, по-английски деньги.

<sup>2</sup> 66 русских фунтов (409.5 г.) на 1 куб. фут равняется 954.5 кг/куб.м. (плотность свежего бука — 960 кг/куб.м). — прим. OCR.



где из земли торчат деревянные идолы, состоящие из обыкновенного пня, в верхней части которого весьма грубо выделано подобие человеческой головы.

Войдя в хижину, мы с удивлением встретили в ней бледного больного европейца. Чувство сострадания и невольного изумления выразилось на наших лицах при виде обросшего бородою соотечественника. Что мешало ему, думал я, приехать к нам в течение прошедших двух дней? Во всём селении не было *дикаря*, не посетившего транспорт.

Допустив, что судьба забросила несчастного на острова, всё-таки нельзя этим объяснить хладнокровия, с которым он удержался от свидания с земляками, своими соотечественниками? Скажите, кто не бежал бы к ним, в столь грустные минуты жизни, кто не стал бы просить, умолять нас взять его с собой и увести на родину, неизгладимое из сердца и памяти отечество?...

Незнакомец говорил хорошо по-английски.

«Я датский подданный, господа, — отвечал он болезненным голосом на вопрос, сделанный одним из нас, — моряк, по имени Галс. Я командовал купеческой шхуной, которую по несчастью разбил у этих берегов; весь экипаж однако же спасся, и я отправил его на заходившем сюда китоловном судне в Индию. Плохое состояние здоровья не дозволило мне сопутствовать счастливым товарищам, и вот почему я остался посреди дикарей, ждать у моря погоды. Теперь мне немного легче; надеюсь, вы не откажете доставить меня на какую-нибудь обитаемую землю?»

Продолжая разговор далее, он нечаянно проговорился о своём происхождении; именно, вот как: мы расспрашивали его о Никобарах. «Датское правительство — говорил таинственный незнакомец — полагало со временем сделать из этих островов то же, что у нас Ботани-Бей». Этих слов было достаточно, чтоб заключить, что несчастный Галс не датчанин, а природный англичанин; чистое английское произношение подтверждало такое мнение. Но как бы то ни было, мы воспользовались случаем разузнать подробнее об архипелаге Никобарских островов, который, по-видимому, Галс знал весьма хорошо.

Группа Никобарских островов расположена между 6° и 10° северной широты, в 73° восточной долготы от Гринвича; малайцы называют этот архипелаг Pulo Sambilong, т. е. «девять островов»; в самом же деле их двенадцать, и почти все обитаемы. Число жителей на всём архипелаге до 4.500 душ обоюбого пола. Самый северный из островов этой группы

называется *Кар-Никобар* (1); на нём 2.000 человек жителей<sup>1</sup>. От него к югу, лежит остров *Батти-Мала* (2); он каменист, и около 5 человек ссыльных составляют всё его население. Потом следует остров *Чаура* (3), с 50 жителями, занимающимися гончарным ремеслом; далее остров *Тилланчэнг* (4), совершенно необитаемый; на нём находят множество птичьих гнёзд, составляющих роскошь китайского стола. Остров *Бомпока* или *Бонга-Бока* (5), плодороднейший из островов этого архипелага, имеет около 200 человек жителей; на островах *Нанкоури* (6), *Тринкат* (7) и *Каморта* (8), жителей 250 душ; *Катчалл* (9) и *Мэрое* (10) необитаемы, а *Большой Никобар* (11) имеет 50 жителей. На *Малом Никобаре* (12) обитателей более 2.000 человек. Лучшие гавани на Каморте, Тринкате и Нанкоури. Я не буду излагать гипотезы, которые так легко рождаются при обсуждении вопроса о геологическом образовании Никобарских островов, а расскажу просто что видел.

Архипелаг этот разделяется на две группы; одну составляют южные Никобары, другую северные.

Они разделены друг от друга проливом, гораздо обширнее тех, которыми разделены острова в группах. Южная особенно богата кокосовыми пальмами; почва здесь рыхлая известковая, перемешанная с крупным песчаником.

Плодоносные пальмы этой части архипелага принадлежат всему народонаселению; на северных же островах относительно кокосовых пальм существует какое-то право собственности.

Из цветоносных стеблей этих полезных деревьев никобарцы извлекают сок, довольно сладкий и приготавливают из него весьма приятный напиток.

Коралловый известняк, редко с примесью посторонних веществ, составляет образования здешних скал. Кроме Батти-Малла и Чаури, все возвышенности островов Никобарской группы состоят из глины, без примеси песчаника.

На южных же островах замечается примесь слюдистого сланца. На такой почве растут овощи, вроде красной капусты.

Около бухт и вообще мест, до которых не доходит морской бурун, образующий по всему побережью песчаный вал<sup>2</sup>, местами довольно зна-

---

<sup>1</sup> См. специальную карту группы Никобарских островов.

<sup>2</sup> Т. е. дюны.

чительный, встречаются огромные ризофоровые леса, состоящие из деревьев, растущих собственно в воде; корни их обсыхают только в малую воду. На северных Никобарах, по холмам, растёт особый вид пальмовых деревьев, образующий, по выражению Гумбольдта, «лес над лесом».

На обеих группах Никобаров встречаются также обширные луга, покрытые самою пышною зеленью; на них отдельными рощами красуются пальмы и другие деревья. Эти равнины представляют прелюбопытный вопрос для учёного геолога.

Вообще острова Никобарского архипелага богаты разными родами фиговых, лимонных, апельсиновых деревьев и роскошно растущими банановыми деревьями (*Musa*); широкие листья их от собственной тяжести идут к земле и пускают в ней корни; от этого образуются новые отпрыски, потом деревья и наконец обширные *леса*. Такова деятельность здешней растительности. Сахарный тростник и табак растут в изобилии. На каждом шагу попадаются различные породы папоротника и стелющихся растений, особенно из семейства асклепиадов и бигноний; далее лобиаты, мимозы, легуминозы; жасмин, кассия, маны, меластама и несколько других родов колоссальных трав. В местах болотистых встречается бесствольная пальма.

Островитяне Никобарского архипелага, по-видимому, очень кротки и боязливы; они выказывают некоторую степень гостеприимства, хотя весьма часто сами терпят недостаток в жизненных средствах, даже голод. Никобарцы поклоняются всем растениям и животным. В одной хижине я видел большую бамбуковую раму, обтянутую листьями, истыканными по линиям, обрисовывавшим «подобие» храма; подле него было изображение человека, а под ним листья больших деревьев, растения, различные рыбы и свиньи.

В лесах около кладбищ и селений разбросаны идолы.

Никобарцы признают каких-то *и́ви*, которых почитают духами зла и всего недоброго; обиталища их — глубина дремучих лесов.

Никобарцы убеждены, что им обязаны они богатством своей растительности. Так называемые *малу́и*, проповедники дикарей, величаются громкими именами «докторов»; сколько я мог заметить, эти в своём роде учёные особенно преданы невоздерженности.

Сан малу́ев переходит из рода в род, от отца к сыну; впрочем, иные получают его рациональным изучением дела; ученик во время учения безотлучно находится при своём наставнике; первоначальное посвяще-

ние в тайны учения состоит в диете, в утончённой пище. Наставник поступает к учению следующим образом: на листе нибонговой пальмы он вычерчивает разные фигуры; потом передаёт лист ученику, приказывая ему хорошенько взглядеться в начерченные иероглифы, и до тех пор смотреть на пол в скважины истыканных иглою обводов, пока в глазах ученика не зарябит и ему не начнут мерещиться начертанные на листе изображения. Малуи носят на шее особенного вида ожерелье. Если в деле врачевания малуи промахнётся несколько раз, его убивают.

Многожёнство неизвестно на Никобарских островах; но развод допускается. Когда молодой никобарец изберёт себе подругу жизни и почувствует желание соединиться с нею узами брака, он поступает на некоторое время в услужение в дом её родителей; потом общими силами устраивается домашняя утварь для новобрачных, строится хижина, и дело кончено.

Если плодом брака будут близнецы, то одного из них убивают.

В обществе Никобарцев существует равенство полов; женщины пользуются правами мужчин. Впрочем, дикари, которые бойчее в обращении с европейцами, пользуются между островитянами особенным уважением, и величаются туземцами «капитанами» (capitano).

Воровство, если виновный не хочет дать должного или требуемого удовлетворения, наказывается вызовом, и оба, уличённый и обиженный, подвизаются на палках; побоище решает кто прав, кто виноват.

При таком судопроизводстве физическое начало преобладает над нравственным. Чаще, однако же, обворованный берёт хитростью то, чего не может взять силою, т. е. также ворует что-нибудь у противника своего — и суд и расправа кончены.

Честнейшим народом из обитателей этого архипелага почитают жителей Кар-Никобара; обитатели Каморты слывут у туземцев естественными разбойниками.

Никобарцы занимаются разведением овощей и фруктов; они держат также дворовых птиц, собирают кокосы, птичьи гнёзда и продают свои продукты китоловным судам, заходящим для отдыха в безопасные гавани здешних берегов.

Пробираясь сквозь чащу тропического леса к другому селению, мы добрались до кладбища. Это печальное место наполнено бамбуковыми жердями, которые становятся у изголовья усопшего; на каждом шесте развешаны тряпицы, которыми покойник себя украшал при жизни. Почётнейшее место между ними занимает «пояс благопристойности».

Дойдя, наконец, до другого селения, мы встретили здесь тоже, что было и в первом. Те же хижины, кокосы, свиньи, кабаны, куры, и те же островитяне.

Нам показалось только странно, что до сих пор мы не видали ни женщин, ни детей. Галс объяснил это следующим рассказом.

«Месяца за два до вашего прихода, — говорил он, обращаясь к нам, — заходило сюда английское китоловное судно. Матросы, съехав однажды на берег, самовластно настреляли в селениях островитян свиней, кур, и в заключение, вооружённою рукою напали на дочерей и жён дикарей. Возбудив таким дерзким поступком справедливое негодование островитян, матросы были причиною кровавых сцен, стоивших жизни многим англичанам: дикари, в отмщение за нанесённое оскорбление, врасплох напали на судно и перерезали до половины экипажа.



Вид Никобарского селения

Несколько человек англичан успели избежать справедливого мщения островитян на шлюпке, в которую они бросились и ушли в море, не имея ни пищи, ни воды. Однако ж, спустя несколько дней, они встретили купеческое судно, шедшее из Калькутты в Пуло-Пенанг (на острове

принца Валлийского, в Малаккском проливе); на нём они прибыли к месту и рассказали про кровавое происшествие с прибавлениями, свалив, разумеется, всю вину на никобарцев.

Пуло-пенангский губернатор, поверив несправедливому доносу (в котором объясняли причину нападения дикарей желанием их разграбить судно), тотчас же послал на Никобары военный бриг, который прибыл на нанковрийский рейд, подтянулся к селениям и открыл по ним страшный огонь. Вот причина, — продолжал наш повествователь — почему никобарцы, завидев ваш транспорт на здешнем горизонте, в ту же минуту увезли жён, дочерей и детей на один из соседних островов: они не желают повторения столь ужасного происшествия, до которого вы, господа, разумеется, не довели бы несчастных никобарцев».

Говорят, что женщины Никобарского архипелага недурны и хорошо сложены; но если они так же пристрастны к употреблению бетеля, как мужчины, то я первый должен заметить, что отзыв этот едва ли справедлив.

Полагают, что никобарцы принадлежат к индийскому племени, переселившемуся сюда добровольно или заброшенному бурей; впрочем, у них нет одного общего типа, и в смеси отличительных черт их проявляется в особенности малайское происхождение.

Язык никобарцев состоит из гортанных звуков, более или менее неприятных для слуха. Островитяне говорят по-английски и португальски, но, разумеется, очень плохо.

Частые сношения с малайцами, заходящими сюда из Пуло-Пенанга за птичьими гнёздами, несколько познакомили их с потребностями людей цивилизованных стран, и в особенности страсть к курению распространена между островитянами в сильной степени: у редкого не найдёшь китайской трубочки и курительного табаку.

К вечеру, утомившись прогулкой, мы воротились на транспорт с коробом новостей, кокосов, ананасов, раковин, ракушек и самых разнообразных животнорастений и плодов, в числе которых находился также плод хлебного дерева.

В подобных прогулках проводили мы время, свободное от служебных занятий.

Между тем вырубка деревьев шла довольно успешно, хотя иногда представляла большие трудности. Леса густые; годные деревья редко встречались у берега, а чтобы вырубить дерево в глубине леса, надобно

было прорубать просеки, для которых уничтожались *десятки* колосальных деревьев.

Иногда я отправлялся на целый день на охоту и проводил время очень весело. Скромный обед в ягдташе, фляга вина и двое островитян были моими постоянными спутниками в подобных прогулках. И как приятно, в самом деле, после изрядного моциона, приняться за истребление яств, уложенных в ягдташе заботливым вестовым! Расположившись на лугу, молча любовался я роскошною природою, дикорастущими ананасами и бананами.

Случится убить птицу, добрый островитянин опрометью бросается за нею в чащу; от шума, который он наделает, пробираясь по кустарникам, ящерицы бросаются по всем направлениям, испуганный попугай перемещает место своего отдохновения, шумит, кричит и хлопочет...

Я собирал усердно, когда бродил по берегу, раковины и кораллы. Последние удивительно разнообразны; превосходные коралловые рифы богаты ископаемыми смолами, серпентинным камнем и глиной с большою примесью магнезии. Иногда, в прозрачной, голубой воде мелькали премиленькие рыбки разных цветов от красного до чисто голубого; они встречаются преимущественно в ноздреватых кораллах, щедро разбросанных по прибрежным рифам.

Пробовал я также лазить на кокосовые пальмы; только нет, слуга покорный! На одну взберёшься, бывало, с горем пополам, о другой позабудешь! Не удивишься ловкости дикарей в этом отношении: он не взлезет на дерево, просто взлетит; в минуту нарежет два-три десятка кокосов, и с тем же проворством спустится вниз. Плавать островитяне большие мастера; они решительно одинаково ловки и проворны в воде и на суше.

5 мая я ездил на остров Катчалл, на который капитан отправился с целью подробнее осмотреть группу Никобарского архипелага. После вкусного завтрака, особенно замечательного в гастрономическом отношении по яичнице, приготовленной из страусовых яиц<sup>1</sup>, мы отправились в путь, в 10 часу утра, по направлению пролива, отделяющего Нанкоури от острова Каморта.

---

<sup>1</sup> Говоря откровенно, я не нашёл в ней ничего особенного, за исключением разве того, что огромную яичницу, для пятерых, повар мог приготовить из двух яиц, что, конечно, выгодно.

Прекрасный день и красота островов Никобарской группы, которую, не преувеличивая, можно сравнить с «корзинкой красивых ароматических цветов», располагали нас к душевному веселью.

Приблизившись к Катчаллу, мы стали держать к первым кокосовым пальмам, которые завидели по побережью, в полной уверенности, что пристанем или к селению островитян, или ручью. Последнее сбылось. Катер поставили на дрек; людям приказали разложить огонь, а повару готовить обед, для которого я вызвался настрелять дичи. Капитан с некоторыми офицерами отправился по побережью.

Растительность Катчалла гораздо роскошнее и многим свободнее камортской и нанкоурийской. Почва не так сыра, растения не так сжаты. Говорят, что здесь водится много обезьян; однако ж я не видал этих забавных животных. Москитов, светляков (Lampiridi), скорпионов, ящериц, небольших змей, черепах много; есть, говорят, векши и буйволы; хищных зверей нет. Из птиц водятся ласточки, куропатки, голуби, попугаи; последних очень много. Мне удалось одному раздробить крыло. Бедняжка упал с дерева и видимо страдал. Мне стало жаль жертвы моей прихоти, и раздавшийся вторичный выстрел вспушил перья миленькой головки попугая.

«Браво!» — улыбаясь, произнёс капитан, увидав в руках моих попугая, когда я подходил к месту кочевья с трофеями, добытыми на охоте.

«Однако же парю голубей я был бы более доволен» — сказал он; но и попугай, приготовленный на вертеле был не совсем дурён: к нему недоставало только соуса из язычков канареек...

Мы сели обедать. Весёлые песни гребцов дружно раздавались под пальмами дикого Катчалла. После обеда, часу в 7 вечера, мы собрались в обратный путь. Отъехав от острова на расстояние  $\frac{1}{2}$  мили, мы увидели огоньки, приближавшиеся к разложенному нами костру. Вероятно, это были островитяне Катчалла, которые слышали наш приезд на их остров.

В 10 часу прибыли мы на транспорт; тут только я спохватился об охотничьем сюртуке, мною забытом на Катчалле. Очень может быть, что и теперь клочки его, бережливо уложенные в банановый лист, хранятся в печальной хижине никобарца, или заменяют ему износившийся «пояс».

Дожди, которыми сопровождалась двухнедельная наша стоянка в Никобарах, не позволили сделать достаточных наблюдений для точного определения географического положения Нанкоурийского рейда.



По словам Горсбурга (East India Directory), рейд находится в северной широте  $8^{\circ}0'$ ,  $93^{\circ}41'$  восточной долготы от Гринвича. По нашим наблюдениям, сделанным на небольшом мыске, выдавшемся почти до середины рейда, долгота вышла около  $26'$  менее помянутой; впрочем, на точность этого вывода нельзя положиться по причине, о которой я только что говорил.

Нарубив деревьев и приготовив запасный рангоут, мы вооружили транспорт, как следует, и утром, в субботу, 10 мая, снялись с якоря, дружески простившись с гостеприимными, добрыми никобарцами. Ветер стоял ровный брамсельный; транспорт быстро удалялся от берегов живописного архипелага, направляя путь к северной оконечности Суматры: мы шли, как я говорил, в Малаккский пролив.

Несчастный Галс, несмотря на предложение капитана отвезти его в Сингапур, откуда он легко мог отправиться на родину, не приехал к нам в день отправления и, кажется, скрывался в тот день в лесу.

Нельзя было не пожалеть о человеке, видимо страшившемся своего отечества! Грустно дойти до такого убийственного положения!..

В тот же день, в 6 часу вечера, мы находились от Большого Никобара в 32 итальянских милях и шли на  $OSO\frac{1}{4}O^1$ , к острову Пуло-Перо, лежащему в северной широте  $5^{\circ}42'$  и восточной долготы  $99^{\circ}1'$  от Гринвича. Ветер был свежий брамсельный, иногда порывистый, погода пасмурная, но, при всём том, до  $23^{\circ}$  тепла; а ходу от  $2\frac{1}{2}$  до 7 узлов. Таким образом мы плыли до полудня 13 числа, когда увидели берега острова *Пуло-Перо*, находившегося от нас в то время на  $O\frac{1}{2}N^2$ , в расстоянии 50 миль. После обеда сделалось маловетрие из юго-западной четверти; транспорт едва подвигался вперёд, и мы только к вечеру миновали группу островов *Бутон*. В таком медленном плавании было, признаться, не много привлекательного: жар, штиль, подчас порывчик, — вот и всё его удовольствия, приправленные только частым бросанием лота; глубина была большею частью ровная, около 65 сажен, грунт жидкий, иловатый. С рассветом следующего дня, открылись острова *Лангкави*, а в 10 часу налетел первый жестокий шквал северо-запада с дождём и громом. Плавание в этих морях сопряжено с большим беспокойством: по ветру следовало бы нести большие паруса, но частые и жестокие порывы заставляют брать рифы, под опасением в противном случае потерять рангоут:

---

<sup>1</sup> Т. е. восток-юго-восток,  $\frac{1}{4}$  румба к востоку. (1 румб =  $11,25^{\circ}$ ) — прим. OCR.

<sup>2</sup> Т. е. восток,  $\frac{1}{2}$  румба к северу. — прим. OCR.

ни бдительность, ни осторожность не помогут. Проплыв ещё около суток при переменных ветрах, большей частью противных, мы наконец подошли довольно близко к острову *Принца Валлийского*<sup>1</sup>, лежащему при входе в Малаккский пролив и отделённому от полуострова Малакки небольшим проливом, шириною не более 2-х миль. Здесь капитан располагал простоять несколько дней, чтоб запастись провизией и, главное, пресной водой, потому что взятая нами в Никобарских островах имела горьковато-болотистый вкус. В 8-м часу мы потребовали лоцмана, а через час стали на якорь на джордж-таунском рейде, в расстоянии одной мили от берега.

Наш приход на рейд благодатного острова Пуло-Пенанг, получившего название «острова Бетеля» от множества растущего на нём этого корня — был в полном смысле очарователен: луна таинственно освещала Пенанг, звёзды изредка покрывались лёгкими облаками, а веяние ароматического *берегового* воздуха было более чем отрадно. У водореза слышались лёгкие всплески воды, говорившие о небольшом ходе транспорта; на палубе было тихо. Якорь, отданный на 13-ти саженой глубине, с силою ринулся в царство гастрономических черепах и страшных прожор и, может быть, раздавил не одну дорогую жемчужину!.. Затем люди рассыпались по реям, крепить паруса. Наконец, всё улеглось, и на палубе остались одни вахтенные. С полуночи ветер было загудел опять от норд-оста, набегая частыми и сильными порывами, но к 5-ти часам утра стих и погода простояла во весь день хорошая и довольно тихая.

С рассветом Пуло-Пенанг представил нам один из тех очаровательных видов, которыми так роскошно наделён южный архипелаг. Возвышенность острова, достигающая местами 2.500 футов, была убрана богатой растительностью, между которой, к северу, красовался сигнальный павильон; около него разбросаны небольшие домики, убранные плюшем; в окрестностях густые леса; всюду величественный бамбук. В этой гористой части острова воздух чрезвычайно прозрачен и имеет благотворное влияние на здоровье. Больные из Бенгалии, с Молуккских островов и из английских контор приезжают сюда лечиться, и благораспорядительный климат Пенанга при температуре, редко изменяющейся в течение круглого года, оказывает большое пособие страждущим. Здесь нет ни львов, ни тигров, ни леопардов. Пышная растительность достигает самых огромных размеров, и вообще должно заметить, что остров

---

<sup>1</sup> Старое название острова Пуло-Пенанг, на котором расположен город Джорджтаун. — прим. OCR.

чрезвычайно богат всякого рода естественными произведениями, из числа которых главнейшее есть перец; его вывозят отсюда ежегодно более чем до ста тысяч центнеров<sup>1</sup>. Кроме того бетель, рис, кофе, сахар и мускатный орех вывозятся отсюда также в большом количестве. Здесь водится прекрасная рыба, есть устрицы и черепахи; гнёзд ласточек также достаточно. Вообще остров Пуло-Пенанг, благоприятствуемый природою, чрезвычайно как плодороден.

Единственный город на Пуло-Пенанге есть Джордж-Таун или *Танжонг-Панáка*, как его называют малайцы; он построен на северо-восточной стороне острова и содержится в большой чистоте. Для защиты города устроен форт Корнвалис; расположение его, на мысе того же имени, довольно неудачно и он не может быть признан надёжным средством обороны. Рейд обширен; он образуется большим проливом и составляет значительную губу, заключающую в себе множество хороших гаваней. Число жителей полагают на всём острове до 50 тысяч; главную часть населения составляют малайцы, бенгальцы, китайцы, сиамцы и аравитяне; кроме того здесь живут несколько европейцев: англичан, португальцев и голландцев. При этом нельзя не упомянуть, что в Джордж-Тауне издаётся политическая и литературная газета; есть несколько библиотек и учреждено множество школ.

Основание, или первоначальное заселение острова произошло следующим образом. Один английский морской офицер, капитан Лейт, оказал случайно некоторые услуги владельцу Кведахскому, который, в изъявление своей благодарности, подарил Лейту незаселённый в то время Пенанг; это было в 1785 году. Капитан Лейт предложил пожалованную землю своему отечеству, которое, разумеется, не замедлило учредить на ней колонию и губернатором её назначило самого Лейта. Это обстоятельство встревожило было опрометчивого владельца Кведахского, но 60 тысяч пиастров ежегодной платы успокоили его. Губернатор новой колонии принял её в заведывание, от имени Великобритании, 11 августа 1786 г., в день рождения принца Валлийского, по имени которого остров и получил своё название. Таким случайным образом эта юная колония получила своё бытие, и находится в настоящее время в самом цветущем состоянии.

К нам приезжали на транспорт индийские муллы, с которыми некоторые из офицеров познакомились на берегу в мечетях. Один из них,

---

<sup>1</sup> Центнер равняется почти 113 русским фунтам.

Псейх-Абдул-Кабер-Леба, приехал в день нашего отхода со значительной свитой, и привёз в знак памяти несколько белого и жёлтого жасмину, который раздал нам собственноручно; он потчивал нас также дивными ананасами, манго, бананами и мангостанами. Мы благодарили его и положили на блюдо по пиастру в пользу сирот и вдов, принадлежащих к его приходу.

«Аллах, Аллах!» — говорил седовласый мулла с удивлением, обращая свои взоры к небу, когда наш старший лейтенант ему объяснял, что мы идём из своего отечества, где вода принимает иногда отверделость гранитных скал, на другой конец нашего царства; что идём уже семь месяцев и вряд ли достигнем нашей цели в 4 месяца. Он не мог этого никак понять и, удивляясь, беспрестанно восклицал только «Аллах, Аллах!»

Беседуя с муллами, мы наслаждались вполне индийским кейфом: курили *гүки*, вроде турецкого кальяна, и пили шербет. Наш многоуважаемый доктор, душа нашей кают-компании, подарил старшему мулле портрет нашего благополучно царствующего Монарха Императора Николая I; нужно было видеть восторг, с которым он принял это драгоценное для каждого русского сердца изображение.

18-го мая, в 11 часу утра, мы оставили благодатный Пуло-Пенанг, который можно было бы назвать земным раем, если б только рай существовал на земле. В Джордж-Тауне мы взяли лоцмана и пошли Малаккским проливом к югу. От Пуло-Пенанга считают до Сингапура всего 450 миль; это расстояние весьма не трудно пройти в двое суток, разумеется, при хорошем попутном ветре: но нам, предназначенным судьбою пронести *впервые* русский победоносный флаг Малаккским проливом, седовласый эол определил грустное плавание... Мы совершили его в четырнадцать суток!..

Тихие бомбрамсельные ветерки, к тому же противные, при сильном течении от юга, измучили нас до невероятности. Что час, то поворот, а толку мало! Становясь зачастую на якорь, чтоб удержать своё место, мы в особенности заметили одну из стоянок. Это было 29 мая; мы стояли на дагликсе, за сильным противным течением, несколько южнее параллели крепости и города Малакки. Часов в 9 вечера сделался ровенький ветерок от юго-запада; мы стали поднимать якорь. Но вымбовки ломались, люди мучились, трекали, наваливались с большими усилиями, а якорь, по-видимому, вовсе не желал оставить своего покойного ложа в иловатом грунте, в котором он увяз до того, что мы едва справились с

ним к 4 часам утра; значит, эта съёмка стоила нам около семи часов трудной и утомительной работы!..

Самым удобным и безопаснейшим для плавания Малаккским проливом считают то время года, когда в нём господствует северо-восточный муссон. Тогда гроз, порывов и проливных дождей, то есть всего, что неизбежно во время юго-западного муссона, почти не бывает. Поэтому, в плавании Малаккским проливом в последнее время года необходимо держаться по возможности ближе к малаккскому берегу, чтоб пользоваться лёгкими береговыми ветрами, дующими здесь по ночам от востока-юго-востока и иногда от востока. Впрочем, юго-западные муссоны редко когда доходят далеко в пролив, встречая препятствие в высоких берегах острова Суматры<sup>1</sup>. Эти берега, заслоняя пролив от силы юго-западного муссона, производят в проливе постоянные штили, или лёгкие ветерки от юго-юго-востока и востока-юго-востока, которыми, в особенности в южной части пролива, трудно что-нибудь вылавировать; потому что скорость течения доходит в этих местах иногда до семи миль в час. Шквалы, известные под именем суматров (the Sumatras), бывают необыкновенно жестоки и продолжительны. Чтоб испытать силу их, стоит только придержаться поближе к суматрскому берегу во время юго-западного муссона.

Здесь замечательны также северо-западные порывы; впрочем, они несравненно слабее первых. Им предшествует чёрное облако, поднимающееся весьма быстро от горизонта к зениту. Течения очень неправильны в проливе; только в некоторых частях его замечаются правильные отливы и приливы: это у малаккского берега и от Арроа до Каримунских островов. Отлив, имеющий направление к северо-западу, гораздо сильнее и продолжительнее прилива. Плавание около так называемых *Песков* (the Sands), между Парселар-гиллем, банкою в две с половиной сажени и множеством островов около западной оконечности

---

<sup>1</sup> В древние времена, остров Суматра назывался: *Рáмни*, *Лáмери* или *Сабóрма*. Он прорезан цепью гор, параллельной направлению берега. Из числа горных вершин, некоторые есть огнедышащие; от уровня моря, они возвышаются до 12.000 футов.

Климат суматрский вообще известен как нездоровый; в сущности же это должно отнести только к западным берегам острова, которые не без причин названы *берегом язвы*: злокачественные болотистые испарения губительны не только европейцам, но и туземцам. Напротив того, восточное побережье острова, от Ачеха по всему протяжению к юго-востоку, пользуется климатом прекрасным, и потому на нём встречаешь много здоровых мест.

Сингапура, очень опасно, и в этом месте нужно быть весьма внимательным и осторожным. Впрочем, и здесь, приняв необходимые предосторожности, можно плавать совершенно безопасно, даже и ночью.

Немного времени назад, плавание Малаккским проливом считалось особенно опасным по разбоям здешних малайцев; правда, их проучивали иногда добрым порядком, но меры эти были слишком недействительны для совершенного истребления варваров. Лет за сорок тому, они были однако жестоко наказаны одним английским фрегатом, заштилывавшим близ сингапурского пролива, в виду Каримунских островов, этого гнезда морских разбойников. Дело в том, что малайцы приняли боевой фрегат за обыкновенное купеческое судно и выехали на него, в числе более ста вооружённых лодок, с желанием разграбить. С фрегата, разумеется, заметили это движение, и капитан его решился наказать дерзких, как следует. Он приказал задраить порты; оставил на палубе не более 20 человек людей, как обыкновенно на купеческих судах; реи поставил козлами, потравил марса-фалы; не осадил шкотов и придал фрегату вообще вид купеческого судна. Малайцы, обманутые наружностью, приблизились к фрегату на пистолетный выстрел; иные из них хотели даже нагло пристать к борту, — но тут маскарад кончился. Батареи были мгновенно открыты, и страшная сила фрегата обнаружилась неожиданным залпом. Изумлённые рёвом словоохотливых пушек, малайцы думали было обратиться в бегство; но постоянный батарейный огонь с фрегата потопил их почти всех без исключения. Только несколько полуизбитых лодок успели достигнуть кое-как берегов Суматры, где они, вероятно, не скоро очнулись от этой неожиданной грозы. С тех пор разбои значительно поуменились, потому что разбойничья флотилия была почти вся истреблена этим громовым ударом. Впрочем, надобно сказать, что и теперь ещё купеческие суда становятся иногда жертвами этих извергов, хотя в настоящее время здесь учреждён постоянный надзор за ними, с целью совершенно истребить каримунских и суматрских разбойников. Но, разумеется, подобные злоупотребления выводятся временем. В бытность нашу в Джордж-Тауне там происходило следственное дело по одному кровавому разбою, о котором я намерен сообщить моим читателям несколько подробностей.

В начале 1841 года Ост-Индская Компания отправляла в Сингапур бриг с преступниками, которые были все тщательно скованы. Бриг был уже в виду Ачеха, лежащей на северном берегу Суматры, когда преступ-

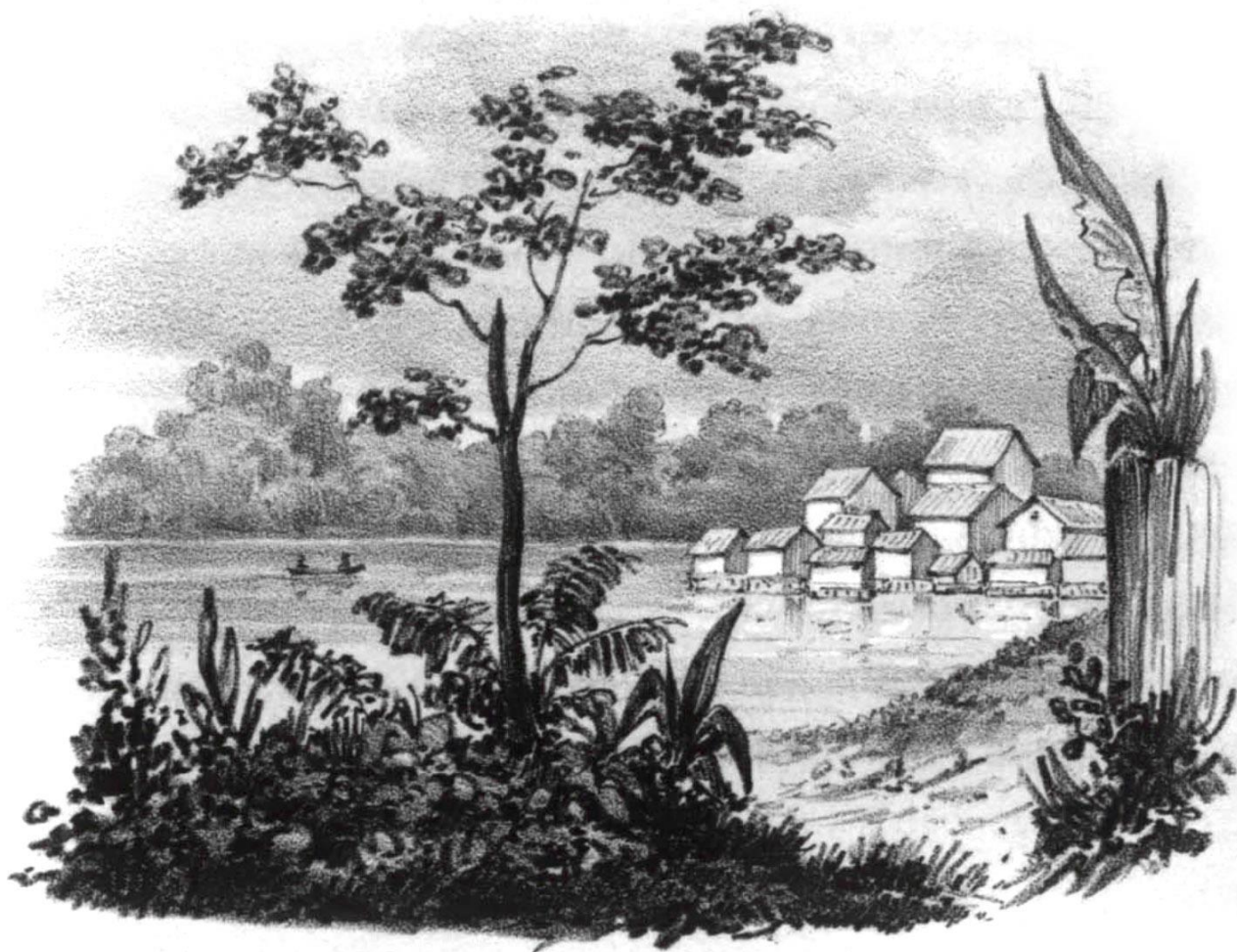
ники успели вдруг освободиться из цепей — и перерезать всех англичан, кроме одного повара. Совершив это ужасное убийство, они прибыли через несколько дней в Ачеху. Съезжая на берег, для продажи провианта и других вещей с брига, они уводили все шлюпки, чтоб повар, которого оставляли постоянно на судне, не попал каким-нибудь случаем к королю и не рассказал бы про их преступления. Однако, все эти предосторожности были напрасны: повару удалось в довольно тёмную ночь перебраться на берег на ведре; он явился к королю Ачеха и рассказал всё случившееся на брига. Король, находясь по какому-то трактату в дружеских отношениях с Ост-Индийской Компанией, предал всех убийц в руки англичан, известив правительство в Пуло-Пенанге, что он задержал разбойников. В то время, когда мы были в Джордж-Тауне, участь негодяев не была ещё решена; но, разумеется, их ожидала виселица!..



Малаец

Наконец, к вечеру 1-го июня, мы увидели пролив *Правителя*, и при 7 узлах ходу, небывалом у нас уже с давних пор, быстро приближались к

узкому проходу между островами *Рáббит* и *Кóней*. При этом, наш лоцман выказал себя молодцом: не взирая на тёмную ночь, он смело лавировал среди опасных мест, которыми окружён остров Сингапур и, обогнув их благополучно, привёл нас на сингапурский рейд к полдню следующего дня.



Малайский квартал

Русский флаг, незнакомый ещё до сих пор на рейде этого города, привлёк к нашему борту множество лодок, и что за необыкновенная смесь племён и пород явилась на палубе нашего «Або»!.. Здесь, смотришь, горделивый и величавый мавр с лотком косметических средств: мыла, ма-кассарского масла и мускуса, корольков, изумруды и мелкого жемчуга; там бенгалец с разнообразными плодами; несколько поодаль китаец, в длинном жилете по пояс и засаленной шапке, продаёт куртки, панталоны и башмаки; тут малаец, в конусообразной шапке и с мошеннической физиономией, навязчиво предлагает циновки, малайские копья и крисы (кинжалы). Весь этот хаос необыкновенного смешения был увле-



кателен и в высшей степени живописен!.. Крик попугаев, пронзительный визг обезьян, хохот наших людей — всё это шумно раздавалось в воздухе тихого, прекрасного, палящего и почти! — экваториального дня.

На рейде, впереди нас, стояло множество купеческих судов; подобного разнообразия флагов мне не случалось нигде видеть. Тут были суда Соединённых Штатов, Генуи, Голландии, Триеста, Франции и Швеции; были китайские и бугиские<sup>1</sup> джонки, малайския проа и кохинхинские<sup>2</sup> суда. Все они были более или менее хорошей постройки и опрятного вооружения; разумеется, я не говорю о китайских джонках; это перл дикого вооружения, конструкции и неопрятности!.. Соседство подобного судна даже неприятно отчасти.

Смотря на торговую деятельность юного Сингапура, едва только возникшего в XIX столетии, невольно удивляешься предприимчивости и опытности англичан. Сингапур, основанный ими после мирного договора, по которому все владения голландцев в малайском архипелаге были им возвращены, составлял средство осуществить давнишнюю цель британцев, и в особенности, английского губернатора в Батавии сэра Стамфорда Раффльса — упрочить для своего отечества передовое владение в Китайском море. По тщательном осмотре удобнейших мест, он обратил особенное внимание на остров Сингапур; 6 февраля 1819 года этот остров был принят во владение полковником Фэрнгором и положено основание английской конторы.

Нельзя надивиться, как в это короткое время могла развиться такая обширная меновая и транзитная торговля; разумеется, здесь нет ещё никакой мануфактурной промышленности; да этого не возможно бы и требовать от только-что возникшей колонии: оно придёт со временем. Но насчитывают ежегодно до ста экспедиций сюда прямо из английских портов; кроме того множество судов различных видов и флагов, о которых я уже упоминал, деятельно участвуют в промышленности народов всего южного архипелага, и потому очень естественно, что Сингапур получил наименование «центра деятельности и торговли» островов Восточной Индии. Отсюда вывозят, преимущественно, китайку, шелка, китайскую бумагу, жемчужные раковины, камфору, драконову кровь, пе-

---

<sup>1</sup> Бугисы (бугийцы, буги) — этническая группа в пров. Южная Сулавеси, Индонезия. — прим. OCR.

<sup>2</sup> Кохинхина — французское колония на юге п-ова Индокитай в XIX—XX веках. — прим. OCR.

рец, сиа́мский сахар, япо́нскую медь, кофе, слоно́вую кость, ре́вень, гвозди́ку, мускато́ные оре́хи, черепа́ху, муску́с и мно́гое тому́ подобно́е. Утвержда́ют, что ежегодный оборо́т сингапу́рской коло́нии простира́ется в настоя́щее вре́мя, на наши де́ньги, до 45 миллио́нов рубле́й серебро́м. Чего́ же надобно́ будет ожида́ть впоследст́вии?..

В некото́рых частя́х Сингапу́ра особе́нно процвета́ют перцо́вые планта́ции.

Расте́ние, произво́дящее пере́ц, есть род стелю́щейся лианы́ с древе́сным ство́лом. Листья́ его́ тёмно-зе́лёного́ цвета́, чуде́сно едки́, жгучи́ на вку́с. Цвет, из кото́рого образу́ется пло́д, в ро́де грозде́й сморо́дины, быва́ет обыкнове́нно бе́лый. Зёрна́ созревшего́ пло́да получа́ют пурпуро́вый цвет, а высу́шенные на сол́нце превра́щаются в чёрный. Из разли́чных ро́дов пряно́стей, вы́сылаемых в Евро́пу из тропиче́ских стра́н, вряд ли возмо́жно указа́ть на проду́кт, более́ употреби́тельный у нас, чем пере́ц. В состоя́нии испоро́шенном и в виде́ припра́вы, он обильно́ потре́бляется́ нами́ в пи́ще. Ежегодна́я жатва́ перца́, названно́го ботани́ками *peper nigrum*, простира́ется до 50 миллио́нов литро́в, из кото́рых тре́ть вывози́тся собственно́ в Евро́пу. Плодо́родие перца́ начина́ется с тре́тьего́ го́да и продо́лжается́ де́вять и де́сять ле́т. Жатва́ быва́ет два́ раза́ в го́д: в ма́рте и се́нтябре. В торго́вле у нас отлича́ют *бе́лый* пере́ц от *чёрного́*; но пер́вый не есть́ особе́нный род́ этого́ расте́ния, а про́сто зерно́, химиче́ски очи́щенное от черно́ватой мякоти́ пло́да. С нача́ла ны́нешнего́ столетия́, перцо́вые планта́ции особе́нно тща́тельно и успе́шно возделыва́ются в коло́ниях Антильских́ остро́вов, особе́нно в Кае́нне.

Почти́ на всех́ остро́вах Полине́зии же́нщины́ пригото́вляют из корня́ перцо́вого́ дере́ва жгучую́ насто́йку, до того́ крепо́ую, что англи́ские и амери́канские́ матросы́, кото́рым ни ром, ни ара́к и ника́кие в ми́ре водки́ не быва́ют достато́чно крепо́ки, не в состоя́нии пи́ть эту перцо́вую рата́фию<sup>1</sup>, с удо́вольствием́ поглоща́емую́ полине́зийца́ми. Для евро́пейца́ это́ чиста́я отрав́а. Сыны́ Альбиона́ зачасту́ю быва́ют её́ жертва́ми; фа́кт неопровержи́мый.

Остро́в *Сингапу́р* находя́тся при́ южно́й оконече́ности́ полуостро́ва Ма́лакки, отде́ленного́ от него́ небольшо́м проли́вом. Собственно́ го́род, нося́щий́ имя́ остро́ва, ле́жит в 1°17' се́верной́ широты́ (следо́вательно́,

---

<sup>1</sup> Рата́фия — крепо́кая (40-45°) испанская́ яго́дная насто́йка. — прим. OCR.

почти на экваторе) и долготе  $130^{\circ}50'$  восточной от Гринвича. Он разделяется на три квартала, китайский, малайский и европейский; последний отличается опрятностью и лёгкой, красивой архитектурой домов. Китайский квартал служит для всего города рынком: здесь сосредоточиваются все магазины и лавки. Малайский квартал находится в некотором отдалении от первых двух; замечательно, что малайцы живут преимущественно в местах болотистых, около побережья. Там, где более сырости, смраду и зловонных испарений, — там и жилище этих людей. Впрочем, сингапурские жители этого квартала, как говорят, резко отличаются от своих одноплеменников кротостью нрава и несравненно большей образованностью. Однако, крис — неперенный спутник каждого малайца.



Индиец-мусульманин

В массе обитателей сингапурской колонии преобладают в особенности два племени народов; это китайцы и малайцы; они составляют  $\frac{5}{6}$

всего числа жителей. В отношении к деятельности и умственному образованию пальма первенства между ними принадлежит бесспорно китайцам. Они занимаются вообще оптовой торговлей, продажей ценных галантерейных вещей, маклерством, земледелием и мореходством, между тем как малайцы занимают должности дровосеков, иногда земледельцев и лавочников, но преимущественно исполняют обязанности лодочников и рыбаков.



### Сингапурские жители

Почва острова Сингапур очень плодородна; хорошего строевого лесу много. Тут нет никаких хищных зверей полуострова, но много обезьян, диких кошек, белок и дикобразов. Мне рассказывали, случайно, про ловлю обезьян. Я и верить не хотел, что для ловли этих забавных животных употребляются те же средства, о которых зачастую слыхивал в детстве, в сказках. Употребительный способ заключается вот в чём: берут кувшин с узким горлышком, насыпают его до половины рисом и зарывают в землю; обезьяна добравшись до риса, ни за что не разожмёт лапы, чтоб не выронить ни зерна, а между тем горлышки кувшинов так узки, что неразжатую лапу обезьяна не вытащит из кувшина. Охотники

приходят, сажают пойманных в клетки и потом разбивают кувшин, чтоб освободить лапу обезьяны. Трудно приписать это глупости животного; скорее, думаю, можно предположить в нём настойчивость и нежелание возвратить «попавшееся в лапы». Говорят, что в здешних местах более 200 пород различных змей, в числе которых только две ядовиты. Птицы очень разнообразны и многочисленны.

По климату Сингапур несколько уступает Пуло-Пенангу; тем не менее, однако, это место здоровое и благоприятное больным. Плоды необыкновенно вкусны; ананасы чрезвычайно велики: до 8½ дюймов в большом диаметре; а продаются всего по пяти *пайсов* (около 5 коп. ас-сигнациями). Овощи выходят прекрасно. Мускатные плантации разведены на всём острове в изобилии.

Войско сингапурского правителя заключается в 50 сипаях<sup>1</sup>. Содержание этого войска обходится Англии всего в несколько тысяч пиастров.

Однажды мы собрались на китайскую джонку в 300 тонн, которая была в совершенной готовности к отплытию в Манилу. Трудно вообразить себе хаос, который мы встретили на палубе этого диковинного судна. На нём было, на худой конец, до 400 человек пассажиров, преимущественно китайцев, отправлявшихся по торговым делам в Манилу. Пассажирский багаж размещался от киля до самых бортов; верхняя палуба была настлана только около бортов, так что открытая середина, перерезанная бимсами, представляла один общий, огромный люк. Около середины джонки была помещена кухня, *сложенная из кирпичей*; в ней хлопотал отвратительно грязный китаец, приготавливая пилав или что-то подобное. Однако, смрад и нечистота заставили нас поторопиться с осмотром этой курьёзной джонки. В особенности были замечательны на ней кабельтовы и перлиня, они виты из камыша и чрезвычайно удобны для завозов. Желая, например, завести верп<sup>2</sup>, бухту кабельтова сваливают прямо за борт, а ходовой лопарь прикрепляют к борту джонки, так что шлюпка, идя с верпом вперёд, развивает плывущую за нею бухту кабельтова: удобно, но и оригинально. Бегучий таке-лаж у них большей частью волосяной и травяной. Якори составлены из надёжных брусьев железного дерева, а лапы тщательно окованы. Эта

---

<sup>1</sup> Под этим именем понимают в Восточной Индии милицию, набранную из туземцев и состоящую на жалованье; мундир у них, как вообще у англичан, красный; шальвары доходят до колен. Вместо киверов картонный колпак, обмотанный чалмою голубого цвета; оружие состоит из кривой сабли, карабина и пистолетов.

<sup>2</sup> Якорь малой величины, посредством которого суда перетягиваются с одного места на другое.

джонка, стоявшая от нашего транспорта в полумиле, надоедала нам долго своими *намерениями* сняться с якоря; шум, сопровождавший эту хлопотню, и дикие возгласы «эа, оа! эа, оа!», раздававшиеся по рейду, не давали нам покоя.

Забавен предрассудок китайцев насчёт джонок. Они думают, что вырезанные и разрисованные ими глаза на носу джонки смотрят бдительно вперёд во время плавания, и если завидят какую-либо опасность, то непременно донесут об этом. Случись же, что джонка лишится, каким-нибудь образом, хотя бы половины глаза, китайцы топят судно и бьют его палками: «что ж в нём, — говорят они — если оно не сумело сберечь своего глаза, станет оно хлопотать о нашей безопасности?!» Китайцы так крепко держатся этого предрассудка, что не имеют во время плавания баковых часовых, чтоб смотреть вперёд.

Джонки, плавающие между Манилой и Сингапуром, совершают ежегодно по одному рейсу в ту и другую сторону; для этого они имеют два ветра: юго-западный и северо-восточный муссоны, потому что лавировать они вовсе не могут. При первом муссоне, дующем с апреля по октябрь, все джонки собираются в Маниле, а при следующем, т. е. через полгода, приходят обратно в Сингапур.

На сингапурском рейде мы проводили время очень разнообразно и приятно; там собирались ежедневно прекрасные коммерческие суда, между тем как другие уходили в море. Картина обширной, живой торговой деятельности на рейде имеет в себе много занимательного. Под вечер одного прекрасного, в полном смысле тропического дня, пришло с моря миленькое английское трёхмачтовое судно, на котором оснастка, выправка рангоута и вообще вся наружная опрятность невольно должны были веселить душу каждого моряка. В вооружении его бросались на вид, в особенности, два паруса над бом-трюмселями: мне, по крайней мере, никогда не случалось видеть таких парусов. Это судно шло в Китай (если не ошибаюсь, с опиумом), и на пути зашло в Сингапур, чтоб освежиться. Несмотря, однако, на непродолжительность его стоянки, мы обязаны ему забавной сценой. Два матроса с него, оба молодые индейцы, получив жалованье, решились бежать. Они выбрали для того довольно тёмную ночь и часу в первом смело поплыли к берегу на ведре. Плывая мимо нашего транспорта, они, вероятно для вящего комфорта в побеге, вздумали у нас угнать одну шлюпку, которая была прикреплена к выстрелу. Ночь была как-то особенно жаркая, удушливая; иные из нас

лежали на сигнальных рундуках<sup>1</sup>, другие в шлюпках, висевших на шлюп-балках. Вахтенный лейтенант и часовые бдительно расхаживали на шканцах, юте и баке, и последний, разумеется, невольно должен был обратить внимание на небольшой шум в воде, который производил влезавший на шлюпку индеец. Рассмотрев в полумраке подобие человеческого образа, выходявшее из воды, часовой завопил благим матом: «*водяные идут!*» — подпрыгивая при этом около бакового шпиля. Это курьёзное восклицание, нарушив спокойствие полночной тишины, привлекло к баку всех бывших в то время на палубе; между тем вахтенный лейтенант, догадавшийся отчасти о существе дела, послал немедленно в погоню за сингапурскими «водяными» шлюпку, приказав приготовить фонари. Мы все проснулись и подошли к месту действия. Баковый часовой настоятельно утверждал, что видел собственными глазами, как один чёрт влезал на шлюпку и как другой чёрт собирался лезть. «Экое окаянное место», говорил он окружающим его людям. Но шлюпка с пойманными беглецами приставала уже к борту; мы поспешили к трапу и много смеялись при осмотре сингапурских чертей, которые оказались бесхвостыми.

Как прост, и как действителен индейский способ лечения от ужаления змеи. Один из наших людей, именно парусник, бывший на берегу, вздумал выкупаться. Но едва он вступил в воду, как небольшая змея ужалила его в пятку, которая тотчас же стала пухнуть и опухоль распространилась по всей ноге. Один из присутствовавших при этом индейцев принял живейшее участие в положении нашего парусника и повёл его к себе в дом. Раскалив кору кокосового ореха, Он прижёт ею рану или ужаленное место, засыпал его потом толчёной серой и, перевязав бинтами, отправил больного домой; на другой день наш парусник мог уже ходить, и опухоль почти совершенно исчезла.

Как весела, приятна и занимательна жизнь моряка в таком плаваньи!.. Сколько отрадных, приводящих в умиление душу воспоминаний он выносит из этой кочующей жизни!.. Не забудем при том благородной склонности человека — помнить одно утешительное, только одно приятное для него!.. Давно ли мы были в Капштадте и в Тенерифе? — и вот теперь в Сингапуре, живём почти на экваторе, — и живём весело, наслаждаемся жизнью!.. Чудные miss Сара и Маргарита, дочери прелю-

---

<sup>1</sup> Каюты наши в то время окрашивались, и спать в них не было никакой возможности.

безного англичанина, безжалостно было расшевелили сердца некоторых моих спутников, впрочем... что я разбалтываю?.. меня могут, пожалуй, упрекнуть в нескромности; могут сказать, что я... нет, от огня и от женщин подальше, лучше замолчу!..

Между тем мы совершенно приготовились к отплытию. Запаслись малайскими крисами и копьями, замечательными раковинами и кораллами, индейскими нарядами и китайскими вещицами удивительной работы; рассматривая их, невольно изумляешься терпению и искусству этих людей в различных мастерствах. Я видел, например, шар из слоновой кости, в котором было выточено до двенадцати шаров, обращавшихся друг в друге совершенно свободно. Но это что ещё! — надобно полюбоваться высокими, художественными изделиями из слоновой же кости, в ажур: они так нежны, что решительно боишься до них дотронуться руками: так вот, кажется, всё и рассыплется!.. Как теперь ещё помню замечание моего вестового, которому я предлагал взять в руки какую-то точёную вещицу, изумлявшую его своей эфирностью; он не взял её, говоря без шуток: «нет, ваше благородие; неравно сломаю!» Китайцы действительно совершенные артисты в токарном деле, и можно сказать положительно, в этом отношении они не имеют соперников.

Но вот, настало наконец и 6 июля — день, в который должно было распротиться с Сингапуром. Мы снялись с якоря в 7 часу утра и, отсалютовав крепости 13 выстрелами (на что получили в ответ такое же число выстрелов), пошли при тихом ветерке в Китайское море.

## ГЛАВА IV ПЛАВАНИЕ ОТ СИНГАПУРА ДО КАМЧАТКИ

*Китайское море. Тифоны и муссоны. Филиппинский архипелаг. Остров Люсон. Манила и её рейд. Тагалы. Петушиный бой. Королевская фабрика манильских сигар. Выход в море. Переход в умеренный пояс. Жизнь на море. Киты. Камчатские сопки. Вход в Авачинскую губу. Петропавловск. Радушная встреча земляков. Камчатские балы. Езда на собаках. Климатологические заметки о Петропавловске. Паратунские горячие ключи. Приготовление к выходу в море. Бахия, туземный танец камчадалов. Прощание. Выход в море.*

Едва мы успели войти в границы обширного моря Небесной Империи, как нас нагнал ровный и свежий юго-западный муссон, который с



полным усердием стал приближать наш транспорт к Филиппинским островам. Меньший ход ограничивался 6-тью узлами, а самый большой доходил до 10½ узлов.

В апреле и октябре плавание Китайским морем бывает чрезвычайно опасно по жестоким штормам, случающимся во время перемены муссонов. Притом тифоны<sup>1</sup> очень обыкновенное зрелище в этом море.

Рассматривая различные явления метеорологии, окружённой для нас, смертных, каким-то полумраком, невольно изумляешься разнообразию, которое представляют нам действия могущественных стихий. Натурально, эти явления основаны на общих законах мироздания; однако, пытливый ум человека не был в состоянии объяснить всего с одинаковою определительной точностью и, размышляя об основных причинах подобных явлений, представил в некоторых случаях, только одни предположения. Например, происхождение пассатного ветра и муссонов объяснено положительно, совершенно логически; но от чего происходят тифоны, об этом мы можем судить по одним догадкам. Нужно заметить, что тифоны бывают двух родов, или, говоря правильнее, *тифон есть род смерча*.

Таким образом, некоторые естествоиспытатели и физики думают, что тифон происходит от действия вулканических подземных огней, потому что, во-первых, водный столб, который он образует, падает не из облака, но поднимается с моря; во-вторых, если бы тифон происходил от вихря или заверти-ветра, он не пребывал бы постоянно на одном месте, но имел бы движение по направлению кругообращающегося ветра; в-третьих, вода, окружающая собственно тифон, бывает обыкновенно в сильном брожении, совершенно как при кипячении, а воздух наполнен серными испарениями до такой степени, что, как говорят, помрачает даже солнечный свет. Кроме того, в подтверждение сказанного, они приводят на вид теплоту Китайского моря, приписывая это явление действию или влиянию подземных вулканических огней. Другие же, напротив того, приписывают происхождение всех смерчей, следовательно, и тифонов, электрической силе. Когда, говорят они, сильно наэлектризованное облако проходит над земной поверхностью в известном расстоянии, тогда между облаком и ближайшими телами земли образуются два противоположные течения электрической материи:

---

<sup>1</sup> Тифон — устаревшее название торнадо или смерча. Произошло от слова тайфун (греч. typhon, кит. tei-fun), но последнее ныне означает сильный шторм, ураган. — прим. OCR.

одно из облака вниз, а другое от земных тел в облако. Ежели первое течение сильнее второго, то частицы паров, составляющих облако, увлекаемых стремящимся из него электрическим, током, образуют воздушный столб, или *смерч*. В противном случае, т. е. если электрическая материя воды сильнее стремящейся из облака, то море поднимается к облаку столбом и составляет *тифон*; вот существенная разница между этими явлениями. Конечно, оба умозаключения совершенно близки к истине; но которое из них вернее — дело ещё не решённое.

Тифоны и смерчи Китайского моря страшны, сильны и были причиною гибели многих несчастных плователей. Если случится попасть на такие ужасные явления, то единственным средством спастись от них — пушечная пальба, действием которой они совершенно уничтожаются. Удивительно, до какой степени пушечные выстрелы имеют влияние на равновесие воздуха; когда между флотами начинается сражение при тихом ветерке, то вскоре по начатии пушечной пальбы совершенно штилет: это неоднократно было замечено в морских сражениях. Мне говорил один короткий знакомый (Н.И. С\*\*\*к), в положительности которого я совершенно уверен, что ему случилось однажды, в Китайском море, быть окружённым *двенадцатью* смерчами, от которых капитан его только тем и отделался, что палил немилосердно из двух небольших орудий (он служил на коммерческом судне). Можно вообразить себе ужас подобной картины!.. Наш знаменитый мореплаватель, покойный адмирал И.Ф. Крузенштерн — первый русский, обошедший вокруг света, встретился в Японском море, в октябре месяце 1804 года, с огромным тифоном, при котором ртуть в барометре опустилась ниже 27 дюймов, т. е. скрылась за пределы деревянного футляра. Это было в северной широте  $31^{\circ}7'$ , долготе  $227^{\circ}40'$  западной от Гринвича. Говоря о свирепости тифона, покойный адмирал замечает в своих записках следующее: «Нужно иметь дар стихотворства, чтоб живо описать ярость оного». Во время нашего плавания Китайским морем, мы видели несколько смерчей, но всегда, благодаря Бога!, в таком отдалении, что мне не приходится сказать о них ничего особенного.

С самого выхода из Кронштадта до Сингапура, нам было трудно похвастать благоприятными ветрами. Чуть с якоря — и ветер в лоб! А это, я вам скажу, обстоятельство довольно несносное. Теперь же, свежий юго-западный муссон бойко подвигал нас к Люсону, и мы были ему чрезвычайно признательны за эту услугу. Мне даже помнится, что по этому случаю писались у нас куплетцы, именно в честь муссона...

Странно, однако, что у нас принято его название в искажённом виде? Малайцы называют этот периодический ветер словом *муссин*, что на их наречии означает «годину»: название совершенно правильное и определительное, потому что муссоны начинаются и оканчиваются в определённое время года. Муссоны происходят от действия солнечных лучей, как и пассатные ветры, с тою разницею, что в неправильном образовании их, т. е. периодическом направлении, участвует близкое нахождение матерого берега. В самом деле, допустим, что Индийский океан также открыт к северу как и к югу; следовательно, в нём должен царствовать тот же вечный ветер, как и в Тихом и Атлантическом океанах, потому что вся атмосфера, находящаяся над морем, получала бы одинаковое действие солнечных лучей и разреживалась бы равномерно. Теперь же, различие грунта земель Восточной Индии, их покатости, неровности и возвышенности много участвуют в степени теплоты, приобретаемой атмосферою материка, которая, когда солнце находится в северном полушарии, бывает более разрежена, чем морской воздух южнее экватора. От этого, вследствие тех же законов, о которых я упоминал, говоря о пассатных ветрах, береговой воздух Восточной Индии должен стремиться вверх, между тем как его место станет занимать морской воздух, стремящийся от юга с большою скоростью, так как к югу нет никакой земли, которая могла бы ослабить силу этого стремления. Но воздух, идущий от юга, имеет конечно большую скорость вращения, чем земли, к которым он приходит, и обязан по этому уклоняться от своего течения, от юга к западу, тем более, чем сильнее будет увеличивать это уклонение положение берегов: вот причины, по которым в Индийском океане, в летние месяцы, бывает полгода юго-западный муссон. В наши зимние месяцы, когда солнце описывает южную часть эклиптики, по северную сторону экватора дует северо-восточный муссон, потому что в это время берега Индии не бывают так согреты, чтоб прервать обыкновенное течение пассатного ветра. Юго-западный муссон владевает также и в Китайском море; однако ж, направление его бывает здесь обыкновенно от юго-юго-западного, даже и ещё ближе к югу. Причина такого явления объясняется тем, что Китайское море ограждено как к северу, так и к западу землями, которые привлекают к себе воздух, стремящийся от юга, и противодействуют некоторым образом его чрезмерной скорости.

15-го июля мы были в виду Филиппинских островов; здесь наш усердный муссон стал истощаться, так что под конец совершенно заштило: ходу было до 1½ узла, при маловетрии из юго-восточной четверти. Так провели мы и утро 16 числа; к полдню ветер разыгрался. Мы побежали по 6 узлов и вскоре подошли к Люсону, богатейшему из островов Филиппинского архипелага, в котором насчитывают до 1000 островов и островков. Цель, с которою капитан заходил в Манилу, состояла собственно в том, чтоб запастись окончательно провизией. Мы шли отсюда прямо в Камчатку, где, без сомнения, было бы трудно, если не совсем невозможно, запастись какой-нибудь провизией, по недостатку в тамошнем краю припасов. Между тем, мы имели в виду приятное лакомство: превосходные манильские сигары!..

Очертания берегов становились постепенно явственнее, и к вечеру нам представилась обширная бухта, составляющая манильский рейд. Он разделяется небольшим островом Коррехидор на две части; остров вооружён батареями и имеет значительный гарнизон.

При входе в воды прекрасного рейда, вам представляется великолепная панорама: его красивые и величественные берега роскошно расстилаются в полуокружности, защищая своими возвышенностями множество европейских судов и невзрачных джонок от бурь здешних муссонов. В 8 часов вечера мы бросили якорь на глубине 6 сажен в расстоянии около 2-х миль от берега.

Филиппинский архипелаг составляет по плодородию своей почвы, прекрасному климату и роскошному местоположению, одну из богатейших стран во всём мире. Это можно сказать в особенности об *Люсоне*, самом обширном острове в архипелаге. Он имеет в длину до 500 итальянских миль, а в ширину, по параллели, почти около 200 миль. Острова этого архипелага разбросаны между северными широтами 5° и 19°, и принадлежат к открытиям 1519 г. Через полстолетия, Хуан-де-Сальсадо разбил с горстью испанцев туземных жителей Люсона и основал Манилу; тогда было положено прочное основание владычества испанцев на этом благодатном острове, который был назван победителем Люсоном, по слову люсонг, что на наречии туземцев означает пест, употребляемый для шелушения сарачинского пшена; он вывешивался жителями над входом каждого дома.

Первобытные жители Люсона, обитавшие собственно по побережью острова, могли в некотором смысле назваться полуобразованным племенем; они имели своё правление, в главе которого стояли *раджи*<sup>1</sup>, и разделялись на людей высшего сословия, багнанов, и людей низшего звания. Эти народы, т. е. жившие по побережью Люсона, носили имена тагáлов, панпáнгов, цимбáлов, иллоко́сов и кайага́ков. Между тем в горах и непроходимых лесах Люсона обитал другой народ, названный испанцами *горными неграми*; тагалы называли его этосами и аэтосами. Они жили совершенно в диком состоянии, ходили нагие и избегали заселённых мест. Замечательно, что и по сие время на Люсоне обитает несколько тысяч людей, не признающих владычества испанцев; иногда они решаются даже делать на последних набеги. Число жителей Люсона полагают до одного миллиона.

Самое красивое из этих племён *тагалы*. Они найдены завоевателями в бинондском предместье. Нужно заметить, что под именем *Манилы* понимают ту часть города, которая обнесена крепостным валом; остальные части имеют отдельные названия и не принадлежат собственно к городу, но составляют его предместья, именно, Бинóндо, Тóндо, Санта-Крус, Сан-Себастиан и Санта-Анна, распространяющиеся на несколько вёрст в длину.

Тагалы приняли христианство добровольно и без особенных затруднений: убедительное доказательство, что они не были подчинены влиянию религиозного фанатизма, столь губительного для всех дикарей. Они очень кроткого и тихого нрава, одарены способностями, благовидны и смелы по наружности. Костюм их почти европейский; в особенности мила тагалка в своём наряде: коврик, которым она обвёртывает свою полосатую юбку, плотно прижимает к телу одежду, и отчётливо обрисовывает роскошные формы стройного стана; прибавьте к этому медноватый цвет лица, ряд прекрасных зубов, «пушкинскую» босую ножку с едва держащейся на носке бархатной туфлей, — и портрет той тагалки, у которой мы покупали манильские сигары, будет у вас перед глазами. Странно, что это прекрасное племя имеет две непомерные страсти: к курению и к игре. Но, стоп однако!.. Хорошо же я, сказать между прочим!.. Право, мне можно бы было поручить вести дневник: ссылкам и прибавлениям не было бы конца!.. Видел ещё в Сингапуре самый утон-

---

<sup>1</sup> Слово санскритского происхождения, означающее «владелец».

чѣнный петуший бой и не сказал до сих пор ни слова; впрочем я постараюсь загладить впоследствии эту непростительную опрометчивость; упустить из виду такую замечательную подробность!..

Итак, я остановился на том, что тагалы имеют две неумеренные страсти: к игре и к курению. Последняя распространена здесь даже между женщинами, так что в Маниле в настоящее время нет даже 12-тилетнего ребёнка, который бы не курил; здесь курят решительно все: и стар, и млад, мальчик и девочка. По-моему, сигара во рту хорошенькой женщины или в прозрачных ручках очаровательницы — решительно не у места; воля ваша, а мне это, ей-ей, не нравится. Да чего мне? Не угодно ли будет послушать подробности колкой насмешки, которую разыграли матросы с одного французского фрегата, заходившего в Манилу в 1830-х годах. Они заказали огромную сигару, в несколько футов длины и соразмерной толщины, и при торжественном шествии по бинондскому предместью, позабавились над этою страстью следующим образом: один из матросов, в костюме тагалки, курил эту колоссальную сигару, пуская из рта целые облака дыма, между тем как три человека тащили её с притворным усилием на плечах. Мужчины смеялись над этой шуткой, а женщины, говорят, не в шутку разгневались и чуть было не произвели восстание: долго ли тут, право, до беды!

Относя эту страсть испанок и вообще европейских дам Манилы к одной только переимчивости, нельзя удержаться от замечания о том, что господа европейцы считают здесь неприличным, так сказать *mauvais genre*<sup>1</sup>, но в чём тагалы несколько не виноваты. Вы не поверите, может быть, что порядочные люди здесь не носят неподражаемых соломенных шляп, достигающих ценности трёх тысяч рублей, а предпочитают им парижские пуховые шляпы? Так действительно бывает, хотя эта мода вовсе не по климату, и пуховые шляпы ничем не красивее соломенных.

В домашнем быту, тагалы употребляют особенные сигары, называемые здесь фамильными; это название оправдывается отчасти их размерами. Такая объёмистая сигара служит, в течение нескольких дней, всему семейству тагала: нетрудно составить себе понятие о величине подобной сигары.

Вторая необузданная страсть тагала составляет удовольствие, можно сказать олимпийское; оно состоит в кровавом бое петухов-атлетов. Иные тагалы живут даже припеваючи, благодаря смертоносным

---

<sup>1</sup> Мове жанр, фр. = дурной тон. — прим. OCR.

шпорам своих петухов-бойцов, и приобретают ими нередко состояние. Конечно жизнь такого петуха, разумеется, истого храбреца, отчасти даже завидна: он первое лицо в доме, владелец ласкает и лелеет его более, чем своих жену и детей. Ежели господин такого петуха идёт со двора, птица у него под мышкой: он неприменный товарищ тагала и всё его достояние. Как горько оплакивается смерть славного бойца!..

Я видел петуший бой на транспорте, и действительно изумлялся борьбе этих героев. Как хорошо знают они своё главнейшее оружие победы — шпоры, наделённые их владельцами искусственным пособием — острыми стальными лезвиями, которыми бойцы ловко умеют наносить друг другу смертельные удары; клюв у них не бывает в употреблении. Случается, что оба героя становятся жертвами битвы; ожесточение этих мощных петухов не имеет границ. Они, подняв дыбом перья, готовы бороться до тех пор, пока один из них не останется на поле сражения; но их не допускают до такой развязки, если пари незначительно. В противном случае их даже подпаивают; серьёзно, им вливают в клюв по несколько капель благовонного вина, и тогда этими петухами овладевает полное остервенение. Тагал, выигравший ставку, получает кроме того и тело несчастной жертвы. Разумеется, храбрецы петухи эти не чета обыкновенным европейским петухам.

Я говорил уже, что Манила состоит из пяти предместий и части, обнесённой крепостным валом, называемой собственно Манилой. Весь город имеет до 10.000 жителей; в нём есть университет, несколько училищ, школа для бедных, богадельня и госпитали. Королевская фабрика манильских сигар очень обширна; в ней работают ежедневно, кроме праздников, более двух с половиною тысяч работников, в числе которых мужчин не более 600 человек. Говорят, что испанское правительство получает с этой фабрики от пяти до восьми сот тысяч пиастров чистой ежегодной прибыли; а чего стоит содержание фабрики и такого огромного числа рабочих? Каков же должен быть общий оборот?.. И от чего? — от растения, если не приносящего человечеству вреда, то во всяком случае имеющего дурное влияние на здоровье при неумеренном употреблении. Первые потребители табака, американцы, употребляли его от многих болезней, как целебное средство, например от насморка, зубной боли и мокрот, или же, наконец, чтоб утолить голод. Теперь же, табак — прихоть, которая вкореняется в человеке почти с детства и становится под конец совершенной необходимостью. Тысяча лучших сигар стоила в бытность мою в Маниле всего 6½ пиастров, следовательно

ровно вшестеро дешевле петербургских цен. Как было не запастись, при таком удобном случае, этими дивными сигарами!.. На манильской сигарной фабрике был при нас один рабочий, слепой, который свёртывал испанские *чурутас* (вроде папирос) обеими руками так проворно и ловко, что нельзя было надивиться его искусству. Королевская сигарная фабрика приобретает табак от жителей-земледельцев по установленной и дешёвой цене.

Манила ведёт с давних времён торг с Китаем; но он очень незначителен. Испанцы народ вообще неспособный к торговой деятельности. Для этого благословенного края нужна бы опытность англичан, или, как весьма основательно замечают другие, трудолюбие голландцев. Китайцы привозят сюда чай, фарфоровую посуду, шёлковые материи, китайку, плоды в сахаре, варенье и т. п. Взамен привозимого китайцы находят здесь сарачинское пшено, пшеницу, маис, горох, бобы, арбузы, дыни, ананасы, табак, какао, саго, кофе, индиго, корицу, сахар и хлопчатую бумагу. Несмотря на дурные приёмы земледелия и недостаток трудолюбия, эти продукты получают в большом количестве. Мы покупали, например, рис и сахарный песок по два пиастра за мешок весом в 5 пуд — невероятно дёшево! Плодородие земли и влияние климата здесь таковы, что пшеницы бывает обыкновенно две жатвы в год. Горы Люсона имеют богатые серебряные и медные руды; словом, в продуктах всякого рода на Люсоне недостатка нет: были бы только опытность, знание и усердие, и тогда этот край стал бы приносить несметные сокровища. Впрочем, было время, когда испанцы строили здесь фрегаты и корветы, но теперь они почему-то не заботятся нисколько об оживлении деятельности этого края.

Купцы и ремесленники большей частью все китайцы. В числе ремесленников, говорят, нет ни одного испанца и очень мало туземцев. Китайцев насчитывают в Маниле до 6,000; это народ действительно трудолюбивый и предприимчивый, но зато первые плуты и мошенники.

Местом гульбищ для жителей Манилы служит огромная площадь, идущая вдоль рейда. Здесь собирается по вечерам вся городская знать, богатые тагалы с жёнами и китайцы без жён, так как в законах обширной Небесной Империи существует статья, по которой воспрещается выезд женщин из империи. Хорошего и дельного тут, конечно, мало.

Наша пятидневная стоянка в Маниле была коротка и пролетела почти незаметно. 23-го июля в 4 часа утра раздался пригласительный сви-



сток пожаловать наверх, сниматься с якоря, и мы должны были проститься с Манилою, и с небольшими переходами, которые делали до сих пор от Никобарских островов. Отдав паруса, мы стали подвёртывать якорь, взяли его на кат<sup>1</sup> и лавировкой выбирались с манильского рейда, при тихом брамсельном ветерке.

Большой запас превосходных сигар постоянно напоминал нам о наслаждениях за хорошим стаканом китайского чаю и доброю сигарою, и мы невольно забывали минутную тоску, которую наводит обыкновенно расставание с берегом при отправлении в большой переход. Кроме того, мысль свидеться с родиной, другим концом нашей благодатной России — Камчаткой, и с добрыми, радушными и гостеприимными русскими, нашими земляками, как нельзя более одушевляла нас, и снова пошли повороты, шпили и марса-фалы; загудели опять боцманские дудки; зашевелились матросы: клетни, маты и найтовы накладывались на места; чарки расхаживали по рукам расторопных и удалых, словом: везде были заметны жизнь, деятельность и их последствия. Осиротевшая во время пятидневной стоянки в Маниле кают-компания собрала снова своих сочленов, и шутки, анекдоты и остроты игриво сыпались отовсюду. Весело, право весело было служить в кругу таких образованных людей, как общество моих сослуживцев!.. Это не лесть, но правдивая и откровенная истина.

Июля 27-го солнце находилось у нас в зените; широта была  $16^{\circ}2'30''$  северная, а долгота  $118^{\circ}36'6''$  восточная от Гринвича.

Августа 9, 10 и 11 мы штормовали. Брам-стенги были на найтовах, а паруса несли самые ничтожные: штормовую бизань, рифленный грот-трисель и фока-стаксель; всё остальное было закреплено. Этот шторм был замечателен необыкновенными и частыми шквалами; у нас унесло волнением гичку, оторвав её с кормовых боканцев, а капитанский катер и десятку более чем исковеркало; впрочем, это обстоятельство нас не огорчало: привычка — дело великое!...

Кажется, появление наше в водах Нептуна было отпраздновано со всеми причудами, но слова владыки вод до сих пор не осуществлялись: в каждый переход нас приветствовали штормы, штили, и если ровные, то всё же не попутные ветры, а он — злодей! — уверял нас в благопо-

---

<sup>1</sup> «Взять якорь на кат» — морское выражение, которое означает поднять якорь с помощью крана (ката). — прим. OCR.

лучном и скором плавании, если отпразднуем появление в его владениях ромом. Просьбу его, как читатели может быть помнят, мы исполнили, но он, вероятно, забыл своё обещание; впрочем, европейцы — вот варвары, которые его избаловали!..

Шторм прекратился к вечеру 11 числа. Погода наступила ясная, ветры стояли сначала ровные, подчас попутные, но часто перемежались несносными штилями, продолжавшимися *до сорока суток* сряду, при жесточайшей жаре. Штиль изредка — обстоятельство приятное, но если он продолжается неделями — тоска, ужасная, необъяснимая тоска! В особенности после свежего ветра, при огромной зыби... бррр!..

15-го августа мы пересекли тропик Рака; полуденная широта была 23°32'39" северная, а долгота 131°16'16" восточная от Гринвича.

Интересно бы посмотреть, подумают, может быть, многие читатели, что делают моряки в таких продолжительных переходах?.. Спят, курят, едят и пьют? Нет, милостивые государи и, в особенности, государыни. Неужели же все говорят, да рассказывают об одном и том же! одни и те же лица должны же когда нибудь переговорить всё? — А я вам скажу: нет. Поверьте, в таких переходах и таком плавании моряк имеет гораздо более новостей для рассказов и проводит время несравненно приятнее и полезнее вас, скучающих старожиллов великих градов! Вспомните, сколько разнообразия представляет вам жизнь на море. Положим, сегодня штиль; вы гуляете по палубе, как по тротуару Невского проспекта, а если завтра шторм, при котором и леера к вашим услугам, то что за раздольная картина готова веселить ваши взоры! Гармонические завывания ветра в снастях, напоминают вам какие-то знакомые мелодии, более или менее меланхолические, и вы, при немножко пылком воображении, переноситесь мыслью к самым отрадным воспоминаниям, не замечая, что погода ревет. Но вот, на горизонте показались зловещие тучи; вы переходите от мечтаний к существенности и пристально следите за страшною, разъярённою стихиею. Вы довольны, что она вас веселит, и боретесь с нею, не страшась недр её пучины, *от которой вас отделяет одна доска*: кажется, так? Я не привык к подобным фразам и могу ошибиться; прошу быть снисходительными...

Однако, виноват, заговорился. Впрочем, я не dokonчил своего очерка жизни на море и повторяю вам при этом неоспоримую истину, что отличительная характеристическая черта моряка есть откровенность. Вы не верите? — Напрасно! — Я расскажу вам теперь всё наше житьё-бытьё; ни о чём не умолчу и ничего не стану утрировать. Прошу прислушать.

Во-первых, выход из порта доставляет каждому из нас первый случай узнать, до мелочей, приключения и похождения каждого на берегу, потому что все съезды на берег происходят не иначе, как повахтенно, отчего передача их не всегда удобна и отлагается преимущественно до выхода в море. Тут припоминаются все случаи, анекдоты и поездки, и при игривой и лёгкой болтовне время проводится неподражаемо весело за обедом, ужином и чаем. Библиотека занимательных и поучительных книг, путешествий и т. п., всегда к услугам свободных от службы офицеров, и эта благородная тишина во время чтения, при клубах махрового дыма ароматических сигар, прекрасна и увлекательна! По мере приближения к новому порту, о нём прочитываются, из путешествий бывалых мореплавателей, все сведения, которые сообщаются на досуге друг другу, и таким образом знания одного пополняются знаниями другого. Эти занятия разнообразятся на время сменой вахт: появление сменившихся вахтенного офицера и его помощников, воскрешает в безмолвной кают-компании разговоры, хохот и анекдоты о разных случаях, а у моряков они бесчисленны! К тому же, наша кают-компания могла гордиться в этом отношении: незабвенный П. Н\*\*\* был мастер своего дела!... Прибавьте ко всему сказанному отличный стол (конечно, без свежего мяса и хлеба), прекрасные вина и приятную беседу — и вы составите себе, некоторым образом, довольно близкое понятие о нашей жизни, в которой, если к столу подан герметически закупоренный суп и жаркое, да ещё и пирог, смело говорите «праздник!» и в календарь не заглядывайте!.. Случится именинник — и шампанское на столе! Тут толки, споры, шум...

Поспорят, пошумят

И разойдутся!

Что же тут, скажите, дурного, предосудительного?.. всё очень обыкновенно, прилично и скромно.

Таким-то образом мыплыли до 14 сентября. Обсервационный пункт вышел в этот день в широте  $45^{\circ}6'$  северный и долготе  $154^{\circ}16'$  восточной от Гринвича; он отстоял от входа в Авачинскую губу, по карте, в 505 итальянских милях. Между тем, переход наш в умеренный пояс становился довольно ощутительным, и лёгкие, тропические костюмы заменились фризowymi сюртуками; обувь — непромокаемыми сапогами, а манильские соломенные шляпы — зюйдвестками. Вместо обычного лимонада мелькали стаканы портера, и свежий, здоровый и родной воздух наш заботливо освежал прохладой наши души, изнемогавшие в течение шести

месяцев в тяжком, невыносимом зное. В отношении к холоду, тропики нас совершенно избаловали: на шкánцах, смотришь, градусов 9 тепла, а кажется, что около 10 морозу. Серьёзно: так бы вот и укутался во что-нибудь потеплее!..

Можно себе представить, с каким нетерпением мы ожидали появления камчатских берегов. Но ветер шалил, то стихал, то заходил, словом, испытывал слабую сторону человечества — терпение!.. Впрочем, наши люди были совершенно довольны, предвидя прибытие в русский порт, где не нужно будет прибегать к бестолковой тарабарщине, как например: «асей, ком хир; руссман добрый человек; гив сюда вещь: два рубли больше муней!» Право забавно, как эти добряки силились, бывало, искажать русские слова, в твёрдой уверенности, что в таком виде они гораздо понятнее иностранцу; так ли оно, не так ли, а молодцы наши всегда добивались однако до толку, хотя в затруднительных случаях прибегали иногда к своим «знахарям по иноземщине», которые городили, подчас, такую нелепицу, что и русский бы был не в состоянии понять что-нибудь.

Из числа первоклассных остряков, у нас был боцман Невзоров. Слыша однажды, когда мы делали наблюдения для долготы, что первый пункт берега, который должны мы увидеть, называется мысом Лопатка, он, по прошествии некоторого времени, преторжественно закричал с бака своим молодцам-ребятам — как он называл обыкновенно людей — что «лопатка-де видна». Тут (из-под бака) к нему высыпали наверх все вахтенные, и, осмотрев предварительно горизонт перед носом, наконец спросили: где он видит? «Черти вы, — сказал он махнув рукою, — а это-то что?» — спросил наш остряк, указывая на несколько лопаток для сгона воды с палубы, лежавших у гальюна. «Пошёл, да сгони со шкафúта воду», прибавил он в заключение, и мигом разогнал вахтенных по работам!

Под вечер 17-го сентября мы увидели на левый кранбол берег: это была одна из южных сопкок полуострова Камчатки; отсюда нам оставалось, по определениям, до Авачинской губы около 140 итальянских миль. Все выбежали при этом известии наверх, чтоб полюбоваться родимыми берегами. Мрачная, дикая и уединённая Камчатка представилась нам с гигантскими сопками в полном величии при закате северного солнца, которое, осенив покрытые снежною пеленою возвышенности полуострова, красноватым отливом, плавно и медленно опускалось в недра Великого Океана. Тучи скоплялись, образовывали шквалы, к тому

же противные, потом снова рассеивались и наступало безветрие. Верстах в двух или трёх от нас огромный кит тешился на поверхности тихого в буквальном смысле Океана, пуская величественные фонтаны и, с силою ударяя хвостом по воде, нырял по временам в глубину. Матросы не упустили при этом, конечно, случая над ним поострить, и рассматривая снежные берега и сопки прелестной Камчатки, перенеслись в разговорах к родине, разболтались о засевах, об озимом, и ну-ка считаться друг перед другом в знаниях земледелия, шутить и смеяться над другими, в особенности же над саратовскими и псковскими.

19-го сентября мы пришли на вид *Авачинской губы*; но ветер был решительно противный и к тому же такой тихий, что мы едва удерживали своё место лавировкой. Нет ничего несноснее подобного положения: и видит глаз, да зуб неймёт!..

На другой день, часа в 3 пополудни, нас подогнал хороший брамсельный зюйд-остовый ветерок, и мы весело понеслись ко входу в Авачинскую губу; но несколько позже спустился густой туман... берега облегло темнотой, и мелкий, частый дождь довершил удовольствие. На баке и обоих шкафутах были расставлены часовые, чтоб смотреть вперёд, и транспорт наш, утомлённый большим переходом, величаво и горделиво нёсся в объятия спокойных берегов, хотя, правда, и незнакомых, но всё же родных. По мере приближения к входу, берега стали постепенно прочищаться, и вскоре за тем мы пробежали камни: *Три брата* и *Бабушкин*, а в заключение *Раковую мель*, от которой стали склонять курс к Петропавловску. К сожалению, туман не позволил нам рассмотреть хорошенько приметных мест; мы могли видеть только силуэты гористых берегов, почему капитан должен был решиться простоять всю ночь в губе, в которой мы бросили якорь *20 сентября*, в половине пятого часа вечера, рассчитывая, что находимся от Сигнального мыса на запад-юго-запад, в расстоянии каких-нибудь двух-трёх вёрст.

Таким образом цель нашего плавания была достигнута: мы стали на якорь на пороге того отдалённого порта нашего могущественного царства, куда мудрое правительство, заботящееся о благоденствии своих подданных, посылало нас для отвоза разных необходимых вещей. Этот путь, из Кронштадта до Петропавловска, мы совершили в *один год и пятнадцать дней*, из числа которых были собственно под парусами 248 дней и 6 часов, а остальные 131 день 18 часов провели по необходимости

сти на якорных стоянках в Копенгагене, Гельсиноре, Портсмуте, Тенерифе, Капштадте, Никобарах, Пуло-Пенанге, Сингапуре и, в заключение, в Маниле.

Отдав якорь, мы салютовали 7-ю пушечными выстрелами. Исправность, с которой последовал ответный салют, невольно бросалась в глаза и доказывала, что нас ожидали нетерпеливо. Между тем туман стал несколько прочищаться, а дождь мало-помалу переставать, так что мы могли наконец рассмотреть селение *Авачу* и оконечность *Сигнального мыса*; причём оказалось, что мы зашли слишком далеко в губу и прошли вход к Петропавловску. Хотя, при таких обстоятельствах, нам бы и можно было теперь сняться с якоря и войти в гавань, но ветер, вечно враждующий с моряками, злодейски изменил, перейдя вдруг к норд-осту и набегая иногда из-за ущелий сильными порывами; к тому же лавировка с большим судном в узком месте не всегда удобна, и мы по всем этим причинам невольно остались на ночь в губе. Отданное приказание «подвахтенных на низ!» оставило на палубе нашего «Або» одних вахтенных, между тем как все остальные разошлись по каютам. Собравшиеся в кают-компани офицеры, промокшие до последней нитки, погоняли своих вестовых «дать переодеться», а благодетельный буфетчик хлопотал между тем о глинтвейне, за который мы вскоре принялись с удовольствием: стакан подобного согревающего напитка и манильская сигара очень кстати промокшему и озябшему!..

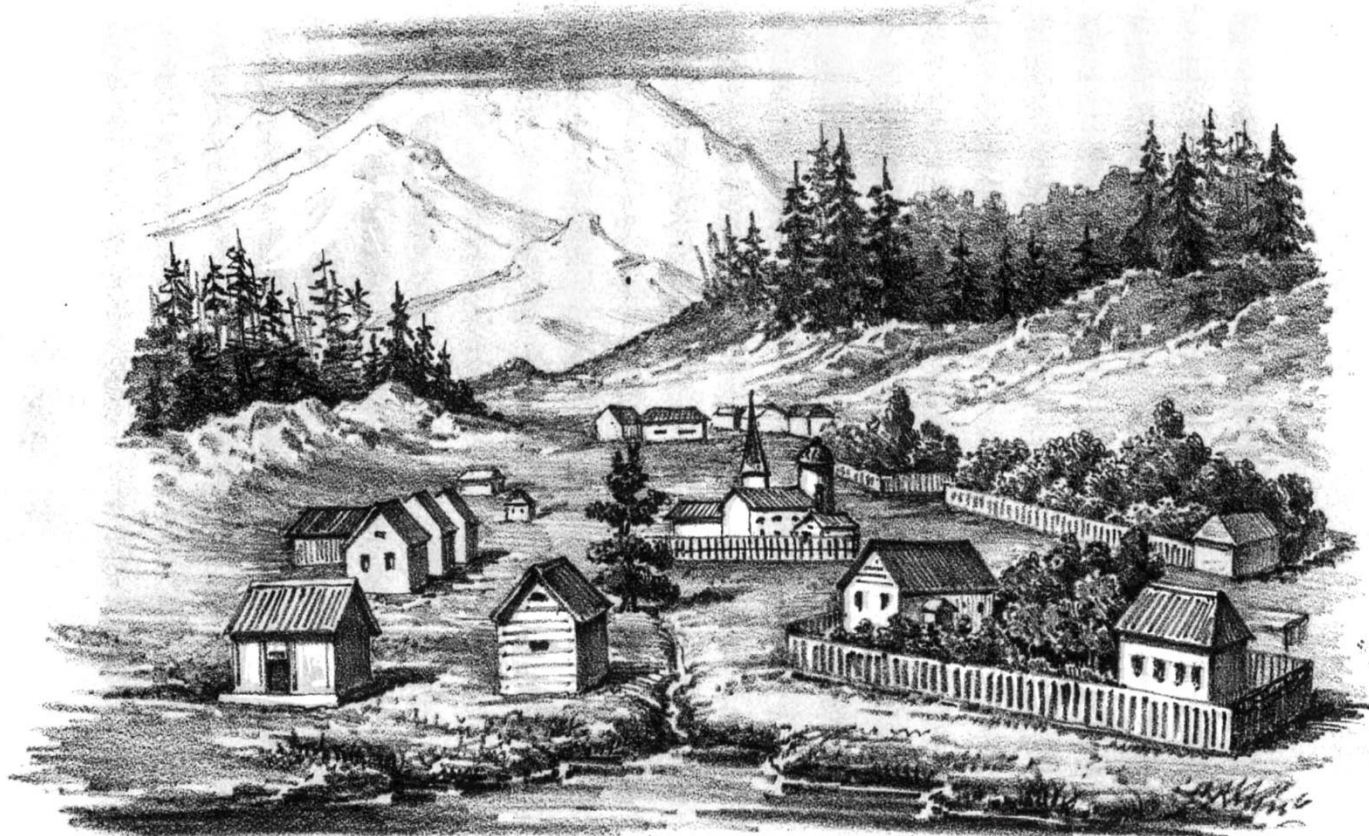
Вечером, часу в 11 в исходе, нас посетили помощник начальника Камчатки и командир военного бота «Алеут», чтобы поздравить с благополучным прибытием в их отдалённый край. Свидание было радостное и оживлённое неподдельным весельем.

На следующий день мы стали верповаться в гавань с 6 часов утра. Свист боцманских дудок и повелительное: «топни, молодцы, топни!» — магически действовали на наших усталых людей, и один верп за другим дружно и на ходу вырывались из иловатого грунта. В начале 10 часа обогнули Сигнальный мыс, из-за которого стал обрисовываться порт Петра и Павла.

*Петропавловск* построен при подошве двух гор, почти параллельных между собою, из которых западная называется *Сигнальной*, а восточная *Калахтырским хребтом*. К северу от города, из-за *Никольской горы*, поднимается величественная *Авачинская сопка*, а к юго-западу видна гигантская *Вилючинская сопка*; горы и примыкающие к ним возвышенности небрежно покрыты роскошной снежной пеленой, и вся окрестность

дышит самой дикой прелестью. Из замечательных строений города, особенно бросающихся в глаза, можно назвать Собор Св. Петра и Павла, дом начальника Камчатки и два-три дома обывательских; остальные строения не более, как хижины.

Спустя немного времени мы миновали риф, простирающийся от Сигнального мыса к юго-юго-востоку; капитан приказал спустить гичку, на которой отправился с рапортом к начальнику Камчатки, препоручив старшему офицеру по приходе в губу ошвартоваться.



Порт Петра и Павла

Небольшая гавань Петропавловска очень спокойна; впрочем, не всегда. При сильных землетрясениях, нарушающих иногда, хотя и весьма редко, спокойствие здешних величественных берегов, в петропавловской губе делается большой прилив и отлив, а в заключение сильный водоворот. Не помню, в котором именно году, одно охотское судно, стоявшее здесь во время землетрясения, было сорвано с четырёх якорей и выброшено на берег: так силен был образовавшийся водоворот. Мне рассказывали также, в последствии, о землетрясении, случившемся в Петропавловске месяца за четыре до нашего прихода. Оно было, как говорили, так велико, что размахи креста колокольни Петропавловского

Собора доходили *до трёх футов* в каждую сторону от вертикального положения шпица. Жители беспрестанными глухими подземными ударами были приведены в состояние панического страха; скот попадал со страшным мычанием, собаки подняли раздирающий вой. Это землетрясение продолжалось четверть часа.

Но вот, к 6-ти склянкам, мы положили якорь и ошвартовались в полукабельтове от берега. Скромная наружность города и величественная природа Камчатки преисполнили наши души какою-то неизъяснимой радостью, и истина прелестного стиха «И дым отечества нам сладок и приятен!» как нельзя более оправдалась. — К полдню Алексей Леонтьевич Х\*\*\*<sup>1</sup>, командир бота «Алеут», помня уставы русского хлебосольтва, прислал в кают-компанию свежего ржаного хлеба, груздей, рыбы свежей и солёной и превосходную кулебяку, словом, яств, которых мы *не видали более года*.

«Прекрасно!... превосходно!... Ай, да Алексей Леонтьевич!... Вот удружил!» — говорили мы, потирая руки и расхаживая около длинного стола, заставленного такими соблазнительными вещами. Вскоре явился к нам и сам Алексей Леонтьевич. Тут толки, хохот и распросы оживили нашу общую беседу кают-компания, и каждый из нас торопливо узнавал от него о почте, с которою мы ожидали обещанных писем из Петербурга. Но почта ещё не приходила: её ожидали со дня на день с бригам из Охотска. При этом я вспомнил о письме П. Т. К\*\*\*, моего дяди, к здешнему старожилу и купцу Ф.Д. К\*\*\*; Алексей Леонтьевич был очень обязателен, указав мне миленький домик, расположенный при небольшом ручейке, и посоветовав мне навестить старика поскорее, но чтобы я только поберёг своё сердце. «Вы молоды, — говорил он — а дочери его прекрасны!»

Несмотря, однако, на это приятное и заманчивое предостережение, я был на другой день что-то не в духе и не поехал на берег, отложив посещение до завтра.

На другой день, часу в 6 вечера, я собрался наконец с Т\*\*\* на берег, с исключительным намерением, сделать первый визит К\*\*\*. Подходя к его дому, мы невольно припомнили предостережение Алексея Леонтьевича и мысленно с нетерпением приготовлялись удостовериться, до какой степени его слова были справедливы. Но вот мы в прихожей, нас

---

<sup>1</sup> В 1839-1842 гг. командиром бота «Алеут» состоял прапорщик Алексей Леонтьевич Хлебалкин. В его честь назван остров в Авачинской губе в бухте Крашенинникова. — *прим. OCR.*



просят в залу, Здесь приняла нас девушка, лет 19, с открытым лицом, показывавшим доброту. Большие, чёрные глаза, тёмно-русые волосы, стройный стан, густые брови и ресницы — вот данные, по которым можно представить особу, оказавшуюся одною из дочерей К\*\*\*. На наши вежливости и комплименты она отвечала непринуждённо, мило и без всякой застенчивости. Не ожидая встретить развязности<sup>1</sup>, которою она щеголяла, в камчатской барышне, мы, сказать откровенно, кажется, не много смешались; однако тут же оправились и не замедлили отрекомендоваться.

«Весьма приятно познакомиться с вами; батюшка будет очень рад: он уже давно не получал писем от своего Николая» — сказала она в ответ, узнав, что я воспитывался вместе с её братом. Несколько времени поддерживала она разговор, видимо стараясь занять «петербургских» гостей. Вскоре вошёл в комнату её отец, старик Фёдор Дмитриевич.

«Позвольте вас облобызать, яко бы сына своего» — произнёс почтенный старик, сжимая меня в своих объятиях. Эта сцена невольно тронула нас до глубины души... Описать восторг отца я не в состоянии. Нужно было видеть, с каким радостным умилением он смотрел на меня, слушая повествования о его сыне, находившемся в то время в Петербурге, следовательно, на расстоянии более тринадцати тысяч вёрст! Крупные слёзы навёртывались у него на глазах... он закидал меня вопросами, на которые я едва успевал отвечать, между тем как Т\*\*\* — великий политик и эгоист! — занялся Евгенией Фёдоровной: так звали старшую дочь К\*\*\*, которая нас встретила.

Посреди то шуточных, то серьёзных разговоров, время летело весело и незаметно, как вдруг заревая пушка (!!!), возвестившая 9 часов, прогремела, и гул её пробежал глухими перекатами посреди неподвижных великанов гористых окрестностей Петропавловска.

Мы собрались идти.

Старик К\*\*\*. просил нас навещать его почаще, говоря, что мы можем располагать его домом, как своим: словом, без околичностей. Мы благодарили и торопились идти.

---

<sup>1</sup> В то время слово «развязность» имело также положительную коннотацию и означало непринуждённость, раскованность, непосредственность. — прим. OCR.

Дорогою почти ничего не говорили. Машинальное «на транспорте: шлюпку!», которое пробасил Т\*\*\* с пристани, пробудило матроса, назначенного на двойку, от приятной дремоты под баком, и вскоре за тем слышалась более сонная, чем вялая гребля.

Таким образом началось наше знакомство с петропавловцами, с которыми мы познакомились в короткое время до того, что не было дома, в который бы мы не были вхожи. К чести почтенных граждан отдалённого Петропавловска должно сознаться, что гостеприимство и хлебосольство доведены у них до полного совершенства: стоит только кому-нибудь зайти, чтоб засидеться на худой конец часов на 6: запотчуют вас и тем-то, и другим, просто как на убой!

Между тем, нам отвели квартиру в доме купца Сахарова, так что к 25 числу мы могли перебраться с холодного транспорта в тёплое помещение. Это событие было довершено радостным известием: приходом брига из Охотска. На нём привезли почту, — а с нею, милостивые государи, мы ожидали обещанных писем из Петербурга!

Новости и короб приятных известий веселили моих сослуживцев; лишь одного из них роковая судьба не пощадила, его ожидало прискорбное известие о кончине отца! И всё утешение в столь незаменимой потере состояло только в соболезнованиях благородных и искренно преданных ему товарищей!..

28-го сентября и 1 октября в соборе Св. Петра и Павла происходили благодарственные молебствия; первое было по случаю обручения Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича с Её Императорским Высочеством, Великой Княжной Марией Александровной, а второе по случаю бракосочетания Их Высочеств. В эти высокаторжественные дни, по окончании благодарственных молебствий, были рады с церемониями и в заключение, обед у начальника Камчатской области (в нашу бытность начальником Камчатки был капитан 1-го ранга Страннолюбский<sup>1</sup>).

К тому времени на транспорте начались работы; пошла выгрузка привезённых вещей; вечно напевающая дудка весельчака боцмана, заливаясь в изгибистых трелях, мастерски одобряла людей, и тяжёлые

---

<sup>1</sup> Капитан I ранга Николай Васильевич Страннолюбский занимал должность начальника Камчатки с 7 октября 1840 года. — прим. OCR.

тюки шутя поднимались из трюма, облегчая тем постепенно загруженный транспорт. Один день на вахте, а два дня свободных на охоте, или у К\*\*\* — вот моё постоянное препровождение времени.

Однажды, на охоте, я имел случай познакомиться с М.Н. З\*\*\*, чиновником гражданского ведомства, и приобретя в нём милого и любезного собеседника и товарища, встретил, к довершению, удивительного стрелка. Убить птицу на лету пулею, — для него, кажется, было легче, чем истребить за завтраком пять-шесть десятков устриц. Он рассказал мне однажды на досуге про житьё-бытьё петропавловцев в летнее время, кажется *в августе*.

Но, оставляя летние занятия петропавловцев в покое, я обращусь к настоящему времени, т. е. к зиме, которая здесь настала. Дороги, холмики, леса, всё это покрыто и запудрено снежком; губу же, или собственно гавань Петропавловска, подёрнул уже тонкий лёд, и я, вспоминая недавно минувшие годы, подвязывал себе несколько раз коньки и катался вокруг транспорта, осмеиваемый при каждом неловком падении.

Первый зимний путь в Камчатке, в особенности же в Петропавловске, имеет свои удовольствия. Любители, или истые ездоки на собаках, вооружают к этому времени свои затейливые санки; собаки охорашиваются, лают и рвутся с цепей, на которых они проводят целое лето, и забавная езда на собаках начинается. Несмотря на удобство санок, употребляемых в этой езде, они очень неловки для новичка, который, при всей осторожности, непременно вылетит из них при первом толчке от косогоров, часто встречающихся по дорогам. С первого взгляда на санки трудно подумать, чтоб эти падения были так удобны; но, в самой вещи, езда на них требует некоторой сноровки и небольшой практики. Мне ни за что не верилось, чтобы я не мог справиться с тремя собаками и проехать на них без падения; однако, на другой день меня убедили, что «дело мастера боится!» Мне дали трёх собак и посадили, в кухлянке и торбасах, в санки; но едва только успели отдать найтовы, которыми они были прикреплены к столбу, как я, не отъехав и 10 или 15 сажений, торжественно вылетел из саней и упустил собак, а это считается величайшим стыдом между ездоками.

Довольно интересно взглянуть поближе на езду на собаках вообще; к тому же, я так пристрастился к ней в бытность мою в Камчатке, что могу сообщить моим читателям несколько любопытных подробностей.

Во-первых нужно заметить, что собак приучают к этой обязанности без особенных стараний: щенков привязывают на цепь, прикреплённую к довольно длинному шесту, врытому в землю; в таком положении собака проводит первый год своего существования и, привыкнув к гибкости шеста, который она сгибает по мере натягивания цепи, доходит наконец самоучкою до мудрости таскать за собою санки. Годовому щенку обрубают хвост, чтоб он *не лиховал* (не ленился), и запрягают потом в сани, где, вместе со старыми собаками, он приучается быть послушным забавной команде ездока. Собак запрягают в сани две в ряд и одну впереди; последняя называется *передовой* и бывает обыкновенно умная собака, так что цены передовых между ездоками-любителями доходят даже до 700 рублей. Упряжь чрезвычайно проста, легка и удобна; вожжей, следовательно и уздечек, нет: передовая собака слушает слов: «кьях-кьях» — направо, «хуге-хуге» — налево, и прищёлкнутого продолжительного «аааа» — стой. Кроме того, ездок употребляет ещё *оштыл*<sup>1</sup>, дерево с небольшой погибью и заострённым железным наконечником, которым он задерживает санки на ходу и, в случае нужды, пригвозживает их на открытой и голой тундре.

Для скорой и лёгкой езды употребляют так называемые *санки*; они состоят из двух деревянных полозьев (иногда на них накладывают также китовые рёбра чтобы увеличить ходкость саней по насту), соединённых между собою двумя таковыми же копыльями, на которых помещается продолговатая плетёная корзина, или коробка. Она покрывается медвежьей шкурой, украшенной бронзированными или вызолоченными лапами; на копылья, санные дуги и принадлежащие к ним бакштаги накладывают клетки из разноцветных ремешков. В такие сани запрягают обыкновенно от пяти до семи собак. Скорость подобной езды удивительна. От Петропавловска до Авачинского селения считают 12 вёрст; это расстояние, разумеется около середины зимы, когда собаки уже несколько обегались, хорошие ездоки проезжают в тридцать пять минут! Почти невероятно!...

Для путешествий, т. е. путей продолжительных, здесь употребляют *повозку*; это та же кибитка, только в миниатюре. Она обита внутри медведем, а снаружи юфтью; спереди накидывается полог, который во время пурги (вьюги или метели) тщательно прикрепляют к кузову. В

---

<sup>1</sup> Более распространенное название: *остол*. — прим. OCR.

повозку запрягают от 12 до 24 собак, которые управляются *каюром*; слова: извозчик, кучер непонятны жителям Камчатки...

*Экипажка* — почти та же повозка; разница в том, что она отделяется несколько щеголеватее и изысканнее, и употребляется исключительно дамами.

*Нарта* заменяет в Камчатке наши роспуски; на ней возят дрова, воду и всякие тяжести. Она делается преимущественно из берёзы, крепко и просто; но лёгкость всё-таки соблюдается.

Не знаю, как другим, а мне понравилась езда на собаках; в особенности приятно прокатиться вечером, при лунном свете, когда собаки, видя свою тень, стараются её обогнать. Мы составляли несколько поездок на Авачу и Калахтырку; это было нечто вроде пикников. Выедут, бывало, 6-7 саней — и на первой же тундре начнут гонку; при этом, необходимо заметить, много значит уметь ездить, т. е. вовремя и, главное, умеючи вскрикнуть на собак, или свистнуть, и тому подобное. Владелец нашей квартиры, М.П. С\*\*\*, показал нам однажды эту удаль. Побеседовав сначала с «винтовкой», как он называл бутылку с зельем, он нарядился в кухлянку, взял оштыл и поехал гоняться. Воротившись, он захотел нам показать, до какой степени его передовая собака послушна. И что же он, как бы вы думали, сделал?.. въехал к нам в комнату на семи собаках!.. Замечательно, что в таких случаях всё дело зависит от передовой собаки: куда она, туда и остальные пойдут за нею. Мне кто-то, не помню, рассказывал про собаку, которая, как меня уверяли, пробежала с шестью собаками через разложенный и зажжённый костёр; и я этому очень охотно верю после того, что сам видел у С\*\*\*.

Большая часть завоеваний наших на востоке Азии были исполнены с какою-то баснословной отважностью, и этот же характер носит на себе завоевание Камчатской области. Конечно, моим читателям известно, что по распространении русских владений в Сибири, правительство обращало большое внимание на тщательное обследование земель, простиравшихся далее Анадыри, и поручало потому всем, отправляющимся для приведения тамошних иноверцев в подданство России, стараться о разведывании народов, населяющих соседственные земли к востоку, и узнавать об их числе, вооружении и богатстве. Когда пенжинские и олюторские коряки Анадырска были объясачены, то вероятно было уже известно и о Камчатке, потому что коряки — ближайšie соседи камчатских народов и кроме того, часто кочевали внутри полуострова. Но кто

первый из русских был в этой обширной стране, с достоверностью сказать нельзя, хотя предание говорит, что первый русский, посетивший Камчатку, был купец Фёдор Алексеев, который, выйдя из устья реки Колымы, был сюда занесён бурей и в последствии убит тигильскими коряками. Впрочем, не говоря уже о сомнительности этого рассказа, он не заслуживает чести быть предметом исторических розысканий, потому что последствия нечаянной экспедиции Алексеева в Камчатку не принесли никаких выгод не только в отношении государственного интереса, но даже и относительно, хотя бы несколько достоверного известия об этом крае: все убывшие с Фёдором Алексеевым промышленники, находившиеся, по всему вероятно, на зимовье между Анадырем и Олюторском, были перебиты коряками, так что никто из них не возвратился на родину. Поэтому, первым походом в Камчатку можно считать экспедицию казака *Владимира Атласова*, который в 1695 г. был прислан из Якутска приказчиком в Анадырский острог<sup>1</sup>, чтобы собирать ясак с подвластных анадырских казаков и юкагиров, по прежним примерам продолжать деятельно розыскания о других народах, и приводить их в подданство России. На другой год Атласов ходил в Камчатку с 60-ю казаками и таким же числом юкагиров, и ласковым обхождением склонил к ясачному платежу три острога, Акланский, Каменный и Усть-Таловский, да один взял с бою<sup>2</sup>. Потом он разделил свою партию надвое; половину послал на восточное море, а с другой отправился сам вдоль берегов Пенжинского залива. Вскоре за тем союзники его, юкагиры, изменили ему; однако, казаки мужественно наказали изменников, хотя и потеряли со своей стороны трёх человек убитыми и имели до 15 человек раненых; невзирая на это обстоятельство, без сомнения неблагоприятное казакам, они продолжали свой путь далее к югу, до реки Тигили, где обе партии Атласова соединились. Здесь они по берегам рек Напаны, Кигили, Ичи, Сиупчи и Харьюзовой, покорили несколько острогов и собрали с них ясак. Отсюда отряд Атласова перешёл на реку Камчатку, основал Верхне-Камчатский острог и оставил в нём казака Потапа Серюкова с 15-ю человеками команды. Атласов выехал в июле 1700 года в Якутск,

---

<sup>1</sup> Анадырский острог был основан в 1649 году Семёном Дежнёвым. – прим. OCR.

<sup>2</sup> Все эти и нижеследующие сведения о покорении Камчатки взяты автором из труда С.П. Крашенинникова «О завоевании камчатской земли, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей» (1755 г.). Крашенинников применял слово *острог* (*острожек*) вообще ко всем поселениям на Камчатке, включая поселения (деревни) местных жителей. Хотя, конечно, *остроги* (в смысле укрепленные городки, деревянные крепости) строились исключительно русскими и населялись, в основном, тоже ими. – прим. OCR.

взяв с собой собранный им ясак (состоявший из 80 сороков соболей, со-  
больей парки, 10 морских бобров, 7 бобровых лоскутов, 10 лисиц сиво-  
душек и 191 красных) и японского пленного, отнятого им от камчада-  
лов на реке Иче. Из Якутска Атласов был отправлен в Москву, где за ока-  
занные им услуги царской службе он был пожалован якутским казачьим  
головою. Вскоре после того снарядили в Камчатку другую экспедицию,  
поручив начальство над нею тому же Атласову, которому было прика-  
зано набрать до ста человек детей казаков, расположенных в Тобольске,  
Енисейске и Якутске. Кроме того, для похода ему было предписано  
взять две пушки, несколько пищалей, свинцу, пороху и других военных  
снарядов; также полковое знамя, барабанщика и трубача (сиповщика).  
Однако, невзирая на эти приготовления, Атласов не мог отправиться по  
назначению ранее 1706 года, потому что до того времени он находился  
под следствием по челобитной гостя Логина Добрынина, судно кото-  
рого с китайскими товарами Атласов разбил, шедши на судах из Тоболь-  
ска по реке Тунгуске. Таким образом, в 1702 г. в Камчатку отправили ка-  
зака Михаила Зиновьева, которого сменил в 1704 г. пятидесятник Васи-  
лий Колесов, заведывавший острогами два года, потому что посланные  
ему на смену в 1704 и 1705 годах якутский боярский сын Василий Про-  
топопов и казак Василий Шелковников были убиты по дороге олюто-  
рами. Между тем, в то время, как другие народы Камчатской области по-  
корялись ясачному сбору, бывшие уже нам подвластными, следова-  
тельно объясаченные, племена возмущались и делали на наши остроги  
нападения, впрочем весьма незначительные по последствиям. В быт-  
ность же Фёдора Анкудинова, заведывавшего Верхне-Камчатским  
острогом, Фёдора Ярыгина — Нижним и Дмитрия Ярыгина — Больше-  
рецким острогом, камчадалы в последнем остроге взбунтовались, со-  
жгли его и перерезали всех казаков. Причину этого возмущения объяс-  
няют таким образом: камчадалы, сколько известно, думали, что перере-  
зав казаков, которых они почитали беглыми, приобретут тем свою  
прежнюю независимость и надеялись, что коряки и олюторцы не станут  
пропускать вновь незначительные партии наших казаков. Казаки, быв-  
шие в других острогах, не могли до поры до времени предпринять ни-  
каких решительных мер, но должны были жить с большою осторожно-  
стью.

В 1706 году освободили Атласова и отправили на прежних правах, да-  
рованных ему в 1701 году, в Камчатку, куда он прибыл на другой год в  
июле месяце. При отъезде из Якутска ему было разрешено держать

своих подчинённых в полном повиновении. Но Атласов дурно повёл дело, и на него приходили в Якутск жалобы, в которых говорилось о предосудительных поступках. Прибыв в Камчатку, он принял в заведывание Верхний и Нижний Камчатские остроги и немедленно отправил отряд в 70 человек под предводительством Ивана Таратина, в Бобровое море, для усмирения изменников камчадалов, которые незадолго перед тем противились ясачным сборщикам и некоторых из них даже убили. Отряд, посланный Атласовым, не встретил никакого сопротивления со стороны камчадалов до самой Авачи (вблизи нынешнего Петропавловска); здесь же камчадалы сделали на Таратина нападение, толпою около 800 человек, но были мужественно отбиты храбрым казаком, который заставил их покориться ясачному сбору. Этим покорение Камчатской области не было ещё, однако, совершенно окончено: в течении нескольких лет здесь происходили беспрестанные беспорядки, измены со стороны камчадалов и казаков, что, впрочем, не имело особенного влияния на дальнейшее покорение страны, хотя между казаками и случались убийства и даже междоусобные возмущения, возникавшие как в следствие жестокости, несправедливости и нападков Атласова, так и по необузданному своеволию его подчинённых. В 1713 году все эти распри были окончены Колесовым, который казнил Киргизова и Анциферова, главных виновников происходивших в то время беспорядков. Атласов, как и другие бывшие после него правители острогов, были перерезаны.

Главное и последнее возмущение камчадалов произошло в 1731 году, и виновниками его почитают казака Ивана Новгородова и казачьего пятидесятника Михаила Шехурдина, по выезде которого из Камчатки возмущение возгорелось. Не подлежит никакому сомнению, что камчадалы, видя быстрое распространение русских в их земле, имели намерение искоренить их всех без изъятия, чтоб этим приобрести свою прежнюю независимость; но боялись решиться на такой умысел потому собственно, что знали многолюдность и преимущество русских в вооружении и кроме того, видели беспрестанные подвозы казаков через Пенжинский залив, почему, очень естественно, и не выказывали никаких враждебных намерений. Но когда экспедиция Беринга отправилась в Охотск, а партии, находившейся в Камчатке, было велено следовать на боте «Гавриил» в Анадырь, чтоб соединиться с капитаном Павлуцким, шедшим на усмирение непокорных чукчей, камчадалы увидели возможность привести своё злое намерение в исполнение в то самое время,



когда партия выйдет из Камчатского устья, потому что в Камчатке оставалось к этому времени весьма мало казаков. Главными зачинщиками и поджигателями возмущения были тайон<sup>1</sup> Федька Харчин, бывавший зачастую толмачом при ясачных сборах, и ключевский тайон Голгочь, дядя первого: они деятельно уговаривали камчадалов принять участие в общем восстании. Между тем Шехурдин выехал благополучно из Камчатки с казённым ясаком, а партия съехала на устье реки Камчатки для дальнейшего следования к Анадырю. При выходе в море они остановились на якоре по случаю противного ветра. Камчадалы, бывшие у них в подводах, должны были известить об отбытии партии главных тайонов, совершенно приготовившихся к нападению на Нижне-Камчатский острог. Не дождавшись, однако, совершенного отбытия партии, они устремились на ботах вверх по р. Камчатке, стали бить и умерщвлять встречных казаков, жечь и грабить их пожитки, жён и детей забирать в плен; и, к несчастью, так успели в своём злодеянии, что перерезали почти всех русских, бывших в этом остроге. Только некоторым несчастным удалось избавиться от неистовых камчадалов и прибыть к устью реки с прискорбным известием, которое остановило дальнейшее отправление партии, следовавшей, как мы видели, к Анадырю. Разумеется, благоразумие требовало удержаться сперва своё, чем пускаться на новые покорения немирных. Между тем ключевский есаул Чегечь<sup>2</sup>, стоявший у моря, узнав о падении Нижне-Камчатского острога, поспешил соединиться с Харчиным, с которым он засел и укрепился в расхищенном остроге, разослав кроме того гонцов вверх по Камчатке с наказом, чтоб все съезжались в завоёванный острог. На другой день по взятии камчадалами острога, командир партии, штурман Яков Генс, отправил к отбитому острогу вооружённый отряд, в числе 60 человек, чтоб отплатить за насилие — насилием. Не употребляя сначала, впрочем, никаких угроз, возмутившихся камчадалов уговаривали на добровольное покорение, обещая помилование; но они и слышать того не хотели, дозволив себе, в добавок, непозволительную брань, в особенности же изменник Харчин, который кричал со стены: «зачем вы пришли? разве не знаете, что я камчатский комиссар? Я буду сам собирать ясак; а вы, казаки, в нашей земле не нужны».

---

<sup>1</sup> Старейшина в остроге.

<sup>2</sup> Почему С.П. Крашенинников (которого автор, по существу, цитирует) «присвоил» камчадалу Чегечу казацкое звание есаула (сотника), не совсем понятно. Вероятно, он просто имел в виду, что Чегечь командовал неким отрядом (100 человек?) туземного войска. — прим. OCR.

На это русские отвечали вооружённой рукой: стали стрелять по острогу до тех пор, пока не сделали под конец в стенах такие проломы, что пленные женщины, при робости осаждённых, могли выбегать из острога. Харчин, усомнясь, наконец, в возможности устоять против русских, перерядился в женское платье и убежал из острога так бойко, что посланная за ним погоня не могла его догнать; впрочем, казаки и его родной брат утверждали, что Харчин бегал так легко, что догонял на бегу даже диких оленей. Бой продолжался недолго: из числа осаждённых сдались 30 человек, а остальные были перебиты, за исключением разве некоторых, спасшихся бегством. Этому скорому разбитию много содействовало немедленное отправление и действие партии Генса, потому что камчадалы больших острогов, как например Камакова, в котором считалось до 100 человек, не могли вовремя присоединиться к отнятому у русских острогу, а после, когда слышали уже об отпадении русской партии с устья реки Камчатки, принуждены были ожидать окончания дела под видом людей, непричастных к этому возмущению и верных России. Но всё-таки дело этим не кончилось. Харчин снова собрал полчища возмутителей и намеревался дать русским решительное сражение; однако, последние опередили его и заставили отступить. Здесь русские успели взять Харчина в плен и рассеять затем всех непокорных, предводители которых, тайоны Тавачь, Тигель и Голгочь были ими убиты.

По мере того, как слух о завоевании Нижне-Камчатского острога доходил до более отдалённых камчатских народов, общее возмущение камчадалов достигало обширных размеров; они стали склонять на свою сторону всех соседей, и ласкою и угрозами, и надеялись в своих недоброжелательных замыслах разбить Верхне-Камчатский и Большерецкий остроги, не щадя между тем казаков, бывших в то время в их острогах. Но когда Верхне-Камчатский острог получил подкрепление из Нижнего, обе партии снарядили хорошо вооружённый отряд и отправили его вдоль по Пенжинскому побережью, чтоб громить без пощады всех непокорных камчадалов, в чём русские совершенно успели и в заключение разбили ещё авачинских изменников, 300 человек, чем смуты и беспокойства в Камчатке были на долгое время прекращены, а казаки жили в совершенной безопасности от нападений туземцев.

Вслед за этим происшествием отправили в Камчатку якутского полка майора Мерлина, для исследования причины беспорядков, происходивших до того времени в Камчатке. Вследствие этого розыска были

казнены трое казаков: И. Новгородов, А. Шпинников и М. Сапожников, и несколько наиболее виновных камчадалов, в числе которых был и Федька Харчин. С тех пор водворилось в этой отдалённой стране спокойствие, чему много способствовала Высочайшая воля Императрицы Елизаветы Петровны, щедроты и милость Её, даровавшая всем камчадалам, принявшим христианскую веру через проповедь Слова Божия, 10-летнюю льготу от ясачных податей. В Камчатку были тогда отправлены благочестивые пастыри; они стали заводить по всем острогам школы, в которых обучали безвозмездно детей казаков и камчадалов.

Камчатские племена, до покорения их Россией, жили в диком состоянии, не имели никаких начальников, никому не платили подати и не управлялись никакими законами. По наружности, этот народ несколько отличается от прочих сибирских народов: лица у них не столь продолговаты и скулисты, а губы толсты и рот большой. В домашнем быту нечистоплотны в высшей степени и в прежние годы ели пищу из одной посуды с собаками. Платье носят из звериных кож; питаются кореньями, рыбой и морскими зверями. Зимой жили в земляных юртах, а летом в шалашах или балаганах. О пороках и добродетели имели самое нелепое понятие; объядение, праздность и чувственные удовольствия, вот всё, что составляло тогда веселье Камчадала.

Что касается до языка камчатских народов, то можно заметить, что его разделяют на три разряда: камчатский, корякский и курильский; впрочем, каждый из них имеет по несколько наречий. В камчатском языке три главных наречия: одно у северных камчадалов, другое у южных, а третье у жителей по Пенжинскому заливу до реки Тигили (иные полагают третьим наречием язык чукчей). Несмотря на то, что первые два наречия чрезвычайно разнствуют между собою, камчадалы понимают, однако, друг друга без пособия толмача; в третьем наречии много корякских слов, хотя по преимуществу оно состоит из смеси первых двух наречий. Камчатский язык неприятен для уха: он состоит из гортанных звуков, произношение его трудно, протяжно и сопровождается сильными телодвижениями.

Однако мы перейдём с вами, читатель, от камчадалов к милым петропавловским камчадалкам; нам удалось видеть их в полном блеске на балу, который общество наших офицеров затеяло устроить, собравшись однажды у К\*\*\*.

Дело останавливалось сначала за квартирую, расположение которой соответствовало хотя бы несколько желаемой цели. Однако, беда была

поправимая: старик Фёдор Дмитриевич отдал в их распоряжение свой дом, в котором было прекрасное помещение, и они, по привычке всех моряков задуманное тотчас исполнять, тут же решили, что 25 октября должен быть «пир на весь мир!»

Дня за два до назначенного пиршества разнесли приглашительные билеты, в которых общество офицеров нашего транспорта покорнейше просило петропавловцев на чашку чаю.

Можно себе представить, сколько у нас, холостяков, было к этому дню хлопот. Гости стали собираться к 7 часам вечера. Камчадал Карандашев, единственный и потому знаменитый скрипач в Петропавловске, бойко стоял на своём месте, при входе в залу, с нетерпением поглядывая на наших, не велит ли ему кто отхватить какого-нибудь дивного *чижика*. Дамы расположились в соседней комнате и, чинно усевшись, беседовали о своих муженьках. Среди них, между нами будь сказано, бабочек возможных климатов и цветов — «Одни как изумруд, другие как коралл, а те как яхонты горят!» — резко выступали наружу Евгения и София (младшая сестра). Всё отличало этих двух девиц от общества, которым они были окружены: манеры, тон и наряд их доказывали некоторую светскость; о красоте я лучше умолчу: младшая сестра София в этом отношении была самой дорогой жемчужиной во всём Петропавловске!.. Природные достоинства её ещё ярче выставлялись от умения одеться просто, но со вкусом; я охотно описал бы вам, до малейших подробностей, костюм красавицы, если б не удерживали меня известные стихи:

Мужчинам к этим объясненьям

Таланта вовсе не дано!

А впрочем, престранное, право, дело! Один взгляд чёрных, горделивых глазок — и какое-то непонятное электричество пробежит по жилам!.. Невольно начнёшь думать...

Но вообразите себе, снисходительные читатели, что меня вывело из такого патетического размышления?.. Варварский *чижик* Карандашева, который он пошёл «выбирать» на своей скрипке!.. Нехотя расхохочешься...

Между тем началась кадрили, для которой была составлена музыка из русских национальных песен. Первую фигуру танцевали под звуки «чижика»; вторую: «и шумит и гудит»; третью: «душа красная девица»; четвёртую: «перепёлка» и, наконец, пятую выделявали, внимая мотивам «татарина». «Татарин», это была, кажется, любимая пьеса усердного

Карандашева: он улыбался, разыгрывая её, и маленькие глаза его тогда почти исчезали.

Кадриль шла успешно: дамы изредка путались, но такого рода замешательство выкупалось вполне тщательными *па*, пестрившими этот монотонный танец цивилизованных народов. Все веселились, шутили, танцевали, кружились, и даже сам Карандашев, для соблюдения такта, а может быть и для собственного удовольствия, припрыгивал и от души смеялся. Вечер прошёл вообще непринуждённо весело, и только к 5 часам утра гости наши разъехались... виноват! — разошлись по домам.

На другой день я был с Т\*\*\* и З\*\*\*. на охоте. Она была, впрочем, не совсем удачна: бедный Т\*\*\* как-то оступился, упал и рассёк себе верхнюю губу о камень, между которыми он пробирался к стаду соблазнивших его уток. Мы воротились. Наш доктор стянул Т\*\*\* рану пластырями, и по прошествии двух недельного лечения у него остался один рубец, который при разросшихся впоследствии усах сделался почти незаметным. Но как бы то ни было, а эта злодейская рана лишила его многих удовольствий.

У З\*\*\* я проводил вечера очень приятно. Мы говорили много об охоте, ловле различных зверей и рыбы, и я приобретал прелюбопытные сведения. Он рассказал нам, например, что тогда (в 1841 г.) здесь занялись, в виде опыта, ловлей китов, хотя и сделали всего одну попытку. Разумеется, этого рода промысел может быть очень выгоден и удачен, если принять в соображение удивительную смелость и отважность камчадалов. Кроме того надобно заметить, что к здешним берегам китоловные суда подходят весьма редко. Киты, по уверению жителей, водятся здесь во множестве. Не знаю, какие породы китов встречаются в этих местах по преимуществу; вероятно *Cetus*<sup>1</sup>, называемый англичанами *right* или *black whale*, от которого получается самый лучший китовый ус; эти киты водятся обыкновенно в больших широтах и принадлежат к самой крупной породе.

На 10-е ноября общество офицеров Петропавловска пригласило нас на вечер. Пир был весёлый, приятный и разнообразный. Танцами дирижировал любитель витиеватых *па* (*bombardero*, как его называли в шутку), а оркестром — старый приятель, очаровательный Карандашев!..

---

<sup>1</sup> Так по крайней мере надобно было полагать, судя по китовым усам, которые мне случилось видеть в Петропавловске.

В отношении к климату, Петербург мог бы позавидовать Петропавловску. Самые сильные морозы, как помнят старожилы, едва доходили здесь до 22° по Реомюру; летом бывает обыкновенно от 20 до 25° тепла. Почва около Петропавловска очень плодородна и удобна для разведения овощей; в последнем отношении особенно замечательна местность около горячих Паратунских ключей, находящихся на западном берегу Авачинской губы, в 12 верстах от Петропавловска<sup>1</sup>. Здесь был посажен когда-то картофель, который ещё до сих пор не вывелся и, вероятно, никогда не выведется. Недель за пять до нашего прихода, там выросла брюква, которая весила тридцать фунтов! Температура паратунских горячих ключей оказалась по наблюдениям капитана Литке при 2½° мороза, +34 по Реомюру; воды их более всего помогают в цинге, и в грудных болях. При этих ключах находятся ванны; надзор за ними поручен особо назначенному для того чиновнику.

Главное продовольствие жителей Камчатки составляет рыба; реки полуострова наполнены ею в изобилии. Большая часть рыб принадлежит к лососинной породе; они называются: чавы́ча, кижуч, красная, хайко<sup>2</sup>, юкола<sup>3</sup> и горбу́ша; лучшие из них: чавы́ча, кижуч и хайко́; ю́кола идёт преимущественно в корм собакам. Из мелких рыб водятся: кунжа, гольцы (форели), вахня, корюшка, камбала и сельди. Большую рыбу ловят крючьями и ма́риком; первым орудием рыбу вытаскивают из речных ям, а ма́риком бьют её, когда она идёт по реке. В 4 летние месяца готовится запас рыбы на весь год, посредством провяливания её на открытом воздухе. Если в это время настанет ненастье и пойдёт дождь, рыба вся пропадает, и Камчадалу нечем кормить своих собак: а в них всё его богатство, всё его достояние! Есть у него собаки — будут и соболи и лисицы, а за них он достанет чай, водку, порох, табак и свинец. Если ж у него нет собак, он не в состоянии ничего добыть и должен терпеть голод и нужду. Вот каким случайностям подвержено существование камчадалов.

Главный промысел их состоит в ловле соболей, лисиц, выдр, горностаев и белок; они занимаются также ловлей диких баранов и коз, оле-

---

<sup>1</sup> Ключи эти расположены на восточной стороне болот, имеющих в длину 4 версты, в ширину около 2-х, и прилегающих с севера к небольшим песчаным холмам, в которых попадаются осколки диорита, долерита и порфира. На этом пространстве считают до пяти ключей, но из них только один несколько обследован.

<sup>2</sup> Кета. — прим. OCR.

<sup>3</sup> Юкола на самом деле не порода рыбы, а способ её приготовления — вяление, сушка. — прим. OCR.

ней, медведей и волков; нерпы (тюлени), лахтаки, сивучи, моржи и касатки добываются во множестве, не только для продажи, но и для домашнего обихода. Около Нижне-Камчатска водятся бобры, но промысел их незначителен.

Кстати, скажу здесь об охоте за тетеревами на собаках. Она производится следующим образом: когда ездок увидит на дереве тетерева, он не подъезжает к нему прямо, но начинает около него кружиться, уменьшая между тем постепенно расстояние до дерева, на котором сидит птица; это делается потому, что тетерев, как выражаются камчатские жители, *сторбжка* и не подпустит охотника на ружейный выстрел. Если же начать около него кружиться, тетерев станет любоваться собаками, и до того засмотрится на них, что ездоку или охотнику можно будет подъехать к самому дереву, остановить собак, прицелиться и стрелять наверняка; а камчадал иначе и не любит стрелять; свинец там слишком дорог, чтоб напрасно терять заряд: фунт дроби стоил в нашу бытность два с полтиной<sup>1</sup>.

Растительность в окрестностях Петропавловска небогата; здешние леса состоят преимущественно из мелкой берёзы, ольховника, кедровника, тальника и лиственницы.

Господствующие ветры северо-западный, северо-восточный, восточный и юго-восточный. Северо-восточные и юго-восточные ветры приносят пасмурную погоду, а зимою жестокие пурги. При западных ветрах погода бывает обыкновенно ясная, и стоит по несколько недель сряду.

По вершине Вилучинской сопки жители Петропавловска делают метеорологические наблюдения, почему она получила название «естественного барометра». Если вершина этой колоссальной горы, находящейся по измерению капитана (ныне вице-адмирала) Литке в 1055 саженей над поверхностью моря, покрывается к вечеру облаками, то петропавловцы ожидают дождя, а в противном случае, если вершина чиста, можно рассчитывать на ясную погоду. Если же при безоблачном небе, вершина сопки окружена лёгкими облаками, то это вернейший признак к восточному ветру.

Между тем, выгрузка кончилась, и люди уже были заняты нагрузкою балласта, наливкой в бочки и котлы пресной воды, исправлением такелажа и вообще приведением в порядок всего рангоута. Эти приготовления ясно говорили о скором отходе транспорта из приятной стороны!..

---

<sup>1</sup> Здесь везде я разумею цены на ассигнации.

Путь предстоял нам, правда, обратный, к своим близким, — но. всё почему-то хотелось простоять ещё несколько времени в Петропавловске: что-то особенное приковывало меня к дикой наружности окрестностей, и всюду и во всём виделся мне чудный и неподражаемый образ очаровательной девушки с её выразительными глазками!..

По мере того, как мои посещения в тот дом, где она жила, становились чаще, воображение моё разыгрывалось и в голове толпились самые несбыточные предположения; восхищаясь моим кумиром, я под конец решительно влюбился!..

Однажды, под вечер, мы пригласили к себе несколько камчадалов, чтоб посмотреть на их туземный танец, называемый *бахия* (пляска медведей, или медвежья). Уморительного в нём много. Дело в том, что медведь начинает ухаживать за медведицей и строит ей куры. Мотив припева, выражающий любезничанье медведя груб, и даже дик<sup>1</sup>. Камчадал, принявший на себя *роль* главного *медведя*, выдержал её прекрасно, по крайней мере очень натурально; другие как-то путались, и он взбесился. «Черти ви, эфтакие неображованные! — прокричал он гневным тоном — ваш вшех в корпус надо отдать!»<sup>2</sup> — заметил он в заключение, высовывая свою раскрасневшуюся физиономию из кухлянки. Мы, натурально, расхохотались, и сконфузив тем танцующих, расстроили весь забавный спектакль. Замечательно, что танцы всех диких племён выражают или высказывают преимущественно страсти; любопытно знать, что они выражают у народов цивилизованных?

Право жаль, что в духе здешних торговцев вовсе нет, или, по крайней мере, очень мало энергической предприимчивости. Как могут они, например, видеть хладнокровно, что с 1838 года приходит сюда ежегодно американское трёхмачтовое судно из Бостона, привозя необходимые для здешнего края продукты: муку, рис, вина, табак и многое тому подобное. Отсюда же это судно увозит прекрасную солёную рыбу и, в придачу, до ста двадцати тысяч рублей ассигнациями наличным капиталом. И сибирские купцы не обращают, по-видимому, никакого внимания на то, что иностранцы вывозят из России сокровища, которые с пользою могли бы оставаться в нашем отечестве, если б они решились ссудить на какие-нибудь пять-шесть лет не более 300 тысяч — капитал, который для таких людей не много значит. Ну, чтобы завести хороший

---

<sup>1</sup> Для желающих иметь некоторое понятие о припеве, прилагаем ноты для фортепиано.

<sup>2</sup> Букву Ш камчадалы произносят как С, эту наоборот, как Ш, а З как Ж.



барк, тонн в 400, ходить в Манилу, на Сандвичевы острова и в Калифорнию, где так дешёвы естественные произведения и рогатый скот, и тем оживить уединённый камчатский край хотя бы транзитной торговлей? Сколько задушевных русских «спасибо» отозвалось бы на это благодетельное предприятие?!.. Добрые камчадалы благодарят американцев за то, что они продают дробь по рублю и полтора за фунт; а она не стоит у нас и пятнадцати копеек!.. Да мало ли, впрочем, чего можно бы было ожидать от Камчатки! Она, мимоходом будь сказано, «золотой край!»...

15-е ноября было свидетелем нашего прощального бала; мы отпраздновали его в нашей скромной обители, которая оказалась на этот случай очень достаточной.

17-го числа, по приказанию капитана, приступили к выпиливанию льда по направлению к выходу в Авачинскую губу, в которой, кроме окраин берегов, ещё не замерзало. Работы шли успешно: транспорт двигался с каждым днём к выходу. 20-го ноября отслужили у нас молебен, при котором присутствовали многие из жителей Петропавловска. С этого дня начались наши прощальные визиты, а через двое суток, оставив своё скромное помещение в доме С\*\*\*, мы перебрались на холодный транспорт. Морозы стояли в то время около 13°.

На другой день, к полудню, мы были уже почти у коски<sup>1</sup>, а к вечеру, выбравшись совершенно из льда, перешли под парусами в Авачинскую губу; идти далее нам не было никакой возможности, потому что в проливе, при выходе в океан, стоял ещё сплошной лёд. С рассветом следующего дня, т. е. 24 числа, мы могли однако сняться с якоря; ночью лёд разломало, поставили все паруса, и с тихим и ровным норд-вестом вышли благополучно из Авачинской губы, взглянув в последний раз на порт Петра и Павла и *домик в четыре чистеньких окна!*..

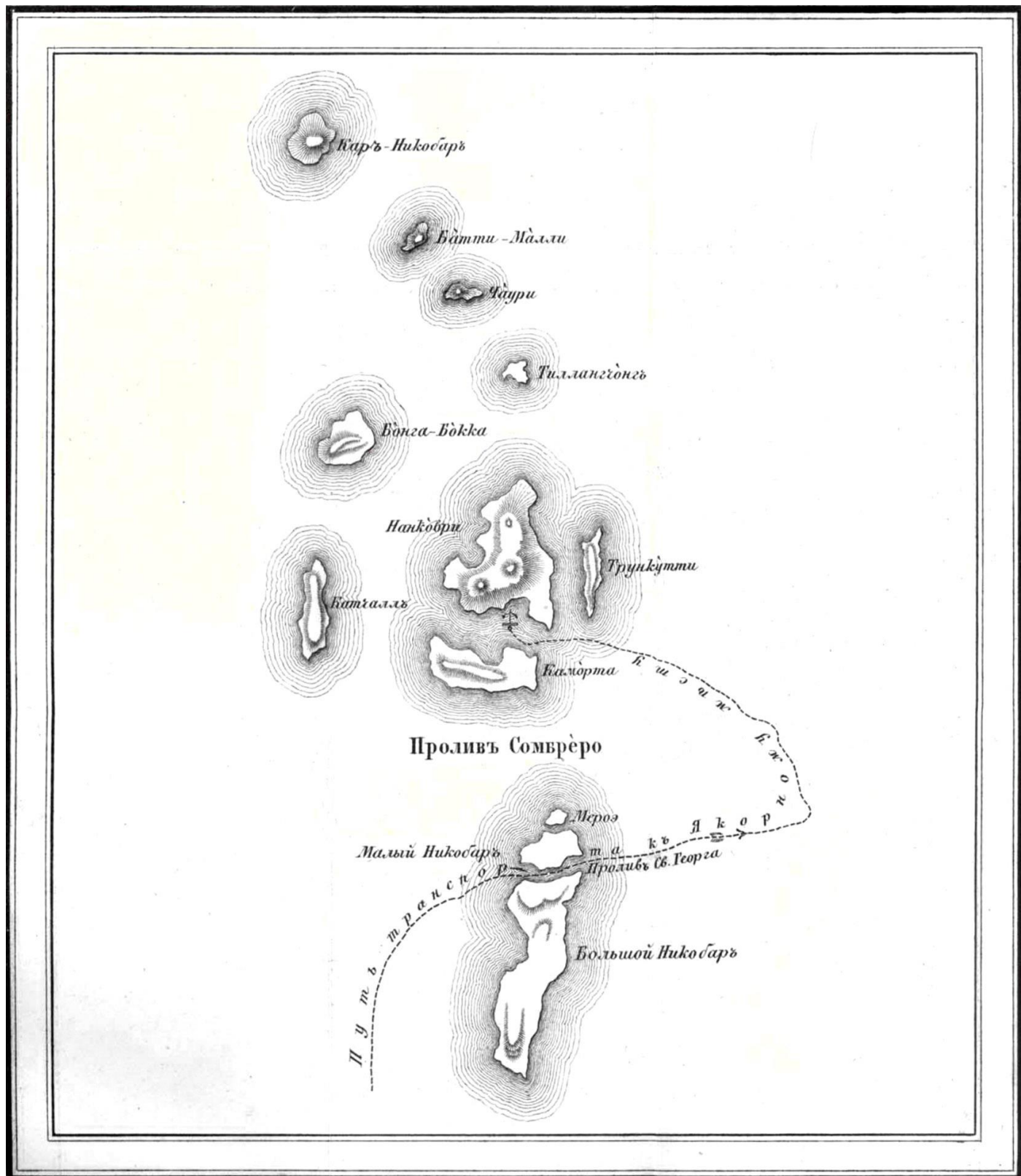
Прощайте, прощайте камчадалки!.. Прощайте и вы, неприступные скалы! Вы мрачны и грозны, но в этом и состоит вся прелесть, которой вы приковываете взор путешественника!... Увижу ли я когданибудь снова эти мрачные и покрытые сединой берега?.. Два чувства, совершенно противоположные, боролись во мне при отъезде: во-первых, мне было грустно, что покидаю Петропавловск, а с ним и С\*\*\*, а во-вторых я радовался, что возвращаюсь назад, на родину!.. К вечеру берега сравнялись с уровнем горизонта, и последнее «прости», посланное со вздохом

---

<sup>1</sup> Небольшие песчаные мыски, выдающиеся в море, называют здесь *кошками*; вероятно это испорченное от слова *коса*, *коска*.

и от всего сердца, было так трогательно... так трогательно, что кажется теперь я уже не сумел бы выразить в этом слове столько чувства!..

*OCR и перевод в современную орфографию — А.В. Дуглас, 2025 г.*



ПЛАН ОСТРОВОВ НИКОБАРСКОЙ ГРУППЫ

The image shows a musical score for a piece titled "Bahia, Kamchatka Dance". The score is written for a grand piano and consists of five systems of staves. The first system has a treble and bass clef, with a key signature of two sharps (F# and C#) and a 2/4 time signature. The first staff of the first system contains a complex, arpeggiated melody with slurs and accents, marked with *rf* and *acc!*. The second staff of the first system contains a bass line with whole notes and rests, also marked with *acc!*. The second system has a treble and bass clef, with a key signature of two sharps and a 2/4 time signature. The first staff of the second system contains a melody with slurs and accents, marked with *f* and *acc!*. The second staff of the second system contains a bass line with slurs and accents, marked with *acc!*. The third system has a treble and bass clef, with a key signature of two sharps and a 2/4 time signature. The first staff of the third system contains a melody with slurs and accents, marked with *acc!*. The second staff of the third system contains a bass line with slurs and accents, marked with *acc!*. The fourth system has a treble and bass clef, with a key signature of two sharps and a 2/4 time signature. The first staff of the fourth system contains a melody with slurs and accents, marked with *acc!*. The second staff of the fourth system contains a bass line with slurs and accents, marked with *acc!*. The fifth system has a treble and bass clef, with a key signature of two sharps and a 2/4 time signature. The first staff of the fifth system contains a melody with slurs and accents, marked with *acc!*. The second staff of the fifth system contains a bass line with slurs and accents, marked with *acc!*. The score ends with a double bar line and repeat dots.

Бахия, камчатская пляска